ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2025. Т. 70, № 2

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2025. Т. 70, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Постоянная комиссия по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Рабочая группа по анализу деятельности Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2025. Т. 70, № 2.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 08.04.2025. Выход в свет 25.04.2025. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 56 экз. Заказ 72.
Цена номера: индивидуальная подписка – 14,48 руб., ведомственная подписка – 33,64 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2025

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2025, vol. 70, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Standing Commission on Education, Culture and Science of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Working group on the analysis of the activities of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Alla S. Shamruk – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Veronika N. Yarmolinskaya – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

E d i t o r i a l C o u n c i l:

Aleksandr N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center "Nauka" of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2025, vol. 70, no. 2.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *L. I. Kudzerka*

Signed to print on 08.04.2025. Published on 25.04.2025. Format 60×84 $^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 56 copies. Order 72.
Number price: individual subscription – BYN 14.48, departmental subscription – BYN 33.64.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2025

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Лукашевич В. К. Резонансные процессы в социуме: явное и неявное содержание 95

ГІСТОРЫЯ

Вашанаў А. М. Гісторыя даследавання помнікаў кудлаеўскай культуры на тэрыторыі Беларусі 103

МОВАЗНАЎСТВА

Снигирёва Н. А. Проблемы изучения языковых влияний в северо-славяно-балтийской контактной зоне 112

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Балуненко И. И. Зрелищность в новейшей архитектуре в контексте визуальной ориентации культуры конца XX – начала XXI в. 120

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Мяцеліца К. І. “Пахвала гетману Канстанціну Астрожскаму”: ідэйна-мастацкія і жанравыя асаблівасці.... 131

ПРАВА

Павлова Н. Ф., Луганская Н. Г., Гавриш А. Н. Направления совершенствования правового регулирования государственной научной и государственной научно-технической экспертиз..... 142

ЭКАНОМІКА

Додонов О. В. Парадигма инновационного развития сферы физической культуры и спорта Республики Беларусь 151

РЭЦЭНЗІІ

Мязга М. М. Актуальныя праблемы знешнепалітычнай гісторыі Беларусі міжваеннага часу..... 160
Навагродскі Т. А. Кніга пра святы і пра людзей, што іх святкуюць..... 163

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Аляксандр Мікалаевіч Булыка (Да 90-годдзя з дня нараджэння)..... 165
Михаил Владимирович Мясникович (К 75-летию со дня рождения)..... 169
Александр Николаевич Данилов (К 70-летию со дня рождения) 174

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Lukashevich V. K. Resonant processes in society: explicit and implicit content 95

HISTORY

Vashanau A. M. History of research of the sites of Kudlaivka culture on the territory of Belarus 103

LINGUISTICS

Snigiriova N. A. Problems of studying linguistic influences in the North Slavic-Baltic contact zone 112

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Balunenka I. I. Spectacularism of contemporary architecture within the context of the late 20th – early 21st century visual culture 120

LITERARY SCIENCE

Miatselitsa K. I. "Praise to hetman Konstantin Ostrozhsky": ideological, artistic and genre features 131

LAW

Pavlova N. F., Luganskaya N. G., Gavrish A. N. Directions for improving the legal regulation of state scientific and state scientific and technical expertise 142

ECONOMICS

Dodonov O. V. Paradigm of innovative development of physical culture and sports in the Republic of Belarus 151

REVIEWS

Miazga M. M. Current problems of the foreign policy history of Belarus in the interwar period 160
Novogrodsky T. A. A book about holidays and the people who celebrate them 163

SCIENTISTS OF BELARUS

Alexander Nikolaevich Bulyka (To the 90th anniversary Birth) 165
Mikhail Vladimirovich Myasnikovich (To the 75th anniversary Birth) 169
Alexander Nikolaevich Danilov (To the 70th anniversary Birth) 174

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 001.895:1
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-95-102

Поступила в редакцию 16.07.2024
Received 16.07.2024

В. К. Лукашевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

РЕЗОНАНСНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИУМЕ: ЯВНОЕ И НЕЯВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. Впервые осуществлено исследование форм и механизмов действия неявного знания в резонансных процессах в социуме. Выявлена специфика выражения форм этого знания на уровнях предметных представлений о носителях резонансных процессов, нормативных предписаний по их исследованию и рефлексивному осмыслению полученных результатов. На материалах теории подражания, концепций мемов, автопоэзиса и зеркальных нейронов показана продуктивность сопряженного анализа функционирования неявного знания в резонансных процессах социума средствами естествознания и социально-гуманитарных наук. Выявлены основные причины релятивизма значимости неявного знания у конкретных людей и социальных групп; важнейшая из них – личностный характер неявного знания, диапазон которого простирается от мировоззренческих представлений, типичных для определенной культуры и исторической эпохи, до индивидуальных тонкостей и предпочтений в осмыслении компонентов мироздания и конкретных ситуаций в жизненном мире личности.

Ключевые слова: резонансные процессы, социум, отклик, явное знание, неявное знание, когнитивные факторы, идентичность, релятивизм

Для цитирования: Лукашевич, В. К. Резонансные процессы в социуме: явное и неявное содержание / В. К. Лукашевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 95–102. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-95-102

Vladimir K. Lukashevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

RESONANT PROCESSES IN SOCIETY: EXPLICIT AND IMPLICIT CONTENT

Abstract. The article is the first to study the forms and mechanisms of action of tacit knowledge in resonant processes in society. The specificity of expressing the forms of this knowledge at the levels of subject ideas about the carriers of resonant processes, normative instructions for their study and reflexive understanding of the results obtained is revealed. Based on the materials of the theory of imitation, the concepts of memes, autopoiesis and mirror neurons, the productivity of a conjugate analysis of the functioning of tacit knowledge in the resonant processes of society using the means of natural science and social sciences is shown. The main reasons for the relativism of the importance of tacit knowledge among specific people and social groups are identified; the most important of them is the personal nature of tacit knowledge, the range of which extends from worldview ideas typical of a particular culture and historical era to individual subtleties and preferences in understanding the components of the universe and specific situations in the life world of the individual.

Keywords: resonant processes, society, response, explicit knowledge, tacit knowledge, cognitive factors, identity, relativism

For citation: Lukashevich V. K. Resonant processes in society: explicit and implicit content. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 2, pp. 95–102 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-95-102

Введение. Резонансные процессы представляют собой один из наиболее распространенных и действенных механизмов социального отклика на события как в самом обществе, так и в среде его обитания. Тем не менее именно эти механизмы на данное время оказались недостаточно изученными во многом за счет недифференцированного осмысления их когнитивных факторов,

© Лукашевич В. К., 2025

в частности, отсутствия внимания к тем, которые выражены в формах неявного знания. Соответственно, цель данной статьи заключается в экспликации этих форм и механизмов их действия в контексте изучения резонансных процессов в социуме. Связанные с ней задачи исследования во многом коррелируют с общегносеологической проблематикой, решаемой относительно роли неявного знания в познавательном освоении реальности, и вместе с тем ориентированы на ранее необсуждаемые аспекты: о связи неявных форм знания, функционирующих в русле резонансных процессов, с формами предпосылочного, предметного, нормативного и рефлексивного знания и их роли в сохранении идентичности и эволюции носителей резонансных процессов. Регулятивную основу исследования составляют требования референциального подхода и метода исторической реконструкции концептуальных построений.

Разработка заявленной темы связана, как минимум, с двумя принципиальными трудностями. Во-первых, с недостаточной изученностью критериев разведения явного и неявного знания, во-вторых, с нечеткими контурами резонансных процессов в социуме как исследуемого предмета.

О явном и неявном содержании не только резонансных процессов в социуме, но и любых процессов и образований реальности можно корректно рассуждать лишь в когнитивном контексте, относя к характеристикам их явного содержания те, которые представлены в формах знания, чье содержание «может быть передано от одного человека к другому и не требует дополнительной обработки для понимания» [1, с. 58]. Соответственно, их неявное содержание не обладает отмеченными характеристиками, хотя к настоящему времени отмечают его многообразные формы: субъектизированное, несубъектизированное, неартикулируемое, имплицитное, предпосылочное, личностное и др. Они зафиксированы в широком диапазоне познавательных ситуаций, по столь же широкому набору критериев, но не представлены в виде достаточно строгой классификации и не содержат требуемые логикой исследования заявленной темы методологические посылы. Предложены лишь некоторые абстрактные представления о месте неявного знания в когнитивной карте, выражающей особенности познавательного освоения реальности.

Во-первых, что касается разведения неявного знания и незнания в русле когнитивного процесса в целом, то в данном вопросе наиболее известна позиция В. Я. Цветкова, в соответствии с которой неявное знание – это промежуточное состояние между знанием и незнанием, обеспечивающая контекстуальную последовательность когнитивного анализа, оберегая как от неуемного оптимизма относительно значения неявного знания в исследовательской работе, так и его радикального игнорирования.

Во-вторых, относительно учета достаточно определенно наблюдаемых места и функций неявного знания в контексте специфических познавательных ситуаций выделяют мировоззренческие неявные знания, коррелятивное, пространственное, сложностное, детерминированное социальными факторами и другие формы неявного знания, довольно удачно квалифицируемые по традиции, идущей из языкознания как фоновые [2].

В целом же в исходных представлениях явно доминирует характеристика неявного знания как личностного, акцентированная основоположником анализируемого когнитивного направления М. Полани. Основания очень убедительны: при выходе за пределы личностного (индивидуального) сознания неявное содержание приобретает формы явного выражения, обеспечивающие его способность передаваться по обезличенным информационным каналам, не требующим «дополнительной обработки для понимания» (В. Я. Цветков).

Основная часть. В соответствии с темой данного исследования для нас первостепенное знание имеет содержательная наполненность неявного знания о резонансных процессах в социуме. И здесь, в соответствии со спецификой научного дискурса как одного из способов интеллектуального освоения реальности [3], предстоит достаточно определенно развести в нем неявное предметное, нормативное и рефлексивное содержание. Предметное неявное знание – это совокупность представлений о носителях резонансных процессов, их отношениях, связях и взаимодействиях с другими объектами реальности; нормативное – совокупность неявно принимаемых принципов, приемов и других средств регуляции познавательного процесса; рефлексивное – это неявно принимаемые цели познания (исследования), оценки качества полученного результата и его значимости для дальнейших исследований. Например, в додарвинской биологии неявно

принималось представление о невозможности радикальных катастроф, уничтожающих все живое; при создании специальной теории относительности А. Эйнштейн неявно принимал принцип соответствия, согласно которому существовавшие ранее представления о механическом движении полностью ассимилировались новой системой физического знания; в рефлексивных системах классической науки неявно принималась посылка о вневременном характере (ценности) приобретенного знания. Предстоит найти прецеденты названных типов неявного знания в русле анализа резонансных процессов в жизнедеятельности социума.

Осмысление резонансных процессов в социуме началось с зарождения ментальной схемы, согласно которой подлежащие объяснению явления (объекты, процессы) и их состояния представлялись следствием воздействия на них особой вибрирующей субстанции. В своем генезисе она строилась на теолого-мифологических представлениях о мироздании и претендовала главным образом на объяснение мыслительных процессов отдельного человека (преимущественно социальной значимой личности) [4]. Со временем она была применена для обоснования критериев социальной дифференциации в креативном и далее иерархическом измерении. Тем не менее эти первоначальные примитивные умозрительные представления не были забыты и предопределили одно из актуальных направлений исследования резонансных процессов в социуме, поскольку оставалась проблемной природа источника и механизмов резонансных воздействий на отдельного человека и тем более на определенный социум в целом.

Понимая социальный резонанс как ожидаемый должный отклик со стороны индивида, социальной группы и социума в целом на определенное воздействие, при такой схеме объяснения терялась специфика резонансных воздействий. Они фактически отождествлялись с любыми направленными и даже ненаправленными воздействиями. Однако неявно принималось допущение о наличии особого механизма резонансного взаимодействия, детали которого неизвестны. В качестве явной принималась посылка о волновой природе такого взаимодействия, возникшая еще в глубокой древности, независимо от последующего естественнонаучного открытия волновой природы резонансов.

Исходным условием анализа явного и неявного содержания знаний о резонансных процессах в социуме является понимание их природы. Согласно историко-лингвистической традиции, оно (понимание) сводится к отклику определенного носителя резонанса (социальной группы, индивида) на внешнее воздействие природного или/и социального характера. Такое понимание в русле современных методологических посылов и требований квалифицируется как следствие референциального подхода, согласно которому научному исследованию должны подлежать все объекты (явления, процессы), являющиеся референтными образованиями относительно определенных (однокоренных) слов и словосочетаний. Такого рода референтами, например, слова «модель» являются природные (материальные), а также искусственные (материальные и идеальные, знаковые, символические) объекты, объединяемые в своеобразный кластер, фактически на основании сугубо лингвистической традиции. Вопреки доминирующему пониманию модели как объекта, когнитивно воспроизводящего оригинал и обладающего с ним неполным сходством, с термином «модель» исследователи связывали вещественные эталоны, образцы как полные аналоги других объектов, а также процессуальные (аферетические) и интенциальные модели и добивались теоретически и практически полезных результатов.

Аналогично при изучении резонансных процессов в социуме не всегда ограничиваются исключительно взаимодействиями объектов (генераторов и приемников резонансов), которые осуществляются благодаря их колебаниям с одинаковой, близкой или кратной частотой волн. Учитывается прежде всего факт отклика приемника на воздействие, исходящее от генератора, понимая в целом социальный резонанс как отклик в обществе на внешние и внутренние воздействия, имеющие значение для генезиса, поддержания идентичности и эволюции социальных образований, включая человека в его социальном измерении. Однако референциальный подход в данном случае не только не селекционирует подлежащую исследованию реальность, но и приводит к фундаментальным методологическим и практическим проблемам.

Во-первых, объединяется в один класс событий всё множество взаимодействий объектов (явлений, процессов), имеющих своим следствием определенный отклик в социуме. В таком случае

необходимо далее, в соответствии с принципом дихотомии, выделять взаимодействия, не получившие отклика в реальности как наблюдаемого и осмысливаемого явления. Как это возможно? Возможно путем исключения последних из предметно-проблемного поля исследования как мнимой, лишь абстрактно-мыслимой реальности. Однако в настоящее («методологически просвещенное») время рядом окажется понятие виртуальной реальности с всеобщим признанием его фактически ничем и никем не ограничиваемым креативным потенциалом. Поэтому, в соответствии с референциальным подходом, логически приемлемым окажется признать существование резонансных взаимодействий, не получающих в социуме отклика вследствие отсутствия в социуме средств, необходимых для восприятия определенного типа взаимодействий, но тем не менее составляющих подлежащую исследованию реальность. На данное время они будут квалифицированы как область непознанного в когнитивном плане и как нечеткое множество в онтологическом измерении, т. е. как неявное в самом широком объеме содержание резонансных процессов.

Во-вторых, в той сфере социальной реальности, которая может быть отмечена наличием зафиксированных откликов на внешнее или внутреннее воздействия, предстоит выделить качественно особые результаты, в которых (в дополнение к изначально предсказуемым (предполагаемым) изменениям приемника воздействий, чьи механизмы в какой-то мере известны) содержатся изменения, генезис которых невозможно объяснить действием известных причин. Неизвестные причины и механизмы зафиксированных откликов – ещё одна потенциальная область неявного знания о резонансных процессах в социуме.

Основной формой откликов на внешние и внутренние воздействия в социуме, как известно, являются изменения в поведении и образе мышления социальных групп и отдельных людей, а основные когнитивные механизмы, обеспечивающие эти изменения (равно и стабильность социальных состояний), составляют действующие нормы общежития (социального устройства) и общения. Всё, что выходит за рамки общепринятых представлений о специфике данных изменений и их механизмов, в соответствии с референциальным подходом, также можно считать проявлениями (результатами действия) резонансных процессов. Первая группа событий и их источников (движущих сил) в таком случае может быть квалифицирована как явные, а вторая – как неявные резонансные процессы. Состав первой группы – это принципиально ожидаемые (в том числе планируемые) резонансные процессы. Соответственно, вторую группу представляют неожиданные (непланируемые) события. И в первом, и во втором случае их предстоит квалифицировать как приемлемые или неприемлемые, а приемлемые в свою очередь могут быть охарактеризованы по степени значимости как: 1) малозначимые; 2) существенные; 3) определяющие для генезиса, поддержания идентичности и эволюции социальных образований, включая человека в его социальном измерении.

Однако может ли представленная на основе референциального подхода методологическая схема исследования резонансных процессов в социуме быть принята в качестве адекватной (в самой высокой степени продуктивной) в реальных исследованиях, где доминирует более простая причинно-следственная схема, как достаточная для объяснения большинства социальных состояний и процессов? Время покажет. Пока можно лишь предполагать, что методологически оправданно будет дифференцировать (различать) процессы прямого и резонансного взаимодействия объектов реальности, выделяя резонансные процессы как взаимодействия колебательных систем (считая такими все образования реальности) с совпадающими, близкими и кратными частотами.

История изучения резонансных процессов в социуме свидетельствует об общей направленности их когнитивной ассимиляции как движении исследовательской мысли ко все более полному раскрытию механизмов неявных резонансов. Эта оценка будет справедливой и в тех ситуациях, когда неявные (ранее неизвестные механизмы резонансных процессов) оказывались связанными с известными (даже обыденно-обиходными) объектами и ситуациями. Таковы, например, носители резонансных воздействий в теории подражания Г. Тарда (новые предметы пользования, технологии действия и управления, кодексы верований и поведения, произведения искусства и др.) [5] и в концепции мемов Р. Докинза (от массово распространенных словечек, поговорок, мелодий до сложных мыслительных схем гениев науки и искусства) [6]. Тем не менее фундамен-

тальные результаты были связаны со столь же фундаментальными исследованиями в области естествознания. Убедительный современный пример – теория зеркальных нейронов [7], в соответствии с которой эффект резонанса в социуме – это в конечном счете действие определенной группы возбужденных нейронов. Какие еще природные силы могут быть причастны к механизмам резонансных процессов в социуме? На этот вопрос в настоящее время охотнее всех берутся отвечать представители пара-, квази- и лженауки (маги, колдуны, ясновидящие). Ученым же предстоит выявить действие природных сил в необходимом сочетании с социальными факторами.

Разумеется, социум (как и отдельный человек) – это элемент мироздания, находящийся в контакте (в том числе весьма опосредованном) с его другими элементами и испытывающий с их стороны определенное воздействие. Однако в русле анализируемой темы наиболее часто на первый план выходит проблема нейтрализации некоторых из этих воздействий. Об этом, в частности, свидетельствует содержание теории автопоэзиса, согласно которой эволюция живого базируется на механизмах поддержания идентичности биотических образований, нейтрализующих неприемлемые внешние воздействия. Первостепенное значение этих механизмов четко отмечают разработчики названной теории. «Я придерживаюсь того взгляда, – отмечал в свое время Ф. Варела, – что репродукция не является существенной для минимальной логики жизни… Идентичность имеет логический и онтологический приоритет над репродукцией, хотя и не предшествует репродукции в историческом плане» [8, p. 76]. «Для неодарвинистов, – подчеркивает ее современный представитель Э. Томпсон, – эволюция включает в себя *оптимизацию адаптации* через естественный отбор. А с точки зрения автопоэзиса эволюция включает в себя просто сохранение адаптации: до тех пор, пока живое существо не умирает, оно поддерживает свою автопоэтическую целостность, в силу этого оно адаптировано, поскольку его способ производства смысла продолжает быть жизненным» [9, p. 387].

Исследование механизмов распознавания и нейтрализации неприемлемых для биотических образований внешних природных воздействий – предмет определенного цикла естественнонаучных дисциплин. Их изучение в социальной сфере должно базироваться на данных этих дисциплин, поскольку социум (как и отдельный человек) – это образования, генетически и функционально связанные с биотой. И здесь на первый план выходит эволюционная проблематика, но, скорее, с акцентом не на идентичность, а на изменения эволюционирующих образований. В наше время стало понятно, что сохранение идентичности человека в его нынешнем социокультурном и цивилизационном качестве и тем более социума в целом невозможно в русле наблюдаемых процессов истощения необходимых для их существования ресурсов. Отсюда интерес к резонансным процессам как механизмам оптимизации направленности, темпов и ожидаемых результатов социальной эволюции.

Одним из наиболее известных и детально изложенных результатов работы в этом направлении является теория резонанса Х. Розы. Резонансные процессы в социуме автор рассматривает в сопряжении с наблюдаемой ныне тенденцией ускорения как доминирующей в его динамике. Понятие резонанса он использует для характеристики качества отношения человека и социума к миру как уравновешивающего издержки ускорения и уравновешенного (даже в своем роде как близкого к гармоничному), выделяя при этом три основных измерения («оси») социального резонанса: социальные, материальные и экзистенциальные [10, p. 43–44]. Он также называет их соответственно «горизонтальное» измерение (куда входят сфера семьи, проявления дружбы, политика), «диагональное» (включающее отношение к вещам в условиях работы, школьного обучения, в спорте, в потреблении) и «вертикальное» (это всеобъемлющие идеи или жизнь в соответствии с измерениями религии, природы, искусства и истории). Приоритетной является экзистенциальная ось, в русле которой люди ищут то, что их связывает с жизнью, природой, мирозданием в целом, где запечатлевается «опыт трансдентальности». Тем не менее, будучи реалистом, внимательным к проявлениям повседневной жизни, Х. Роза выделяет в этих измерениях специфические «потенциалы резонанса и отчуждения». В итоге довольно пессимистическое резюме: «Резонанс остается обещанием современности, но отчуждение является его реальностью» [10, p. 624], т. е. резонансные процессы не только уравновешивают интенции ускорения социальных процессов и социального развития в целом, но, скорее, являются драйверами их неординарного хода.

Неординарность (оригинальность) направлений социального развития задает техносфера, в том числе за счет явно выраженного содержания резонансных процессов. Как известно, это основа конструирования объектов в радиотехнике, создания средств обработки информации, диагностического и лечебного оборудования, разработки строительных конструкций и т. д. В социально-гуманитарной сфере интенции социальной эволюции внешне определяются результатами прямого («кратического») воздействия принятых в определенном социуме идеологий, норм общежития, моральных систем, мифологических и религиозных верований, социально-психологических ориентаций массового сознания. Реакции на эти воздействия могут быть квалифицированы как социальные резонансы, неявно принимая расширенное понимание резонанса как отклика на любое внешнее и внутреннее воздействие. Однако, как было отмечено выше, это не эвристично. По меньшей мере для объяснения ситуаций социального выбора и поведения не в соответствии, а вопреки установкам прямого воздействия. Нельзя было не замечать инакомыслия (ересей, протестных настроений и др.), возникших на определенном уровне социальной эволюции. Их влияние на отдельных людей, социальные группы и социум в целом во многом связано с действием социальных резонансов, не выражаемых в явных формах. Соответственно, их неявные формы предстоит раскрыть коррелятивно их предметному, нормативному и рефлексивному содержанию, а также социальному статусу (специфике) их носителей.

Предметное измерение содержания неявного знания о резонансных процессах в социуме задает наиболее широкий масштаб его осмысления. Это представления мировоззренческого уровня о неизвестных источниках, носителях и механизмах резонансных процессов. Они строятся по аналогии с известными данными о характеристиках резонансных процессов в неживой и живой природе, например, стохастических резонансов, где отмеченные параметры (характеристики) фиксируются в явной форме и достаточно определенно [11]. Однако все ограничивается лишь структурной аналогией. Неясно, будут ли включены в состав носителей резонансных процессов и элементов их механизмов образования уровня темной материи, хотя это принципиально допустимо и отдаленно зондируется. В контексте нормативного измерения можно заметить неявно выраженные предпочтения методологическим регулятивам неовиталистической концепции (в основе представление о мироздании как живом организме) в определенной мере в противовес ресурсам методологического потенциала синергетического подхода. В русле рефлексивного осмысления содержания резонансных процессов сохраняет силу неявное представление о принципиальной неискоренимости доминирующего влияния резонансных процессов на жизнь социумов как тайного «серого кардинала», повелевающего событиями (Х. Роза и др.).

Названные неявные знания о содержании резонансных процессов в социуме имеют мировоззренческую и философско-методологическую направленность, что дает основание квалифицировать их в соответствии с вышеотмеченной тенденцией как фоновые. Но понятно, что в реально осуществляемых исследованиях могут функционировать и иные, более конкретные по содержанию типы неявного знания. Это представления об элементах исследуемой реальности, их субстратах и взаимодействиях, гарантах целостности изучаемых образований, направленности их эволюции в широком социальном контексте и др. В настоящее время на основной источник такого рода неявного знания претендуют средства электронной коммуникации и прежде всего интернет. Назовем эти неявные знания компонентными, не создавая жёсткую границу между ними и фоновыми неявными знаниями. Компонентный тип неявных знаний, на наш взгляд, имеет широкое хождение (распространение в экстенсивном измерении) в социальных резонансах, что требует к нему особого внимания в плане оценки его влияния на общую картину резонансных взаимодействий в социумах. Основная трудность выявления степени и механизмов такого рода влияния кроется в упомянутых в начале статьи недостаточной изученности критериев разведения явного и неявного знания и доминировании ключевой характеристики неявного знания как личностного.

Заключение. Все имеющиеся квалификации типов неявного знания являются результатами сознательной аналитической работы, осуществляемой постфактум по отношению к выполненному исследованию. В русле же самого исследования неявное знание не фиксируется сознательно (сознательная фиксация сделала бы его явным). О наличии и характере (содержании) этого знания можно судить исходя из структуры и содержания результата исследования, сравнивая

эти параметры с тем, что было зафиксировано до проведенного исследования. Если окажется, что результат невозможно было бы получить без использования определенного (но не выраженного в ходе исследования в явной форме) предметного, нормативного или рефлексивного знания, то можно сделать вывод относительно его неявного существования и, соответственно, функционирования. По характеру выполняемых им функций можно судить о его типе и содержании.

Личностным характером неявного знания определяется диапазон неявного содержания резонансных процессов в социуме в целом. Этот диапазон очень широкий: от мировоззренческих представлений, типичных для определенной культуры и исторической эпохи, до индивидуальных тонкостей и предпочтений в осмыслении компонентов мироздания и конкретных ситуаций в жизненном мире личности, чем порождается крайний релятивизм значимости неявного знания у конкретных людей и социальных групп. То, что у одних принимается в качестве определяющего фактора, для других может быть второстепенным или вовсе не учитываемым. Например, обывателя вряд ли заинтересует перспективная динамика состояния дна Мирового океана при осмыслении им (в его отклике) событий в мировом агросекторе, но цены на сельхозпродукцию будут в центре внимания, как и многие определяющие их факторы экономического, финансового и политического характера. Для людей, продвинутых в геофизике, приоритеты, видимо, будут представлены несколько иначе. Аналогично в содержании массового отклика (социального резонанса) на региональные события в сфере образования достаточно отчетливо доминирует позитивная оценка его технико-технологической направленности, но культуролог обязательно обратит внимание и на теологическую, социально-психологическую и аксиологическую составляющие, нередко имеющие в данном конкретном регионе приоритетное значение. Обнаруживаемый групповой релятивизм не только регулярно подпитывает расширительное представление о масштабах неявного знания в резонансных процессах социума, но вместе с тем дает возможность рефлексивно осмыслить его генезис и реальное значение в русле исследования и научного решения проблемы управления резонансными процессами в социуме. Но это уже отдельная тема для исследования.

Список использованных источников

1. Цветков, В. Я. Анализ неявного знания / В. Я. Цветков // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1 (7). – С. 56–60.

2. Шеина, И. М. Роль фоновых знаний в понимании иноязычного текста / И. М. Шеина // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 111–117.

3. Лукашевич, В. К. Научный дискурс: креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания / В. К. Лукашевич // Восьмой Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире»: сб. науч. ст.: [в 6 т.] / Рос. филос. о-во; гл. ред. А. В. Смирнов. – М., 2020. – [Т. 1]: Секции 1. – С. 147–149.

4. Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавад-гита как она есть: в 2 т. / Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. – М. [и др.]: Бхактиведанта Бук Траст, 1990. – 2 т.

5. Тард, Г. Законы подражания: пер. с фр. / Г. Тард. – СПб.: Ф. Павленков, 1892. – 370 с.

6. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз; [пер. с англ. Н. Фоминой]. – М.: АСТ, Corpus, 2019. – 510 с.

7. Rizzolatti, G. The mirror – neuron system / G. Rizzolatti, L. Graghero // Annual Reviews of Neuroscience. – 2004. – Vol. 27. – P. 169–192. https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230

8. Varela, F. J. Patterns of life: intertwining identity and cognition / F. J. Varela // Brain and Cognition. – 1997. – Vol. 34, № 1. – P. 72–87. https://doi.org/10.1006/brcg.1997.0907

9. Thompson, E. Life and mind: autopoesis to neirophenomejlogy. A tribute to Francisco Varela / E. Thompson // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2004. – Vol. 3. – P. 381–398. https://doi.org/10.1023/b:phen.0000048936.73339.dd

10. Rosa, H. Resonanz. Eine soziologie der weltbeziehung / H. Rosa. – Berlin: Suhrkamp, 2018. – 815 s.

11. Стохастический резонанс как индуцированный шумом эффект увеличения степени порядка / В. С. Анищенко, А. Б. Нейман, Ф. Моос, Л. Шиманский-Гайер // Успехи физических наук. – 1999. – Т. 169, № 1. – С. 7–38. https://doi.org/10.3367/UFNr.0169.199901c.0007

References

1. Tsvetkov V. Ia. Tacit knowledge and its variants. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education,* 2014, no. 1 (7), pp. 56–60 (in Russian).

2. Sheina I. M. Role of background knowledge in written discourse comprehension. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2009, no. 6, pp. 111–117 (in Russian).

3. Lukashevich V. K. Scientific discourse: creative interaction of subject, normative, and reflective knowledge. *Vos'moi Rossiiskii filosofskii kongress «Filosofiya v politsentrichnom mire». Sektsiya 1: sbornik nauchykh statei* [Eighth Russian philosophical congress "Philosophy in a polycentric world". Section 1: collection of scientific articles]. Moscow, 2020, pp. 147–149 (in Russian).

4. His Divine Grace A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada. *Bhagavad-Gita as it is.* 2nd ed. Bhaktivedanta Book Trust, 1990. 720 p.

5. Tarde G. *Les lois de l'imitation: étude sociologique.* Paris, Alcan F., 1890. 445 p. (in French).

6. Dawkins R. *The selfish gene.* Oxford, Oxford University Press, 1976. 224 p.

7. Rizzolatti G., Graghero L. The mirror – neuron system. *Annual Reviews of Neuroscience*, 2004, vol. 27, pp. 169–192. https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230

8. Varela F. J. Patterns of life: intertwining identity and cognition. *Brain and Cognition*, 1997, vol. 34, no. 1, pp. 72–87. https://doi.org/10.1006/brcg.1997.0907

9. Thompson E. Life and mind: autopoesis to neirophenomejlogy. A tribute to Francisco Varela. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2004, vol. 3, pp. 381–398. https://doi.org/10.1023/b:phen.0000048936.73339.dd

10. Rosa H. *Resonanz. Eine soziologie der weltbeziehung.* Berlin, Suhrkamp, 2018. 815 p. (in German).

11. Anishchenko V. S., Neiman A. B., Moos F., Shimansky-Geier L. Stochastic resonance: noise enhanced order. *Physics-Uspekhi*, 1999, vol. 42, no. 1, pp. 7–36. https://doi.org/10.1070/pu1999v042n01abeh000444

Информация об авторе

Лукашевич Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: knausoxana1323@gmail.com

Information about the author

Vladimir K. Lukashevich – D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: knausoxana1323@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

HISTORY

УДК 903’12«633»(476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-103-111

Паступіў у рэдакцыю 21.02.2025
Received 21.02.2025

А. М. Вашанаў

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ГІСТОРЫЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ПОМНІКАЎ КУДЛАЕЎСКАЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ

Аннотация. В статье освещаются вопросы, связанные с развитием научных взглядов на мезолитическую кудлаевскую культуру. В истории изучения памятников кудлаевской культуры на территории Беларуси можно выделить четыре этапа, каждый из которых характеризуется состоянием исследований, а также отображает разные научные подходы к изучаемой проблематике: первый этап – от 1870-х до середины 1920-х гг.; второй этап – от середины 1920-х до начала 1960-х гг.; третий этап – от начала 1960-х до середины 1990-х гг.; четвёртый этап – со второй половины 1990-х гг. и продолжается по сей день.

Ключевые слова: мезолит, микролиты, кудлаевская культура, типология, кремень, хронология, ареал

Для цитирования: Вашанаў, А. М. Гісторыя даследавання помнікаў кудлаеўскай культуры на тэрыторыі Беларусі / А. М. Вашанаў // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 103–111. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-103-111

Aliaksandr M. Vashanau

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HISTORY OF RESEARCH OF THE SITES OF KUDLAIVKA CULTURE ON THE TERRITORY OF BELARUS

Abstract. The article considers issues related to the development of scientific views on the Mesolithic Kudlaivka culture. In the history of the study of the sites of Kudlaivka culture on the territory of Belarus, four stages can be distinguished, each of which characterizes the state of research, and reflects different scientific approaches to the studied issues. The first stage: 1870s – to the mid – 1920s; the second stage: from the mid – 1920s to the early 1960s; the third stage: from the early 1960s to the mid – 1990s; the fourth stage: from the second part of 1990s and continues to the present day.

Keywords: mesolithic, microlithic, Kudlaivka culture, typology, flint, chronology, area

For citation: Vashanau A. M. History of research of the sites of Kudlaivka culture on the territory of Belarus. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 2, pp. 103–111 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-103-111

Уводзіны. Упершыню меркаванне аб наяўнасці на ўсход ад р. Заходні Буг помнікаў эпохі мезаліту са своеасаблівым крамянёвым інвентаром было выказана польскім археолагам С. К. Казлоўскім у другой палове 1960-х гг. [1, s. 12–16]. Даследчык адзначыў пэўную ступень падабенства ў матэрыялах каморніцкай культуры на тэрыторыі Польшчы і шэрагу стаянак Украінскага Палесся. Высновы С. К. Казлоўскага грунтаваліся на аналізе матэрыялаў 1920–1930-х гг. [2]. Пашырэнне крыніцазнаўчай базы і ўвядзенне ў навуковы ўжытак матэрыялаў калекцый, атрыманых у міжваенны перыяд (Кажан-Гарадок, Кудлаеўка і інш.), дазволілі С. К. Казлоўскаму абгрунтаваць ідэю аб своеасаблівасці помнікаў, распаўсюджаных у басейне рэк Прыпяць, Сож і ніжняй Дзясны. Вынікам гэтага стала вылучэнне новай культурнай адзінкі, якая атрымала назву *«комплексы тыпу Кудлаеўка»* [3, s. 84–86].

© Вашанаў А. М., 2025

Далейшыя захады, звязаныя з развіццём канцэпцыі новай культурнай адзінкі, былі зроблены ў другой палове 1970 – сярэдзіне 1980-х гг. украінскім даследчыкам Л. Л. Залізняком. Ён пашырыў крыніцазнаўчую базу новага таксона і ўключыў у яго арэал тэрыторыю Паўночна-Усходняй Украіны і Паўднёва-Усходняй Беларусі. Грунтуючыся на працах сваіх папярэднікаў, а таксама на падставе ўласных даследаванняў, Л. Л. Залізняк увёў новую назву – *«помнікі тыпу Тацэнкі-Кудлаеўка»* [4], а пасля вылучыў асобную *тацэнкі-кудлаеўскую культуру* [5].

У 1989 г. выйшла манаграфія С. К. Казлоўскага, прысвечаная мезаліту Польшчы, у якой даследчык увёў у навуковы ўжытак канчатковую назву таксанамічнай адзінкі – *кудлаеўская культура* (далей – КДК) [6, s. 173–176].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца асвятленне гісторыі вывучэння помнікаў з матэрыяламі КДК на тэрыторыі Беларусі. Упершыню робіцца спроба сістэматызацыі вынікаў шматгадовай працы беларускіх археолагаў з вылучэннем асобных этапаў у гісторыі вывучэння помнікаў КДК.

Асноўная частка. Першыя помнікі з матэрыяламі, якія зараз атаясамліваюцца з КДК у Беларусі, былі выяўлены яшчэ ў апошняй трэці XIX ст. [7, s. 98–99; 8, с. 443; 9]. Аднак аб'ектам мэтанакіраванага вывучэння яны сталі толькі ў другой палове 1980-х гг., а да гэтага часу разглядаліся ў кантэксце іншых археалагічных культур.

Падчас разведак па р. Нёман у 1872 г. З. Глогер сабраў крамянёвыя матэрыялы каля в. Пышкі (Гродзенскі р-н, Гродзенская вобл.) [7, s. 98–99]. Атрыманая калекцыя налічвала больш за 130 крамянёвых вырабаў[1], сярод якіх прысутнічалі трапецыі высокіх формаў [11, s. 50–51]. М. Ф. Беляшэўскі ў 1889 г. абследаваў помнік каля в. Раманавічы (Гомельскі р-н, Гомельская вобл.), дзе сярод выяўленых крэменяў з апрацоўкай былі знойдзены ў тым ліку «некалькі вастрыёў з падпраўленымі краямі» [8, с. 443]. Е. Р. Раманаў паўторна наведаў гэты помнік у 1897 г., адзначыўшы вялікую колькасць зафіксаваных тут артэфактаў, і аднёс яго да тыпу «майстэрняў» [9, с. 98]. У 1901 г., праводзячы абследаванні ў басейне р. Заходні Буг, М. Ф. Беляшэўскі сабраў розначасовыя матэрыялы ва ўрочышчах Розумля, Субутын, Міжазер'е каля в. Страдзеч (Брэсцкі р-н, Брэсцкая вобл.) [11, с. 689–690]. У 1908 г. Е. Р. Раманаў падчас разведак па р. Друць выявіў багатую стаянку каменнага веку каля в. Новы Быхаў (Быхаўскі р-н, Магілёўская вобл.)[2]. У калекцыях усіх прадстаўленых помнікаў у далейшым былі ідэнтыфікаваны матэрыялы КДК.

У 1895 г. была выдадзена карта Гродзенскай губерні В. Ф. Пакроўскага, куды ў тым ліку трапілі і помнікі каменнага веку, на некаторых з іх у далейшым былі ідэнтыфікаваны матэрыялы КДК [12]. Праца, зробленая В. Ф. Пакроўскім, з'яўляецца адной з першых спроб абагульнення раней вядомай інфармацыі аб археалагічных помніках з выкарыстаннем картаграфічных метадаў. Матэрыялы да стварэння археалагічнай карты Магілёўскай губерні збіраліся таксама Е. Р. Раманавым. Сярод пералічаных ім помнікаў каменнага веку прысутнічаюць у тым ліку стаянкі з матэрыяламі КДК. На жаль, праца не зазнала своечасовай публікацыі і на доўгі час заставалася ў архіўных сховішчах, пакуль у 1970-я гг. не была выяўлена Г. А. Каханоўскім і ўведзена ў навуковы ўжытак у пачатку 2000-х гг. І. А. Марзалюком [13]. У далейшым, пасля Е. Р. Раманава, працы па пошуку новых помнікаў і матэрыялаў былі прыпынены падзеямі Першай сусветнай вайны.

Новы этап, звязаны з пачаткам вывучэння мезаліту як асобнай стадыі ў развіцці чалавецтва, распачаўся ў сярэдзіне 1920-х гг. і быў звязаны з шырокімі археалагічнымі працамі, што разгарнуліся ў гэты час. Археалагічныя даследаванні, якія праводзілі К. М. Палікарповіч, А. Д. Каваленя, С. С. Шутаў, І. А. Сербаў, А. М. Ляўданскі на ўсходзе Беларусі, а Л. і І. Савіцкія, К. Пшэмыскі, Я. Карашэўскі і іншыя навукоўцы – на захадзе краіны, сталі асновай для вылучэння КДК як асобнай таксанамічнай адзінкі на пазнейшых этапах [14–20].

У гэты ж час з'яўляюцца і першыя спробы навуковай інтэрпрэтацыі назапашаных матэрыялаў. У абагульняючых артыкулах, прысвечаных культурна-храналагічнаму падзелу каменнага веку Усходняй Беларусі і суседніх рэгіёнаў, К. М. Палікарповіч вылучыў тры археалагічныя культуры: эпіпалеалітычную, тардэнуа, кампіньі [16, с. 220]. Асаблівую цікавасць уяўляюць вылучаныя даследчыкам помнікі тардэнуазскай культуры. Яны характарызаваліся значнай сту-

[1] Калекцыя захоўваецца ў фондах Археалагічнага музея ў Кракаве (шыфр MAK/1785, 1925, 3049).

[2] Романов, Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда / Е. Р. Романов // Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества. – Вильно, 1910. – Кн. I. – С. 97–128.

пенню мікралітызацыі крамянёвага інвентару і вызначаліся «прысутнасцю трапецыяпадобных формаў наканечнікаў стрэл і невялікіх вастрыёў у выглядзе пласткоў з абабітым краем» [16, с. 220]. На думку К. М. Палікарповіча, помнікі гэтай культуры былі распаўсюджаны ў басейне рэк Прыпяць, Сож і Днепр. Прыкладна ў той самы час стаянкі з падобнымі рысамі крамянёвага інвентару былі вылучаны і ў заходняй частцы Беларусі [21]. У далейшым развіццё даследаванняў помнікаў КДК было прыпынена падзеямі Другой сусветнай вайны і неабходнасцю пасляваеннага аднаўлення.

У 1957 г. з друку выходзіць артыкул К. М. Палікарповіча, прысвечаны стаянкам, абследаваным у сярэднім цячэнні р. Сож [17]. Грунтуючыся на выніках разведак 1928 г., даследчык уводзіць у навуковы ўжытак раней невядомыя калекцыі матэрыялаў, дзе сярод іншых былі прадстаўлены і мікраліты КДК. Дадзенай публікацыяй К. М. Палікарповіч падвёў вынік шматгадовым працам у басейне р. Сож, што дазволіла закласці падмурак для далейшага вывучэння помнікаў эпохі мезаліту ў рэгіёне.

Наступны этап у вывучэнні помнікаў КДК пачынаецца ў пачатку 1960-х гг. і звязаны з пасляваенным пакаленнем беларускіх археолагаў. У гэты час адбываецца пераасэнсаванне матэрыялаў калекцый, назапашаных у перадваенны час, а таксама пачынаюцца новыя шырокамаштабныя працы па даследаванні помнікаў каменнага веку на тэрыторыі Беларусі.

У 1966 г. І. М. Ціханенкаў увёў у навуковы ўжытак крамянёвыя матэрыялы, сабраныя К. М. Палікарповічам ва ўрочышчы Латкі каля в. Рудня Споніцкая (Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.) [22]. Даследчык аднёс матэрыялы стаянкі, у тым ліку і мікраліты з прытупленым рэтушшу краем, да позняга этапу грэнскай культуры і датаваў іх познім дрыасам [22, с. 256–261]. У. Ф. Ісаенка ў артыкуле 1966 г., падсумоўваючы вынікі даследаванняў 1961–1965 гг. на тэрыторыі Палесся, уводзіць у навуковы ўжытак матэрыялы новых помнікаў [23]. У далейшым з сабраных калекцый былі вылучаны матэрыялы КДК на помніках Акулінка, Белая Сарока 1, Дарашэвічы, Рожава і шэрагу іншых. У. Ф. Ісаенка прадставіў першасную класіфікацыю геаметрычных мікралітаў, якая ўключала мікрапласцінкі з прытупленым краем і скошаным канцом, адшчэпы з прытупленым краем тыпу Кудлаеўкі, падоўжаныя сегментападобныя прылады, шырокія сегментападобныя прылады, паўсегменты, сегменты з падпрацаванай верхавінай, шырокія трохвугольнікі, шырокія, нізкія, раўнабедраныя і прамавугольныя трапецыі [23, с. 29]. Пры гэтым У. Ф. Ісаенка засяродзіў увагу толькі на пералічэнні тыпаў, не раскрываючы сутнасць кожнага з іх, што моцна ўскладніла ўспрыманне дадзенай тыпалогіі. Найбольш верагодна, што менавіта таму яна не была прынята археолагамі. Гэта было паўторана і ў наступных публікацыях даследчыка, прысвечаных тыпалогіі крамянёвых вырабаў з тэрыторыі Паўднёвай Беларусі [24]. Між тым у сваіх працах У. Ф. Ісаенка ўпершыню звярнуў увагу на тапаграфію размяшчэння і стратыграфічныя асаблівасці залягання мезалітычных помнікаў на тэрыторыі Беларускага Палесся [23, с. 25–26].

У другой палове 1960-х гг. У. Ф. Ісаенка вылучыў на тэрыторыі Беларусі тры культурна-гістарычныя вобласці: макралітычную (Верхняе Падняпроўе), мікра-макралітычную (Верхняе Панямонне, верхняя Прыпяць), мікралітычную (Усходняе Палессе) [25–27]. Вылучаныя вобласці характарызаваліся сталай прысутнасцю ў складзе крамянёвага інвентару мікралітаў, якія зараз разглядаюцца ў кантэксце КДК [27, с. 56–64]. Аднак прапанаваны У. Ф. Ісаенкам культурна-храналагічны падзел эпохі мезаліту Беларусі быў падтрыманы не ўсімі даследчыкамі. А. А. Фармозаў адмаўляў існаванне тут «макралітычнага мезаліту» і лічыў яго вылучэнне штучнай з’явай [28, с. 97].

Значны ўплыў на пашырэнне ведаў аб мезалітычных помніках зрабіла выданне археалагічнай карты У. Ф. Ісаенкі (1968). У дадзенай працы была абагульнена інфармацыя аб большасці вядомых на той момант помнікаў эпохі мезаліту на тэрыторыі Беларусі [26]. Сярод прадстаўленых стаянак і асобных месцазнаходжанняў можна вылучыць каля 40 помнікаў, якія ўключалі ў склад крамянёвага інвентару мікраліты КДК. Асобна трэба адзначыць інфармацыю аб чатырох пунктах са знаходкамі касцяных і рагавых артэфактаў, якія зараз атаясамліваюцца з КДК.

Выключна важнае значэнне для вывучэння старажытнасцей КДК на тэрыторыі Беларусі мела публікацыя С. К. Казлоўскага [3]. У артыкуле польскі археолаг сабраў і абагульніў даныя аб усіх вядомых на той час знаходках каморніцкіх мікралітаў на ўсход ад р. Заходні Буг. Даследчык

вылучыў 22 помнікі, якія змяшчалі ў сваіх матэрыялах згаданы тып артэфактаў, з іх 18 паходзіла з паўднёвай часткі Беларусі. Гэты факт дазволіў С. К. Казлоўскаму ўключыць тэрыторыю Беларускага Палесся ў асноўны арэал новай культурнай адзінкі [3, s. 107–120]. Нягледзячы на гэта, у беларускай гістарыяграфіі дадзеная публікацыя працяглы час заставалася незаўважанай, што значна замарудзіла працэс вылучэння матэрыялаў КДК у калекцыях шматкультурных помнікаў.

Значнай падзеяй у даследаванні помнікаў КДК на тэрыторыі Беларусі стала адкрыццё ў 1975 г. А. Г. Калечыц помніка Новыя Грамыкі 10 ва ўрочышчы Аўрамаў Бугор (Веткаўскі р-н, Гомельская вобл.). Помнік быў даследаваны на вялікай плошчы (775 м^2), тут былі зафіксаваны сляды двух жытлаў і 24 плямы агнішчаў [29, с. 94–95]. На падставе знойдзеных матэрыялаў навуковец аднесла помнік да пачатку позняга мезаліту [30, с. 20]. У больш позніх працах даследчыца звязвала атрыманыя матэрыялы з сожскай мезалітычнай культурай і вызначыла яго як паселішча-майстэрню [31, с. 65].

Да другой паловы 1980-х гг. у беларускай гістарыяграфіі да КДК адносіліся толькі стаянкі Кажан-Гарадок, Беласарока, Рэчыца 2 і Крынічная [32, с. 124]. Культурную прыналежнасць апошняй аспрэчылі В. Я. Кудрашоў і В. Л. Ліпніцкая, якія звязвалі крамянёвы інвентар помніка з бутаўскай культурай [33]. Нягледзячы на публікацыю згаданых аўтараў, В. П. Ксяндзоў у аўтарэфераце да доктарскай дысертацыі аднёс дадзены помнік да КДК [34, с. 26]. Канчаткова сувязь помніка Крынічная з КДК была абвергнута даследаваннямі А. У. Коласава [35]. Напрыканцы 1980-х гг. адбываецца выяўленне і праводзіцца вывучэнне новых помнікаў з матэрыяламі КДК на тэрыторыі Палесся (Азярное 1, Азярное 2Б, Ліпляны 3). Даследаванне гэтых помнікаў і ўвядзенне іх матэрыялаў у навуковы ўжытак заклалі падмурак для пачатку новага этапу ў гісторыі вывучэння помнікаў КДК на тэрыторыі Беларусі [36; 37].

Чарговы этап у вывучэнні КДК пачаўся з другой паловы 1990-х гг., чаму паспрыяла выяўленне новых помнікаў дадзенай культуры на Беларускім Палессі. Да гэтага часу адносіцца першая спроба комплекснага асвятлення праблематыкі КДК, што была зроблена ў канцы 1990-х гг. В. Я. Кудрашовым. Па яго меркаваннях, на тэрыторыі Беларусі помнікі КДК былі распаўсюджаны ў ніжнім і сярэднім цячэнні р. Прыпяць і ў нізоўях р. Сож [37, с. 76–77]. Да КДК даследчыкам былі аднесены калекцыі крамянёвых вырабаў з помнікаў Азярное 1, Ліпняны 3, Рэчыца 2, Беласарока, Кажан-Гарадок, а таксама частка касцяных вырабаў з возера Вячэра [37, с. 81]. З інтэрпрэтацыяй і аднясеннем матэрыялаў дадзеных помнікаў да КДК пагадзілася А. Г. Калечыц [38, с. 41]. Таксама ў гэты перыяд знаходкі мікралітаў КДК пачынаюць вылучацца сярод змяшаных матэрыялаў больш позніх эпох.

Нягледзячы на тое, што паняцце КДК стала замацавалася ў археалагічнай літаратуры, яе старажытнасці працягвалі ўключацца ў склад іншых археалагічных культур [31, с. 65]. У прыватнасці, У. Ф. Ісаенка працягнуў развіваць свае погляды на развіццё мезалітычных культур на тэрыторыі Беларусі. У межах арэалу мікралітычнай культуры даследчык вылучае больш дробныя культурныя адзінкі (яніславіцкая, кудлаеўская, днепра-прыпяцкая) [39, с. 18].

Значны ўклад у вывучэнне супольнасцей фінальнага палеаліту і мезаліту Заходняй Беларусі быў зроблены В. С. Абухоўскім. Так, ім быў выдадзены каталог матэрыялаў каменнага і бронзавага вякоў з тэрыторыі Беларусі, якія захоўваюцца ў Дзяржаўным археалагічным музеі ў Варшаве (у тым ліку было ідэнтыфікавана некалькі помнікаў КДК) [19]. З пачатку 2000-х гг. В. С. Абухоўскі працаваў над доктарскай дысертацыяй, прысвечанай фінальнаму палеаліту і мезаліту Заходняй Беларусі. На вялікі жаль, яна так і засталася няскончанай па прычыне заўчаснай смерці даследчыка. У 2009 г. польскія сябры і калегі В. С. Абухоўскага апублікавалі яго незавершаную дысертацыю з багатым ілюстрацыйным матэрыялам па каменным веку Заходняй Беларусі [20]. У працы на тэрыторыі заходняй часткі Беларусі ў эпоху мезаліту былі вылучаны КДК, кундская, каморніцкая і яніславіцкая культуры, комплексы тыпу Старыя Войкавічы 5, комплексы Нарачанскага тыпу і комплексы з трапецыямі і вастрыямі са скошаным рэтушшу канцом [20, s. 24]. Акрамя гэтага ў публікацыі прадстаўлены падрабязны тыпалагічны ліст для матэрыялаў фінальнага палеаліту і мезаліту [20, s. 13–24]. Аднак па прычыне незавершанасці працы застаецца незразумелым, як прадстаўленая тыпалогія суадносіцца з вылучанымі ім культурамі і комплексамі.

У 1997–2006 гг. праводзіліся раскопкі на помніках Куль 1 (Ляхавіцкі р-н, Брэсцкая вобл.), Старыя Войкавічы 5, Кастрычніцкі (Баранавіцкі р-н, Брэсцкая вобл.), Пышкі 3 (Гродзенскі р-н, Гродзенская вобл.), дзе былі выяўлены прадстаўнічыя матэрыялы КДК [20]. Аднакультурны характар часткі гэтых помнікаў дазволіў выкарыстоўваць іх як апорныя пры вывучэнні старажытнасцей КДК на тэрыторыі Беларусі[1]. У гэты перыяд упершыню для помнікаў КДК былі праведзены комплексныя шматдысцыплінарныя даследаванні, а таксама атрыманы першыя датаванні з выкарыстаннем метаду радыевугляроднага аналізу [40].

У другой палове 2000-х гг. А. У. Коласавым была выказана думка аб сінкрэтычным характары крамянёвых калекцый асобных помнікаў з Беларускага Пасожжа [35]. Іх далейшая культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя дазволіла вылучыць тут матэрыялы шэрагу фінальнапалеалітычных і мезалітычных культур, у тым ліку і КДК. Гэта значна павялічыла крыніцазнаўчую базу, а таксама дало магчымасць пашырыць арэал гэтай культуры на Верхняе Падняпроўе. На тэрыторыі Пасожжа было вылучана пяць помнікаў з выразнымі рысамі КДК: Новыя Грамыкі 10 (Аўрамаў Бугор), Новыя Цярэшкавічы, Прысна, Сапожкі-Бервяно, Раманавічы [35, с. 71]. А. У. Коласаў зрабіў пераатрыбуцыю атрыманай калекцыі з помніка Аўрамаў Бугор і аднёс паселішча да аднаго з апорных помнікаў КДК на тэрыторыі Пасожжа [35]. Таксама ім было выказана меркаванне аб сувязі выяўленых жытлаў з КДК [41, с. 96], што на сённяшні час пастаўлена пад сумненне вынікамі радыевугляроднага датавання[2]. У публікацыі 2016 г. даследчык уключыў у склад КДК ужо 17 помнікаў, размешчаных у басейнах рэк Нёман, Прыпяць і Сож, а таксама вылучыў у асобную групу помнікі каморніцкай культуры (Дабрынёва 1, Селішча Малае 3, Бухліцкі Хутар, Камянюкі 2) [42, с. 70–72].

Развіццё рэгіянальных даследаванняў у апошнія дзесяцігоддзі дазволіла адкрыць вялікую колькасць новых помнікаў і значна пашырыць арэал КДК на тэрыторыі Беларусі. Так, падчас археалагічных прац 2007–2017 гг. на тэрыторыі Белавежскай пушчы былі выяўлены помнікі з прадстаўнічымі матэрыяламі КДК (Вілы 1, 2; Камянюкі 1, 2, 6, 16; Селішча Малае 3). У 2019 г. выйшаў абагульняючы артыкул, прысвечаны мезалітычным матэрыялам, выяўленым у рэгіёне [43]. Новыя матэрыялы былі выяўлены таксама падчас археалагічнага абследавання тэрыторыі Палесся і Перадпалесся. Упершыню матэрыялы КДК былі выяўлены ў вярхоўях р. Друць (Бялынічы 1А) [44].

У гэты ж час робяцца спробы пераасэнсавання і публікацыі калекцый з помнікаў, выяўленых у 1960–1980-я гг. У абагульняючай манаграфіі па мезаліце Беларусі А. Г. Калечыц і А. У. Коласаў адзначылі 70 помнікаў з матэрыяламі КДК на тэрыторыі Беларусі [45].

Высновы. Такім чынам, упершыню ў гісторыі вывучэння помнікаў КДК на тэрыторыі Беларусі былі вылучаны чатыры этапы, кожны з якіх характарызуе стан даследаванасці, а таксама адлюстроўвае розныя навуковыя падыходы да вывучаемай праблематыкі.

Першы этап ахоплівае перыяд **ад 1870-х да сярэдзіны 1920-х гг**. У гэты час адбываецца ўзнікненне цікавасці да помнікаў каменнага веку на тэрыторыі Беларусі. Праводзяцца першыя абследаванні помнікаў, на якіх на пазнейшых этапах былі выяўлены матэрыялы КДК (З. Глогер, Е. Р. Раманаў, М. Ф. Беляшэўскі). Таксама на дадзеным этапе адбываецца стварэнне першых археалагічных карт, на якіх адзначаецца прысутнасць помнікаў, што ў далейшым былі аднесены да КДК. Большасць выяўленых у гэты перыяд матэрыялаў не была ўведзена ў навуковы ўжытак.

Другі этап прыпадае на перыяд **ад сярэдзіны 1920-х да пачатку 1960-х гг**. Адбываецца пашырэнне археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Беларусі. Пачынаецца суцэльнае абследаванне басейна р. Сож, праводзяцца працы ў басейне р. Днепр і вярхоўях р. Прыпяць ва ўсходняй частцы Беларусі (К. М. Палікарповіч, А. Д. Каваленя, С. С. Шутаў, І. А. Сербаў, А. М. Ляўданскі), праводзяцца значныя разведачныя працы на захадзе Палесся і Панямонні (Л. і І. Савіцкія, К. Пшэмыскі, Я. Карашэўскі і інш.). Да гэтага часу адносіцца адкрыццё помнікаў, матэрыялы якіх складуць аснову для пазнейшага вылучэння КДК. Старажытнасці КДК разам з матэрыяламі іншых культур эпохі мезаліту разглядаліся ў складзе тардэнуазскай культуры.

---

[1] Вашанаў, А. М. Куль 1 – мезалітычная стаянка ў басейне Шчары / А. М. Вашанаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2017. – Вып. 28. – С. 148–160.

[2] У 2017 г. у рамках выканання гранту БРФФД А. Г. Калечыц было зроблена датаванне па вугалі з жытла № 2 (IGS-1807 955±70 BP), якое сведчыць аб сярэднявечным узросце зафіксаваных жытлаў.

Трэці этап ахоплівае прамежак часу **ад пачатку 1960-х да сярэдзіны 1990-х гг**. У гэты перыяд адбываецца пераасэнсаванне матэрыялаў калекцый, назапашаных у перадваенны час, а таксама пачынаюцца новыя шырокамаштабныя працы па даследаванні помнікаў каменнага веку, у тым ліку і мэтанакіраваны пошук мезалітычных стаянак. Нягледзячы на актыўныя тэарэтычныя распрацоўкі, зробленыя для суседніх рэгіёнаў, беларускія археолагі працягвалі разглядаць помнікі і матэрыялы КДК у складзе ўжо вылучаных імі мезалітычных культур – сожскай, днепра-дзяснінскай, нёманскай (У. Ф. Ісаенка, А. Г. Калечыц, У. П. Ксяндзоў, В. П. Капыціна і інш.). Напрыканцы этапу адбываецца прыняцце новай таксанамічнай адзінкі беларускай археалагічнай супольнасцю. У склад старажытнасцей КДК былі ўключаны матэрыялы помнікаў Кажан-Гарадок, Беласарока, Рэчыца 2, Азярное 1.

Чацвёрты этап пачаўся **з другой паловы 1990-х гг**. і працягваецца **па сённяшні дзень**. На дадзеным этапе адбываецца адкрыццё новых помнікаў КДК з прадстаўнічымі калекцыямі (Куль 1, Пышкі 3, Старыя Войкавічы 5, Кастрычніцкі і інш.). Працягваюцца працэсы пераасэнсавання і ўвядзенне ў навуковы ўжытак калекцый помнікаў, што былі выяўлены на папярэдніх этапах. Адбываецца выданне першых абагульняючых публікацый, прысвечаных КДК. Робяцца датаванні матэрыялаў з помнікаў КДК пры дапамозе прыродазнаўчых метадаў. Развіццё даследаванняў паспрыяла распрацоўцы пытанняў, звязаных з арэалам, храналогіяй, тэхналогіяй крэмнеапрацоўкі, тыпалагічным складам крамянёвага і касцянога інвентару (В. Я. Кудрашоў, В. С. Абухоўскі, А. У. Коласаў, А. М. Вашанаў і інш.).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Kozłowski, S. K. Z problematyki polskiego mezolitu (cz. 3). Kultura Komornicka na tle mezolitu Europy Środkowej / S. K. Kozłowski // Światowit. – 1967. – T. 28. – S. 5–32.

2. Sawicki, L. Przyczynek do znajomości z prechistorii Polesia / L. Sawicki // Ziemia. – 1925. – № 6–8. – S. 136–148.

3. Kozłowski, S. K. Zespoły typu kudłajewka / S. K. Kozłowski // Światowit. – 1972. – T. 33. – S. 107–120.

4. Залізняк, Л. Л. Мезолітичні пам'ятни типу Таценкі-Кудлаївка / Л. Л. Залізняк // Археологія. – 1976. – № 20. – С. 60–66.

5. Зализняк, Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья / Л. Л. Зализняк. – Киев: Наук. думка, 1984. – 120 с.

6. Kozłowski, S. K. Mesolithic in Poland. A new approach / S. K. Kozłowski. – Warszawa: Wydaw. Uniw. Warszawskiego, 1989. – 246 s.

7. Głoger, Z. Osady nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia / Z. Głoger // Wiadomości Archeologiczne. – 1873. – T. 1. – S. 97–124.

8. Беляшевский, Н. Ф. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам / Н. Ф. Беляшевский // Киевская старина. – 1891. – Т. 32. – С. 443–444.

9. Романов, Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края / Е. Р. Романов // Виленский календарь на 1908 г. – Вильно, 1908. – С. 5–110.

10. Dziedzić, A. Around Zygmunt Gloger collection. Epi-Paleolithic artefacts from Belarus stored in the Archeological Museum in Kraków / A. Dziedzić, D. Stefański // Crossing the borders. Interregional and cross-cultural interactions in the context of lithic studies: abstr. book [of the] 15th SKAM Lithic Workshop, 17–19 Oct. 2018, Minsk, Belarus / Inst. of History of the Nat. Acad. of Sciences of Belarus [et al.]; ed.: V. Asheichyk [et al.]. – Minsk, 2018. – P. 50–51.

11. Беляшевский, Н. Ф. Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах реки Зап. Буга в его среднем течении / Н. Ф. Беляшевский // Труды XI археологического съезда в Киеве 1899 г. / под ред. графини Уваровой, С. С. Слуцкого. – М., 1901. – Т. 1. – С. 673–713.

12. Покровский, Ф. Д. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф. Д. Покровский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1895. – 165 с.

13. Раманаў, Е. Р. З гісторыка-археалагічнай спадчыны: выбр. тв. / Е. Р. Раманаў. – Магілёў: Магілёўс. дзярж. ун-т, 2006. – 238 с.

14. Палікарповіч, К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) / К. М. Палікарповіч // Працы кафедры археалогіі / Ін-т беларус. культуры. – Мінск, 1928. – Т. 1. – С. 123–252. – (Запіскі Аддзела гуманітарных навук; кн. 5)

15. Палікарповіч, К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абсьледваньня 1927 г. / К. М. Палікарповіч // Працы Археалагічнай камісіі / Беларус. акад. навук, Аддз. гуманітар. навук. – Мінск, 1930. – Т. 2. – С. 383–478. – (Запіскі Аддзела гуманітарных навук; кн. 11).

16. Палікарповіч, К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыюдаў у БССР у 1930–1931 гг. / К. М. Палікарповіч // Працы секцыі археалогіі / Беларус. акад. навук, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 227–230.

17. Поликарпович, К. М. Стоянки среднего Посожья / К. М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР / Ин-т археологии АН БССР. – Минск, 1957. – Т. 1. – С. 45–148.

18. Sawicka, I. Badania archeologiczne na Polesiu / I. Sawicka // Z Otchłani Wieków: pismo poświęcone pradziejom Polski. – 1927. – T. 2, № 4. – S. 60–61.

19. Obuchowski, W. Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / W. Obuchowski. – Warszawa: Państ. Muzeum Archeologiczne, 2003. – 207 s.

20. Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z Zachodniej Białorusi / W. Obuchowski. – Warszawa: Uniw. Warszawski, 2009. – 296 s.

21. Антоневич, В. Древнейшие остатки человека в Северо-Восточной Польше и Литве / В. Антоневич // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы / Всесоюз. геол.-развед. об-ние. – Л.; М., 1934. – Вып. 5. – С. 28–44.

22. Тихоненков, И. М. Кремневый инвентарь стоянки Латки / И. М. Тихоненков // Вопросы истории и археологии: материалы X конф. молодых ученых по обществ. наукам, июнь, 1966 г. / Акад. наук БССР, Отд-ние обществ. наук; под общ. ред. Т. С. Горбунова. – Минск, 1966. – С. 256–261.

23. Исаенко, В. Ф. Мезолит и неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смеж. территорий / Акад. наук БССР, Ин-т истории; под ред. В. Ф. Исаенко, А. Г. Митрофанова, Г. В. Штыхова. – Минск, 1966. – С. 22–53.

24. Исаенко, В. Ф. Основные типы кремневых орудий Южной Белоруссии / В. Ф. Исаенко // Орудия каменного века: [докл. конф.] / АН УССР, Ин-т археологии; редкол.: Д. Я. Телегин (отв. ред.) [и др.]. – Киев, 1978. – С. 70–89.

25. Исаенко, В. Ф. Мезолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко // Вопросы истории и археологии: материалы X конф. молодых ученых по обществ. наукам, июнь, 1966 г. / Акад. наук БССР, Отд-ние обществ. наук; под общ. ред. Т. С. Горбунова. – Минск, 1966. – С. 328–339.

26. Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии: [в 3 вып.] / В. Ф. Исаенко; под ред. В. Д. Будько, Ф. В. Борисевича. – Минск: Полымя, 1968–1976. – Вып. 1: Памятники каменного века. – 1968. – 126 с.

27. Исаенко, В. Ф. Мезолит / В. Ф. Исаенко // Очерки по археологии Беларуси: [в 2 ч.] / Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск, 1970. – Ч. 1. – С. 49–66.

28. Формозов, А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР / А. А. Формозов. – М.: Наука, 1977. – 143 с.

29. Калечиц, Е. Г. Об изучении жилищ каменного века в Посожье / Е. Г. Калечиц // Полевая археология мезолита-неолита: сб. науч. тр. / АН СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та археологии. – Л., 1990. – С. 93–101.

30. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц; науч. ред. Д. Я. Телегин. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.

31. Капыцін, В. Ф. Сожская культура / В. Ф. Капыцін, А. Г. Калечыц // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі, У. Ф. Ісаенка, А. Г. Калечыц [і інш.]. – С. 55–67.

32. Ксензов, В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.

33. Кудряшов, В. Е. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилёвщине / В. Е. Кудряшов, О. Л. Липницкая // Дняпроўскі край: паведамл. абл. краязн. канф., 23 крас. 1992 г. / Магілёўс. абл. краязн. музей; адк. рэд. С. І. Бяспанскі. – Магілёў, 1993. – С. 27–29.

34. Ксензов, В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.06 / Ксензов Владимир Павлович; Ин-т истории АН Беларуси. – Минск, 1994. – 33 с.

35. Колосов, А. В. Мезолит Белорусского Посожья: (культурно-хронологическая интерпретация материалов): дис. … канд. ист. наук: 07.00.06 / Колосов Александр Владимирович. – Минск, 2006. – 105 л.

36. Кудряшов, В. Е. Озерное-1 – новый памятник кудлаевской культуры эпохи мезолита в Белорусском Полесье / В. Е. Кудряшов, Н. Н. Кривальцевич // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі Акад. навук Беларусі. – Мінск, 1994. – № 5. – С. 87–102.

37. Кудрашоў, В. Я. Кудлаеўская культура / В. Я. Кудрашоў // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі, У. Ф. Ісаенка, А. Г. Калечыц [і інш.]. – С. 67–76.

38. Калечыц, А. Г. Старажытная Янаўшчына / А. Г. Калечыц. – Мінск: Брэсц. друк., 2001. – 106 с.

39. Ісаенка, У. Ф. Каменны век. Пераход ад праабшчыны да роду / У. Ф. Ісаенка // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1994. – Ч. 1. – С. 10–29.

40. Мезалітычны помнік культуры Беларусі – Старыя Войкавічы / Я. К. Яловічава, В. С. Абухоўскі, Н. В. Скапцова [і інш.] // Праблемы палеагеаграфіі позняга плейстацэну і галацэну: тэз. дакл. беларус.-пол. семінара, Гродна, 26–29 верас. 2000 г. / Ін-т геал. навук НАН Беларусі. – Гродна, 2000. – С. 103–105.

41. Колосов, А. В. Древности кудлаевской культуры эпохи мезолита Верхнего Поднепровья / А. В. Колосов // Романовские чтения-2: сб. тр. Междунар. науч. конф., Могилев, 10–11 нояб. 2005 г. / Могилев. гос. ун-т; под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев, 2006. – С. 74–76.

42. Колосов, А. В. Каменный век Беларуси: пособие для студентов / А. В. Колосов. – Могилев: Могилев. гос. ун-т, 2016. – 112 с.

43. Ткачоў, А. Ю. Мезаліт басейна р. Лясная правая / А. Ю. Ткачоў, А. М. Вашанаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2017. – Вып. 28: Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі (памяці Таццяны Мікалаеўны Каробушкінай). – С. 161–172.

44. Вашанаў, А. М. Археалагічныя даследаванні ў Вярхоўях ракі Друць у 2009–2012 гг.: матэрыялы да археалагічнай карты Бялыніцкага раёна / А. М. Вашанаў // Гісторыя Друцка-Бярэзінскага краю: матэрыялы Першых грамад. навук.-краязн. чытанняў (Мінск–Крупкі–Магілёў, 28 сак., 17 траўня, 20 чэрв. 2015 г. / рэдкал.: В. У. Арцюховіч [і інш.]; уклад. А. П. Аляхновіч. – Мінск, 2015. – С. 11–20.

45. Калечыц, А. Г. Мезалітычныя помнікі Беларусі / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў. – Мінск: Беларус. навука, 2021. – 369 с.

References

1. Kozłowski S. K. Z problematyki polskiego mezolitu (cz. 3). Kultura Komornicka na tle mezolitu Europy Środkowej. *Światowit*, 1967, vol. 28, pp. 5–32 (in Polish).

2. Sawicki L. Przyczynek do znajomości z prechistorii Polesia. *Żiemia* [Earth], 1925, no. 6–8, pp. 136–148 (in Polish).

3. Kozłowski S. K. Zespoły typu kudłajewka. *Światowit*, 1972, vol. 33, pp. 107–120 (in Polish).

4. Zaliznyak L. L. Mesolithic sites of the Tatsenki-Kudlaivka type. *Arkheologiya* [Archeology], 1976, no. 20, pp. 60–66 (in Ukrainian).

5. Zaliznyak L. L. *The mesolithic of Southeastern Polesia*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1984. 120 p. (in Russian).

6. Kozłowski S. K. *Mesolithic in Poland. A new approach*. Warsaw, University of Warsaw Publishing House, 1989. 246 p.

7. Głoger Z. Osady nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia. *Wiadomości Archeologiczne* [Archaeological News], 1873, vol. 1, pp. 97–124 (in Polish).

8. Belyashevskii N. F. Several new Stone Age sites along the Dnieper and its tributaries. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity], 1891, vol. 32, pp. 443–444 (in Russian).

9. Romanov E. R. Prehistoric antiquities of the Northwestern region. *Vilenski calendar for 1908*. Vilnia, 1908, pp. 5–110 (in Russian).

10. Dziedzić A. Around Zygmunt Gloger collection. Epi-Paleolithic artefacts from Belarus stored in the Archaeological Museum in Kraków. *Crossing the borders. Interregional and cross-cultural interactions in the context of lithic studies: abstract book [of the] 15th SKAM Lithic Workshop, 17–19 October 2018, Minsk, Belarus*. Minsk, 2018, pp. 50–51 (in English).

11. Belyashevskii N. F. Dune settlements of the neolithic era on the banks of the Western Bug river in its middle course. *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve 1899 g.* [Proceedings of the 11th Archaeological congress in Kyiv 1899]. Moscow, 1901, vol. 1, pp. 673–713 (in Russian).

12. Pokrovskii F. D. *Archaeological map of the Grodno province.* Vilna, A. G. Syrkin Publ., 1895. 165 p. (in Russian).

13. Ramanau E. R. *From the historical and archaeological heritage: selected works*. Mogilev, Mogilev State University, 2006. 238 p. (in Belarusian).

14. Polikarpovich K. M. Prehistoric sites of the middle and lower Sozh river (based on the 1926 investigations). *Works of the Department of Archaeology*. Minsk, 1928, vol. 1, pp. 123–252 (in Belarusian).

15. Polikarpovich K. M. Prehistoric sites of the middle Sozh river. Materials from the 1927 survey. *Proceedings of the Archaeological Commission*. Minsk, 1930, vol. 2, pp. 383–478 (in Belarusian).

16. Polikarpovich K. M. Investigations of Stone and Bronze Age cultures in the BSSR in 1930–1931. *Works of the Archaeology Section*. Minsk, 1932, vol. 3, pp. 227–230 (in Belarusian).

17. Polikarpovich K. M. Sites of the middle Sozh region. *Materials on the archaeology of Belaru*s. Minsk, 1957, vol. 1, pp. 45–148 (in Russian).

18. Sawicka I. Badania archeologiczne na Polesiu. *Z Otchłani Wieków: pismo poświęcone pradziejom Polski* [From the Depths of the Ages: A Journal Devoted to the Prehistory of Poland], 1927, vol. 2, no. 4, pp. 60–61 (in Polish).

19. Obuchowski W. *Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawa* [Flint and Stone Artifacts from the Paleolithic to the Early Iron Age from the Territories of Belarus in the Collections of the State Archaeological Museum in Warsaw]. Warsaw, State Archaeological Museum, 2003. 207 p. (in Polish).

20. Obuchowski W. *Materiały paleolityczne i mezolityczne z Zachodniej Białorusi* [Paleolithic and Mesolithic Materials from Western Belarus]. Warsaw, University of Warsaw, 2009. 296 p. (in Polish).

21. Antonevich V. The oldest human remains in Northeastern Poland and Lithuania. *Trudy II Mezhdunarodnoi konferentsii assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy* [Proceedings of the 2nd International Conference of the Association for the Study of the Quaternary Period in Europe]. Leningrad, Mosow, 1934, iss. 5, pp. 28–44 (in Russian).

22. Tikhonenkov I. M. Flint inventory of the Latki Site. *Voprosy istorii i arkheologii: materialy X konferentsii molodykh uchenykh po obshchestvennym naukam, iyun', 1966 g.* [Issues of history and archaeology: materials of the 10th conference of young scientists in social sciences, June 1966]. Minsk, 1966, pp. 256–261 (in Russian).

23. Isaenko V. F. Mesolithic and Neolithic of the Pripyat Polesia. *Drevnosti Belorussii: materialy konferentsii po arkheologii Belorussii i smezhnykh territorii* [Antiquities of Belarus: materials of the conference on the archaeology of Belarus and adjacent territories]. Minsk, 1966, pp. 22–53 (in Russian).

24. Isaenko V. F. *Main types of flint tools in Southern Belarus. Orudiya kamennogo veka: doklady konferentsii* [Stone Age tools: conference reports]. Kyiv, 1978, pp. 70–89 (in Russian).

25. Isaenko V. F. Mesolithic of the Pripyat Polesia. *Voprosy istorii i arkheologii: materialy X konferentsii molodykh uchenykh po obshchestvennym naukam, iyun', 1966 g.* [Issues of history and archaeology: materials of the 10th conference of young scientists in social sciences, June 1966]. Minsk, 1966, pp. 328–339 (in Russian).

26. Isaenko V. F. *Archaeological map of Belarus. Issue 1. Stone Age sites.* Minsk, Polymya Publ., 1968. 126 p. (in Russian).

27. Isaenko V. F. Mesolithic. *Essays on the archaeology of Belarus. Part I*. Minsk, 1970, pp. 49–66 (in Russian).

28. Formozov A. A. *Problems of the ethnocultural history of the stone age in the European part of the USSR*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 143 p. (in Russian).

29. Kalechits E. G. On the study of Stone Age dwellings in the Sozh Region. *Polevaya arkheologiya mezolita-neolita: sbornik nauchnykh trudov* [Field archaeology of the Mesolithic-Neolithic: collection of scientific works]. Leningrad, 1990, pp. 93–101 (in Russian).

30. Kalechits E. G. *Stone and Bronze Age sites of Eastern Belarus*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 158 p. (in Russian).

31. Kapytsin V. F., Kalechyts A. G. Sozh culture. *Archaeology of Belarus. Vol. 1. Stone and Bronze Ages*. Minsk, 1997, pp. 55–67 (in Russian).

32. Ksenzov V. P. *Paleolithic and mesolithic of the Belarusian Dnieper Region*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1988. 134 p. (in Russian).

33. Kudryashov V. E., Lipniskaya O. L. On the question of the Kudlaevskaya culture of the mesolithic era in the Mogilev region. *Dnyaprouski krai: pavedamlenni ablasnoi krayaznauchai kanferentsyi, 23 krasavika 1992 g.* [Dnieper region: proceedings of the regional local history conference, April 23, 1992]. Mogilev, 1993, pp. 27–29 (in Russian).

34. Ksenzov V. P. *Mesolithic cultures of the Belarusian Dvina and Dnieper Regions*. Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1994. 33 p. (in Russian).

35. Kolosov A. V. *Mesolithic of the Belarusian Sozh Region (cultural-chronological interpretation of materials*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2006. 105 p. (in Russian).

36. Kudryashov V. E., Krival'tsevich N. N. Ozerne-1 – a new site of the Kudlaevskaya culture of the mesolithic era in the Belarusian Polesia. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical and archaeological collection]. Minsk, 1994, no. 5, pp. 87–102 (in Russian).

37. Kudrashou V. Y. Kudlaevskaya culture. *Archaeology of Belarus. Vol. 1. Stone and Bronze Ages*. Minsk, 1997, pp. 67–76 (in Belarusian).

38. Kalechyts A. G. *Ancient Yanaushchyna*. Minsk, Brest Printing House, 2001. 106 p. (in Belarusian).

39. Isaenka U. F. Stone Age. Transition from primitive community to clan. *Essays on the history of Belarus*. *Part 1*. Minsk, 1994, pp. 10–29 (in Belarusian).

40. Yalovichava Ya. K., Abukhouski V. S., Skaptsova N. V., Mikhailau M. D., Luchyna G. I. Mesolithic site of Belarus – Staryya Voykavichy. *Prablemy paleageagrafii poznyaga pleistatsenu i galatsenu: tezisy dakladau belaruska-pol'skaga seminara, Grodna, 26–29 verasnya 2000 g.* [Problems of paleogeography of the late pleistocene and holocene: materials of the Belarusian-Polish seminar, September 26–29, 2000]. Grodno, 2000, pp. 103–105 (in Belarusian).

41. Kolosov A. V. Antiquities of the Kudlaevskaya culture of the mesolithic era in the age. *Romanovskie chteniya-2: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Mogilev, 10–11 noyabrya 2005 g.* [Romanov readings-2: proceedings of the international scientific conference, Mogilev, November 10–11, 2005]. Mogilev, 2006, pp. 74–76 (in Russian).

42. Kolosov A. V. *Stone Age of Belarus*. Mogilev, Mogilev State University, 2016. 112 p. (in Russian).

43. Tkachou A. Y., Vashanau A. M. Mesolithic of the Lesnaya Pravaya river basin. *Materyyaly pa arkhealogii Belarusi: zbornik navukovykh artykulau. Vyp. 28. Vyniki dasledavannyau pershabytnykh i syarednevyakovykh starazhytnastsei Belarusi (pamyatsi Tatstsyany Mikalaeuny Karobushkinai) = Materials on the Archaeology of Belarus. Iss. 28. Results of investigations of the pre-historic and medieval antiquities of Belarus (in remembrance of Tatyana Karobushkina).* Minsk, 2017, pp. 161–172 (in Belarusian).

44. Vashanau A. M. Archaeological Research in the Upper Reaches of the Drut River in 2009–2012. *Gistoryya Drutska-Byarezinskaga krayu: materyyaly Pershykh gramadskikh navukova-krayaznauchykh chytannyau (Minsk–Krupki–Magileu, 28 sakavika, 17 traunya, 20 chervenya 2015 g.* [History of the Drut-Berezina Region: proceedings of the first public scientific and local history readings (Minsk–Krupki–Mogilev, March 28, May 17, June 20, 2015]. Minsk, 2015. pp. 11–20 (in Belarusian).

45. Kalechyts A. G., Kolasau A. U. *Mesolithic sites of Belarus*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 369 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Вашанов Александр Николаевич – научный сотрудник отдела археологии первобытного общества. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vashanau@gmail.com

Information about the author

Aliaksandr M. Vashanau – Scientific Researcher, Department of archeology of prehistoric society. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: vashanau@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

UDC 811.162.1'282(438)(043.3)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-112-119 Received 13.02.2025

Natalia A. Snigiriova

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PROBLEMS OF STUDYING LINGUISTIC INFLUENCES IN THE NORTH SLAVIC-BALTIC CONTACT ZONE

Abstract. The immense contribution of the late Professor G. A. Tsykhun to global Slavic studies continues to inspire heuristic research, particularly in the study of linguistic influences within the North Slavic-Baltic contact zone. G. A. Tsykhun emphasized the importance of a comprehensive analysis of the historical contexts that shaped Belarusian-Polish interactions over space and time. This article builds upon G. A. Tsykhun's legacy, focusing on the phenomenon of isoglosses with a unified center of expansion, which are documented in the North Slavic-Baltic contact zone as correlates of Belarusian-Polish interactions. To establish the motivations and nature of these linguistic features, a broad spectrum of associated problems and factors must be considered. This publication offers a selective analysis of these elements.

Keywords: Circum-Baltic Area, contact zone, ethnographic boundary, language influence, stimulus, community.

For citation: Snigiriova N. A. Problems of Studying Linguistic Influences in the North Slavic-Baltic Contact Zone. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 2, pp. 112–119. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-112-119

Н. А. Снигирёва

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ВЛИЯНИЙ В СЕВЕРО-СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ

Аннотация. Колоссальный интеллектуальный вклад в развитие мировой славистики недавно ушедшего из жизни профессора Г. А. Цыхуна, чье научное наследие, несомненно, вдохновляет на дальнейшие эвристические разыскания в области исследования языковых влияний в северо-славяно-балтийской контактной зоне, обусловливает выбор темы данной статьи и актуализацию заявленной проблематики. Профессор Г. А. Цыхун обладал непревзойденным лингвистическим чутьем, позволяющим обнаруживать интереснейшие ареальные парадоксы. Выявляемые ученым противоречия закономерно становились объектом полемики в кругу славистов, что стимулировало открытие новых языковых явлений и переосмысление опыта постижения их сущности. В беседах и дискуссиях с учениками Г. А. Цыхун акцентировал особое внимание на необходимости тщательного и глубокого изучения исторических условий, в которых зарождались и развивались белорусско-польские контакты в пространстве и времени. Сегодня, фокусируясь на указанной задаче, мы имеем возможность приблизиться к разгадке феномена изоглосс с единым центром экспансии, зафиксированных в северо-славянско-балтийской контактной зоне в качестве белорусско-польских коррелятов. Для экстраспективного установления мотивации и природы их появления необходимо учитывать целый спектр сопутствующих проблем и факторов, избирательный анализ которых представлен в настоящей публикации.

Ключевые слова: циркумбалтийская зона, контактная зона, этнографический рубеж, языковое влияние, стимул, общность

Для цитирования: Снигирёва Н. А. Проблемы изучения языковых влияний в северо-славяно-балтийской контактной зоне / Н. А. Снигирёва // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 112–119. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-112-119

© Snigiriova N. A., 2025

Dedicated to the Memory
of Professor G. A. Tsykhun

Introduction. The scientific legacy of Professor G. A. Tsykhun, who passed away in 2024, represents a colossal contribution to the development of global Slavic studies and undoubtedly inspires further heuristic inquiries into the study of linguistic influences in the North Slavic-Baltic contact zone, which determines the choice and relevance of the topic of this article.

Professor G. A. Tsykhun possessed an exceptional linguistic intuition, enabling him to uncover intriguing areal paradoxes. The contradictions he identified often became focal points of debate among Slavists, spurring the discovery of new linguistic phenomena and reinterpreting the understanding of their essence. In discussions with his students, G. A. Tsykhun frequently emphasized that the distribution areas of some phenomena in the north-east of Poland, the nature of which is determined by the Polish-Belarusian correlates, go far to the west and can even reach the territory historically belonging to Prussia (including the areas of modern Kaliningrad and Daugavpils). From the point of view of areal linguistics, their presence there seems paradoxical: considering objective absence of the expansion force in the conditions of being among a contrasting linguistic environment, as well as significant distance from the Polish-Belarusian geographical border, these phenomena should not have covered most of the linguistic territory, but would have remained within a certain northeastern segment of Poland. It is also doubtful that they can occupy the periphery of the Polish-speaking areal space itself, since they do not reveal exact genetic and indisputable typological relations with it. If the distribution territory of the mentioned phenomena is considered as the periphery of another ethno-lingual areal formation or as the centre of a certain areal unity, it is necessary to find out whether they are archaisms or innovations, and what origin they have in this case. The localization and typical spatial distribution of such linguistic facts allow us to consider their hypothetical innovative potential, which can be confirmed or refuted only after a comprehensive areal-typological study of linguistic influences in the north Slavic-Baltic contact zone[1].

Results and its discussion. There is no doubt that, against the background of the traditional linguistic landscape of north-eastern Poland, phenomena localized far enough beyond the territory of the traditional impact of east Slavic influences[2], but in a certain way connected with it, look alien. It should be taken into account that their origin can reveal both the corresponding correlations with the area of distribution of Belarusian dialects, and different degrees of connection with the Baltic-Slavic language zone, the so-called “Circum-Baltic Area” [3]. The linguistic and cultural context of this region, an integral component of which is the so-called mixed speech of the Belarusian-Polish borderland, underscores the uniqueness of the area under study – it is determined by the linguistic and cultural context of the so-called Circum-Baltic zone, an integral component of which is, in turn, the so-called mixed speech of Belarusian-Polish borderland [4, p. 166]. It is known that the Circum-Baltic zone, which covered in a broad sense the Slavic languages of the Grand Duchy of Lithuania during its heyday, together with the Baltic ones including the so-called “northern-lyakhitsky” and “ancient-krivitski” dialects [5, p. 249–250]. As specified by V. Ivanov: “In the about-Baltic area, there is a Circum-Baltic chain of Slavic and Baltic archaic cultures, preserving their ancient religion and corresponding lexical and semantic elements, that stretches from the Pomeranian Slavs through Prussia and Lithuania. The continuation of this Circum-Baltic zone can be seen in the areas occupied by the Baltic-Finnish population in the north and the Scandinavians in the north-west and east (Varangians in Russia)” [5, p. 270]. From the common for the entire about-Baltic mythological zone themes V. Ivanov points to “the plot of persecution of his rival by the god of thunderstorms outlined by the Lithuanian folklorist Balis in his pre-war works” [5, p. 270].

Furthermore, the specifics of the research area is also reflected in the modern regional division of north-eastern Poland, which was formed on the basis of historical prerequisites. We are talking about “three Masurian counties of Bialystok Voivodeship, which are currently located in Suwalki Voivodeship and are called the EGO region, or: Elk (ełcki), Goldap (gołdapski) and Olecko (olecki)” [6, p. 111].

[1] The *contact zone* should not be identified with transitional and (or) mixed dialects — it is a zone of contact interaction between two areal arrays, as a result of which in a part of the territory of each language adjacent to the neighboring language territory there is a diffusion of a number of phenomena or innovations stimulated by them [1, p. 65].

[2] Defined according to the *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny* [2].

The EGO area unites 11 neighboring gminas (Ełk, Olecko, Gołdap, Banie Mazurskie, Dubeninki, Prostki, Stare Juchy, Kalinowo, Wieliczki, Świętajno, Kowale Oleckie). In accordance with K. Szczesniak's research, the problem of multi-layering in the naming of residential and physiographic objects is stated in the mentioned region, where "next to the three Baltic languages (Lithuanian, Old Prussian and Yatvyagian), dialects of German and Polish, as well as the Belarusian language presented at different times with varying degrees of intensity of speech" [6, p. 116].

Therefore, first of all, questions to be answered are:

– How should the phenomena concentrated in the north-east of Poland be objectively qualified?

– Where should the causes of their occurrence and origins be looked for?

– Consequences of what foreign influences may they be?

– How and for what reason could these facts, not typical for the rest of the Polish-speaking territory appear?

Since the raised topic reveals many contradictions, it is advisable to carry out attempts of establishment of motivation and nature of origin of the selected areas, by considering a whole complex of areal, historical (including socio-economic) and ethno-cultural factors that could influence the formation of distinctive features of the northeastern Dialects of Poland.

Despite the fact that the insular areas of many linguistic phenomena recorded in this zone are considered by D. K. Rembiszewska, J. Siatkowski [7], I. Maryniakowa [8] and some other researchers mainly as the results of the Mazovian-Masurian-Warmian expansion, it is possible that these phenomena occupy the periphery of another old territories that have a non-Polish background. T. Zdancewicz attempted to develop this hypothesis in Polish linguistics, but his ideas did not find support among followers of official concepts and traditional views on the development of the dialect system of north-eastern Poland.

At the same time, as B. Falińska notes, there are two historical borders are distinguished by a large number of isolexes in all linguistic and geographical sources; T. Zdancewicz drew his attention to these borders in the article *Litewskie i ruskie zasięgi słownikowe na Białostocczyznie* [Lithuanian and Russian dictionary coverage in the Białystok region] [9], namely the political border of the Crown of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania (GDL) after annexation of Podlachia to the Crown of Poland in 1569, or the eastern border of Podlachia and the former historical border between Mazovia region and Podlachia prior to the Union of Lublin [10, p. 98]. As per the conclusions by B. Falińska, based on the comparison of materials from Polish linguistic and geographical sources and other maps from individual monographs, a distinctive territorial complex, specified also by T. Zdancewicz, is formed by the Suvalki-August dialects, which can be aggregated into a single dialect array with both the eastern part of Masuria (the territory of ethnic yatvyaz), with the rest of the territory of Masuria and Warmia, and, finally, with the entire territory of north Polish dialects [10, p. 98–99]. B. Falińska states: "The north-eastern boundary, western border of which passes through the center of Mazovia, is characterized by a significant predominance of indigenous vocabulary typical for various spheres of traditional culture. As a result there is closer relationship of north-eastern Mazovia and Podlachia (northern region especially) with the territory of Belarus, and to a large extent with Russian dialects than the relationship of Mazovia and South-Eastern part of Lesser Poland [...]. This border can be clearly traced on many maps of the *Atlas gwar mazowieckich* [...] and undoubtedly forms one of the most typical complexes of isolexes, common for Polish and Belarusian dialects" [10, p. 99–100].

Isoglosses registered by competent linguistic and geographical sources, primarily in the Mazovian-Podlach dialects, and oriented to the Belarusian language territory (i. e. isoglosses adjacent to north-western Belarus) indicate the possibility of forming a common Belarusian-Polish area. Back in the first half of the XX century, K. Nitsch finds evidence confirming the validity of this hypothesis: "It is noteworthy that three Mazovian names, *"podwalina", "strop"* and *"zasiek"*, reveal a close connection with Russian[1] names, despite the fact that Mazovia originally did not border with Belarus, from which it was separated by the Yatvyags. There are none even in the east of ancient Lesser Poland. Do these words really come from the period of direct collision of Mazovia with Belarus, maybe only from the XIV century?" [11, p. 83].

[1] i.e. East Slavic.

The examples provided by K. Nitsch are not the only exceptions [12, p. 221]. T. Zdancewicz [13], Cz. Kudzinowski [12], K. Deina [14], B. Falińska [10], A. Kowalska [15] and other Polish scientists also noted the so-called Belarusian traces in Polish dialects of north-eastern Poland and mapped phenomena that had analogues on both sides of the Polish-Belarusian border. Some Kushub-Belarusian and Greater Poland-Belarusian similarities, the nature of which, as a rule, is characterized by lexical-word-formation-semantic archaisms typical of peripheral regions, have been the subject of sporadic attention of both Polish and Belarusian scientists [10; 16; 17]. In relation to some non-contiguous (in other words, remote from the contact border) areas, it is also possible to assume the probability of their formation under Belarusian influence: the stimulus for their occurrence or the center of irradiation may be located in Belarus. It should be emphasized that we are not talking about the infiltration of a certain phenomenon into a neighboring linguistic territory, but about "such an impact of a neighboring language on the system of another language that brings to life a phenomenon, which may differ significantly from the stimulus phenomenon" [1, p. 65], including by structure and meaning. The interpretation of Belarusian-Polish similarities is complicated by the need to distinguish typological similarities and the results of areal interaction: contact between language systems, as G. A. Tsykhun emphasizes, can be "only a stimulus for changes, the result of which is a phenomenon that is not at all similar to what stimulated its occurrence" [18, p. 205].

The probability of existence of a certain Belarusian-Polish areal unity often provokes discussions, since it contradicts the well-known provision that there cannot be significant areal communities in the research territory for historical reasons. From an ethno-cultural point of view, northern part of Belarusian-Polish borderland is of considerable interest as a zone of so-called ethnographic boundary [19, p. 239]. It is known that the border of one of the most expressive ethnographic boundaries in Europe passes through the territory of north-eastern Poland: the north-eastern one (following J. Czekanowski) or Masurian-Volynian one (as specified by K. Moszyński), determined on the basis of mapped cultural and ethnographic phenomena, the areas of which extend or have their center of irradiation outside Poland – in Polesie, the Ukraine and Belarus, Lithuania [20, p. 167].

According to A. Trubachiov, this the most important ethnographic boundary that exists in the north-east from the middle course of the Vistula, has analogues in the areas of prehistoric cultures: namely, in about 1000 BC, the Lusatian culture reached this boundary from the west [21, p. 174]. The time of origin of this boundary, J. Czekanowski and A. Trubachiov, "define as 1000 BC and associate it with physic and geographic conditions – water resources and thick forests" [22, p. 81; 19, p. 239]. Based on K. Moszyński's work the Masurian-Volynian boundary, which can indeed be explained by geographical factors, cuts off "part of north-eastern Poland from its other much larger territory" [19, p. 239–240]. There was nothing mystical about this boundary: the natural obsticle to the east of it was a thick solid forest, the Puscha. In different periods, waves of cultures moving from west to east were forced to stop at the edge of a huge primeval forest.

Thus, following of the conclusions of G. A. Tsykhun, northern part of Belarusian-Polish borderland is clearly delineated as a specific ethno-cultural zone in linguistic terms [19, p. 240]. It should be emphasized that this zone stands out not only in onomastic terms, forming an areal resemblance with some Belarusian territories: the named part is also interesting in historical terms, since it is connected with the territory of the Western Balts, primarily the Yatvyags. As J. Tyszkewicz denotes, this modern Belarusian-Polish borderland is historically a secondary Baltic territory, since only in the 900s A. D. the Yatving tribes from Suwalki and Augustow counties began to expand upstream of the Neman, mainly along its western bank [23, p. 11].

The Yatvyagian question remains one of the most debated in the history of Belarus and Poland. Well-known is the thesis that the land between the Neman and the Narev (today's Suwałki Region, part of Western Belarus, Southern Lithuania) formed in the X–XIII centuries the core of the tribal territory of the Baltic Yatvyags and formally separated the Eastern and Western Slavs [24, p. 5]. L. Bednarczuk believed that although the "western Russian languages" are connected with the Polish language for a long time (starting from the Proto-Slavic time) by means of areal contacts, direct Belarusian-Polish relations can be discussed only after settlement of the "post-Yatvyagian wasteland" in Podlachia [25]. P. Wexler also stressed that the Slavic-speaking groups of the ancestors of the Poles

and Belarusians were probably separated from each other by the territory of the Baltic tribes, who were usually called the Yatvyags, whose language is difficult to reconstruct: "as a result of this rather late contact, the border between Belarusian and Polish dialects is, in fact, very clear, with a small number of transitional dialects" [26, p. 89].

Isolated geographical location of people, undoubtedly, prevents the borrowing of vocabulary [27, p. 124]. However, it should be taken into account that since the X century already, most of Yatvyaz was conquered and annexed to Kievan Rus, subsequently, in the XII century – to the Galicia-Volyn Principality and Mazovia, in the XIII century – to the GDL [28, p. 7]. It can be assumed that these events, activated the Baltic-Slavic language contacts. The Yatvyaz language was located on the border of cultures and states, so it is quite natural that there were a large number of borrowings and infiltrations in it – primarily from the Prussian, Polish and Belarusian languages. Thus, even in ancient times Belarusian and Polish ethnic groups could experience mutual influences through the mediation of the Yatvyags and their language.

Despite the fact that Yatvyaz had a very significant natural protection in the form of forests and swamps, the Yatvyaz tribes are known to have been destroyed and partially assimilated. After that the desolate territory formed a natural barrier to Polish-Belarusian relations for a long time. That is why the beginning of formation of these ethnic relations is often dated back to the late XIV century (along with the beginning of the settlement of empty lands). As stated by T. Ler-Splavinsky, "the Mazovians apparently came into a direct contact with the East Slavic element not earlier than the XIV century" [29, p. 49]. Therefore, to a certain extent, the presence of facts common to the Belarusian and Polish languages outside the narrow border zone can be considered an areal paradox.

However, as specified by results of a special study, not only archaisms and proper Polish or Polish-East Slavic innovations are noted in the dialects of north-eastern Poland, but also joint Polish-Belarusian new formations, as well as borrowings from the Belarusian dialect language. Joint phenomena spread to the territories of Belarus and Poland despite the facts that:

– on the border of modern Bialystok and Grodno regions for many centuries there was an ethnographic boundary dividing Eastern Europe vertically, from north to south [30, p. 262];

– until the XIV century Belarusian and Polish dialects of modern Grodno and Bialystok regions were divided by the territory inhabited by the Yatvyags, and later for a long time – by the so-called "post-Yatvyagian wasteland" [31, p. 34], when contacts were hindered by a foreign ethnic group, natural barriers.

According to Z. Stieber, in the XVI century the whole area between northern Podlachia and the Neman with a densely populated area near Grodno was a thick forest (the Pushcha), almost uninhabited. It is clear that the surroundings of Grodno were Belarusian, and therefore the few settlers who came to the Pushcha were most likely of Belarusian origin and partly Lithuanian [32, p. 435]. The lands of the entire present-day Bialystok Voivodeship were located within the GDL, which had a decisive influence on the settlement process and the ethnic character of the new settlement [33, p. 15]. From the history of the settlement of Bialystok region, it is known that in the XV century for the sake of strengthening the power in the GDL, the new Belarusian-Lithuanian settlers were allowed to transfer ownership not only of significant parts of the Pushcha, but also of old villages, which even caused migration of the Mazovian population [33, p. 17]. Thus, the Belarusian-Yatvyag traces in the dialects near Tykocin can be explained by the influence of these sociolinguistic factors. The undoubted predominance of the Belarusian population created prerequisites for the spread of their language and culture. And even the military events of the XVII century did not completely stop the further movement of the Belarusians to the west. More intensive colonization of the Pushcha probably occured in the XVIII–XIX centuries. The Masurians were advancing from the west, the Belarusians were advancing from the Neman side. Both waves collided near the territory of modern the Augustovsky Canal, near the village of Mikaszowka [32, p. 435]. Naturally, a certain number of the Belarusian population could penetrate further to the west and mix with the Masurian colonists, giving them elements of their speech. The entry of Bialystok region into Grodno province in the XIX century strengthened Belarusian influences and weakened Polish ones throughout the present territory of north-eastern Poland.

In the XX century, after the Second World War, several tens of percent of the Bialystok population moved to eastern Masuria [33, p. 26]. Immigrants from Belarus and Lithuania joined them. The Bela-

rusians who remained on the territory of Poland moved inland or to the east, thanks to which the ethnic Belarusian massif was preserved in eastern Bialystok region; it is known that by 1947 469000 of Belarusians and 1200000 Poles left the USSR for permanent residence in Poland (many Belarusians, especially from the territory of Vilna and Grodno regions, who were Catholics, registered as Poles in order to leave the country as soon as possible) [34, p. 95]. Despite the fact that the majority of Belarusians were settled in the so-called returned lands, in the territory where German population previously prevailed [35, p. 110–114], the colonists, left in Masuria, had the opportunity to exert a certain influence on the origin and expansion of innovations caused by the influence of the Belarusian language in north-eastern Poland. Correspondingly, many areas of new linguistic phenomena could become open to the east and continuous.

Among the particularly important factors that influenced the formation of the communicative space of the contact zone of Belarus and Poland one should note the mobility of the state borders that passed through the territory of the analyzed area. Socio-political instability caused the fact that the state borders of Belarus and Poland of that time were often moving in western and eastern directions. The movement of state coordinates contributed to the activation of ethno-linguistic diffusion in the Belarusian-Polish contact zone and caused inevitable changes in the areal organization of the Slavic language landscape. This was also facilitated by the fact that in ancient times trade and military routes passed through the research area: the trade route from Prussia and Mazovia to Volyn and Grodno and the military road from Grodno region to Mazovia and Prussia. Movements along these routes, contacts during travel, had to leave their mark on the language of people who lived or were in the study region for a certain time.

Thus, the complexity and ambiguity of the sociolinguistic situation in the communicative area of the contact zone of Belarus and Poland is determined primarily by the specifics of localization of the object of study, the history of development of the Belarusian-Polish-Baltic interlingual interaction, language policy of the states and a long-term instability of socio-political conditions in the study region, significant colonization and migration movements of the population, as well as distinctive areal processes. A significant influence on formation of the sociolinguistic situation on the Polish-Belarusian borderland can also be exerted by such a linguistic and cultural phenomenon as peripheral, so-called northern and southern kress, "polszczyzna" (similar to Polish) [36].

According to D. K. Rembiszewska and J. Siatkowski, the peculiarity of the Polish-East Slavic borderland in the context of the territory under consideration, as well as the reasons for its formation, is a long-standing community, distinguished on the basis of the community of material culture [7, p. 51]. Researchers do not consider it possible to recognize Belarusian origin of many words common in the north-eastern dialects of Poland, but interpret them as secondary phenomena formed on the Polish language grounds. However, as K. Moszyński emphasized, the works of culture, which are conventionally divided into material, social and spiritual, had their exact starting points in space and time and diverged from the places of their origin as so-called cultural waves, that in different phases of their development covered areas that rarely coincided or overlapped with each other [37, p. 15–19].

Conclusion. At the current stage of Slavic studies, many aspects concerning the spatial and temporal distribution of linguistic phenomena have been comprehensively explored, contributing to a nuanced understanding of the overall areal dynamics within the Slavic linguistic landscape. However, the investigation of linguistic influences within the North Slavic-Baltic contact zone remains highly pertinent. In this region, isoglosses have been documented, the nature of which is shaped by Belarusian-Polish correlations. These studies examine the historical conditions under which Belarusian-Polish interactions emerged and evolved across time and space, providing critical insights into isoglosses whose interpretation is intrinsically linked to resolving a range of fundamental issues in Slavistics.

In north-eastern Poland the collision of language systems reveals a significant number of innovative phenomena and the commonality of many features inherent even in Polish and Belarusian dialects that are not directly in contact with each other. Therefore, the study of Polish-Belarusian borderland as part of an areal formation, the components of which have a number of common areally determined features, can be especially fruitful. An indisputable heuristic value for the development of Slavic studies is the search for a rational explanation of phenomena that are formally completely outside the natural possibility of being associated with the Belarusian language, but can be attributed to the impulse given

by the development of the corresponding features in Belarusian dialects, or to the substrate-the Baltic grounds, on which Slavic features were subsequently superimposed. Despite how such phenomena will be interpreted, in any case, an indication of the correlation of facts of the Polish language with the facts of the Belarusian and Baltic languages, and sometimes other languages will remain an important achievement.

The analysis of linguistic influences on formation of the communicative area of the North Slavic-Baltic contact zone seems promising in determining the mechanisms of formation within the Belarusian-Polish interlingual zonal community of innovative multi-level convergences with a single center of expansion and, subsequently, the reasons that influenced the modern areal division of Slavic linguistic territories.

References

1. Tsykhun G. A. Northern fragment of the West Slavic-East Slavic contact zone. *Studia nad polszczyzną kresową* [Studies on the Borderland Polish Language]. Warsaw, 2001, vol. 10, pp. 65–69 (in Belarusian).

2. Glinka S., Obrębskiej-Jabłońskiej A., Siatkowskiego J. (eds.). *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny: w 10 t.* [Atlas of East Slavic dialects of the Bialystok region: in 10 vol.]. Wrocław etc., Ossoliński National Institute, 1980–2009. 10 vol. (in Polish).

3. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). *Circum-Baltic languages. Vol. 2. Grammar and typology. Studies in Language Companion Series, no. 55.* Amsterdam, John Benjamin Publishing Company, 2001. 423 p. http://dx.doi.org/10.1075/slcs.55.15kop

4. Erker A. Present tense verb forms in the Belorussian idiom of the Baltic-Slavic frontiers. *Studies in Slavic dialectology. Issue 16. Grammar of Slavic dialects. Mechanisms of evolution. Losses and innovations. Historical and typological phenomena*. Moscow, 2013, pp. 166–178 (in Russian).

5. Ivanov V. V. Development of **(-)tl-, *(-)dl- > (-)kl-, (-)gl-* in the Circum-Baltic language zone and dialectal division of Proto-Slavic. *Slavyanskoe yazykoznanie: XIV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov, Okhrid, 10–16 sentyabrya 2008 g.: doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics: XIV International Congress of Slavists (Ohrid, 2008): reports of the Russian delegation]. Moscow, 2008, pp. 249–276 (in Russian).

6. Szcześniak K. Dwie pracy toponamastyczne dotyczące pogranicza słowiańsko-włoskiego i bałtycko-słowiańskiego. *Rocznik Slawistyczny = Revue Slavistique,* 1998, vol. 51, pp. 109–116 (in Polish).

7. Rembiszewska D. K., Siatkowski J. Nawiązania czy pożyczki na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim? Cz. II. *Rocznik Slawistycznyn = Revue Slavistique,* 2017, vol. 66, pp. 27–63 (in Polish).

8. Maryniakowa I., Rembiszewska D. K., Siatkowski J. *Różnojęzyczne słownictwo gwarowe Podlasia, Suwalszczyzny i północno-wschodniego Mazowsza* [Multilingual dialectal vocabulary of Podlasie, Suwalki Region and north-eastern Mazovia. Warsaw, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences]. Warsaw, Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, 2014. 473 p. (in Polish).

9. Zdancewicz T. Litewskie i ruskie zasięgi słownikowe na Białostocczyźnie. *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2, Językoznawstwo. Prace na V Międzynarodowy Kongres Slawistów w Sofii* [From Polish Slavic studies. Series 2, Linguistics. Works for the 5th International Congress of Slavists in Sofia]. Warsaw, 1963, pp. 287–310 (in Polish).

10. Falińska B., Kowalska A. Polsko-białoruskie i polsko-ukraińskie związki leksykalno-słowotwórcze. *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 6, Językoznawstwo. Prace na IX Międzynarodowy Kongres Slawistów w Kijowie* [From Polish Slavic studies. Series 6, Linguistics. Works for the 9th International Congress of Slavists in Kiev]. Warsaw, 1983, pp. 91–100 (in Polish).

11. Nitsch K. O wzajemnym stosunku gwar ludowych i języka literackiego. *Język Polski,* 1913, no. 1, pp. 79–83 (in Polish).

12. Kudzinowski Cz. Jaćwingowie w języku. *Acta Baltico-Slavica,* 1964, vol. 1, pp. 217–225 (in Polish).

13. Zdancewicz T. *Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Prace Komisji Językoznawczej. T. 2, no. 2* [The influence of Belarusian dialects in Polish dialects near Sejny. Works of the Linguistic Commission. Vol. 2, no. 2]. Poznań, Poznań Society of Friends of Science, 1966. 122 p. (in Polish).

14. Dejna K. *Atlas polskich innowacji dialektalnych* [Atlas of Polish Dialectal Innovations]. Warsaw, Łódź, State Scientific Publishing House, 1981. 60, [100] p. (in Polish).

15. Kowalska A. Z badań nad wschodniosłowiańskimi wpływami słowotwórczymi w gwarach mazowiecko-podlaskich. *Polszczyzna Mazowsza i Podlasia: śladami Kolberga i Glogera po ziemi Łomżyńskiej* [The Polish of Mazovia and Podlasie: Following the Footsteps of Kolberg and Gloger in the Łomża Land]. Łomża, 1997, pp. 31–41 (in Polish).

16. Popowska-Taborska H. O niektórych paralelach leksykalnych kasubsko-wschodniosłowiańskich. *Slavia Occidentalis,* 1974, vol. 31, pp. 85–91 (in Polish).

17. *Belarusian-Polish isolexes: materials for discussion.* Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the BSSR. Minsk, 1975. 164 p. (in Belarusian).

18. Tsykhun G. A. Areal-linguistic aspects of semantic reconstruction. *Studia etymologica Brunensia. 1.* Prague, 2000, pp. 201–207 (in Belarusian).

19. Tsykhun G. A. Observations on the hydronymy of the Belarusian-Polish border. *Belaruska-pol'skiya kul'turna-mounyya uzaemadachynenni: ad gistoryi da suchasnastsi: zbornik navukovykh artykulau* [Belarusian-Polish cultural and linguistic interactions: from history to the present: a collection of scientific articles]. Minsk, 2016, pp. 239–242 (in Belarusian).

20. Gajek J. Studia nad etnograficzną regionalizacją Polski. *Lud,* 1962, vol. 47, pp. 165–209 (in Polish).

21. Trubachev O. N. Slavic philology and comparative studies. From congress to congress. *Works on etymology: word, history, culture. Vol. 1.* Moscow, 2004, pp. 154–188 (in Russian).

22. Tsykhun G. A. Observations on the hydronymy of the Bialystok-Hrodna border region. *Studia Slawistyczne,* 1999, no. 1, pp. 81–87 (in Belarusian).

23. Tyszkiewicz J. Proces slawizacji ziem dorzecza Niemna w VI–XI w. *Przegląd historyczny,* 1973, vol. 64, pp. 1–23 (in Polish).

24. Nalepa J. *Jaćwięgowie: nazwa i lokalizacja. Prace Białostockiego Towarzystwa Naukowego; no. 2* [Yotvingians: name and location. Proceedings of the Białystok Scientific Society; no. 2]. Białystok, State Scientific Publishing House, 1964. 60 p. (in Polish).

25. Bednarczuk L. Wokół etnogenezy Białorusinów. *Acta Baltico-Slavica,* 1984, vol. 16, pp. 33–47 (in Polish).

26. Veksler P. *A historical phonology of the Belarusian language.* Minsk, Logvinau Publ., 2004. 256 p. (in Belarusian).

27. Mechkovskaya N. B. *General linguistics. Structural and social typology of languages*. Minsk, Amalfeya Publ., 2000. 368 p. (in Russian).

28. Kamiński A. Pogranicze polsko-ruskie-jaćwieskie między Biebrzą i Narwią. *Rocznik Białostocki* [Bialystok Yearbook], 1963, vol. 4, pp. 7–41 (in Polish).

29. Lehr-Spławiński T. *Polish language.* Moscow, Publishing house of foreign literature, 1954. 367 p. (in Russian).

30. Tsykhun G. A. From the Neman hydronymy. *Studia slawistyczne,* 2000, no. 2, pp. 261–265 (in Belarusian).

31. Cychun H. The Yotvingian problem in Belarusian-Polish language contacts. *Białostocki przegląd kresowy. T. 5. Dziedzictwo przeszłości kultur narodowych* [Białystok Borderlands Review. Vol. 5. Heritage of the Past of National Cultures]. Białystok, 1996, pp. 33–36 (in Belarusian).

32. Stieber Z. Z pogranicza językowego polsko-białoruskiego. *Świat językowy Słowian* [The linguistic world of the Slavs]. Warszawa, 1974, pp. 435–439 (in Polish).

33. Wiśniewski J. Zarys dziejów osadnictwa na Białostocczyźnie. *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. T. 1.* Wrocław etc., 1980, pp. 14–27 (in Polish).

34. Trusau A. A. *A land unknown to us: Belarus at its ethnographic boundaries.* Minsk, Knigazbor Publ., 2009. 151 p. (in Belarusian).

35. Czubiński A. *Polska. Dzieje narodu, państwa i kultury. T. 6. Polska i Polacy po II Wojnie Światowej (1945–1989)* [Poland. The history of the nation, state and culture. Vol. 6. Poland and Poles after the World War II (1945–1989)]. Poznań, A. Mickiewicz University Publishing House, 1998. 928 p. (in Polish).

36. Vyarenich V. L. Polish peripheral dialects in the East (to the history of the issue). *Polish dialects in the USSR: research and materials. Part 1: 1967–1969.* Minsk, 1973, pp. 5–21 (in Belarusian).

37. Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian. T. 1. Kultura materialna* [Folk culture of the Slavs. Vol. 1. Material culture]. 2nd ed. Warsaw, Book and Knowledge, 1967. 745 p. (in Polish).

Information about the author

Natalia A. Snigiriova – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nataliasnigiriova@gmail.com

Информация об авторе

Снигирёва Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nataliasnigiriova@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНА СТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

UDC 72.012.036“199/202”:004.92
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-120-130 Received 03.10.2024

Iryna I. Balunenka

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SPECTACULARISM OF CONTEMPORARY ARCHITECTURE WITHIN THE CONTEXT OF THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURY VISUAL CULTURE

Abstract. The article examines the development of spectacularism in contemporary architecture (1990s–2020s) in the context of the visual orientation of culture of the late 20th – early 21st century. Spectacularism manifests in three major visually-orientated trends in contemporary architecture: 1) the presentation of architecture as entertainment; 2) the superficial reproduction of current visual design trends; 3) the prioritisation of perception via the medium of photography or rendering over a direct and engaged real life interaction between a human and the built environment. These trends impact digital architectural visualization, graphic design of architecture theory works, the creation of iconic landmark buildings and photogenic spaces (the so-called “Instagrammable space”, “AirSpace”, and others), development projects for generic residential and administrative buildings. The study of the spectacularism phenomenon through the lens of Guy Debord’s and J. Baudrillard’s philosophy allowed to conclude that the visually-oriented trends in contemporary architecture are the result of the decline in the direct and active interactions between humans and the physical world.

Keywords: contemporary architecture, visually-oriented culture, spectacularism, architectural visualization, graphic design, digitalization, information society

For citation: Balunenka I. I. Spectacularism of contemporary architecture within the context of the late 20th – early 21st century visual culture. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 2, pp. 120–130. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-120-130

И. И. Балуненко

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЗРЕЛИЩНОСТЬ В НОВЕЙШЕЙ АРХИТЕКТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Аннотация. Рассматривается феномен зрелищности в новейшей архитектуре (1990–2020-е гг.) в контексте визуальной направленности культуры конца XX – начала XXI в. Зрелищность проявляется в трех ключевых визуально-направленных тенденциях новейшей архитектуры: 1) превращении архитектуры в вид развлечения; 2) поверхностном повторении актуальных выразительных приемов формообразования; 3) проектировании из расчета восприятия объекта не непосредственно, а через медиум фотографии или рендера. Выявленные тенденции проявляются в компьютерной визуализации проектов, графическом оформлении работ по теории архитектуры, выразительном решении зданий-аттракторов и фотогеничных пространств (такие явления, как «инстаграммабельность, «AirSpace» и др.), проектировании рядовой жилой и общественной застройки. Рассмотрение данного феномена в оптике философских концепций Ги Дебора и Ж. Бодрийяра позволило заключить, что визуально-направленные тенденции новейшей архитектуры обусловлены упадком непосредственного и активного взаимодействия человека с материальным миром.

Ключевые слова: новейшая архитектура, визуальная направленность культуры, зрелищность, архитектурная визуализация, графический дизайн, цифровизация, информационное общество

© Balunenka I. I., 2025

Для цитирования: Балуненко, И. И. Зрелищность в новейшей архитектуре в контексте визуальной ориентации культуры конца XX – начала XXI в. / И. И. Балуненко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 120–130. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-120-130

Introduction. The visual orientation of culture from the 1990s to the 2020s was driven by the development of digital technology, the Internet in particular. Between 2020 and 2024, the number of Internet users increased by one billion, surpassing 5,5 billion, which accounts for 69 percent of the global population [1]. As the number of users grows, so does the volume of data shared by the global network and the speed at which it is updated. This expansion in data volume and transmission speed leads to a rapid acceleration in the turnover of images in the human mind, rendering them obsolete almost instantly. Never before have images been so numerous and changed with such staggering speed.

While vision is the primary sense of perception of the physical world, it is usually balanced by touch, hearing and smell. However, information humans encounter online (as well as in films and on television) is perceived predominantly through visual channels. As a result, in an era shaped by the virtual communication, the cultural significance of physical, material objects – those that require multisensory perception through tactile properties or scent – has drastically diminished. Products of contemporary mass culture and mass design are primarily aimed at stimulating visual neurons.

This global trend, affecting all areas of human activity, inevitably manifests in architecture. The context of a visuality dominant and digitally oriented culture inevitably transforms the scenarios of human interaction with the surrounding built environment. Categories such as mass, air density, thickness, texture, pressure, and smell play an ever-diminishing role in how a building is perceived by the observer. Leading architects who design iconic buildings are compelled to adapt to these new conditions of their work getting reduced to the fleeting glimmers in the fast-moving stream of images on phone and computer screens. In these circumstances, *spectacularism* becomes the most successive strategy in a highly competitive global architecture market.

Architecture adaptation to an increasingly digital perception with a subsequent transformation of the physical environment leads to negative psychological and societal consequences for the people who inhabit it. Therefore, the impact of the visual orientation of culture on contemporary architecture requires study within the frameworks of architectural theory, art history and other social sciences. 7KH DLP RI WKLV SDSHU is to outline the key trends of architecture development within the spectacularism phenomenon under the influence of visual culture from the late 20th to the early 21st century. This task requires clarifying the three main objectives:

1. The formulation of a multidisciplinary methodological framework to studying the phenomenon of spectacularism in architecture within the visual orientation of culture that utilizes the approaches developed within philosophy, psychology, culture and art studies, architecture theory and other social sciences and humanities.

2. The distinguishing of the most prominent spectacularism manifestations within the visually oriented fields of contemporary architecture (iconic architecture or “starchitecture”, digitally-oriented spatial design, architectural visualization, graphic design of contemporary architecture theory works) as well as a field of generic architecture and spatial design, where the visual orientation is more subtle.

3. The systematization of the major spectacularism manifestations in the architecture of the 1990s–2020s.

The first objective will be covered in Section 1, which is dedicated to the study historiography and methodology. The second objective will be covered Section 2 in case studies of Belarusian and global examples, where each subsection cowers one of the defined architecture fields. The third objective will be addressed in the article Conclusion.

Section 1. Historiography and methodology of spectacularism research in contemporary architecture

The problematization of spectacularism in art and architecture in the mid-20th to the early 21st century social sciences and humanities. The visual orientation of culture from the mid-20th to early 21st century has been a significant focus in philosophical, architectural, and art criticism. The negative societal impact of an overabundance of rapidly changing visual information was recognized

in humanities as early as the 1960s, long before the widespread adoption of the Internet, which, though developed in 1969, was initially used exclusively in scientific work.

French philosopher Guy Debord was among the first to highlight the problem of the visual orientation and the virtualization of modern culture. In his highly impactful political-philosophical treatise "The Society of the Spectacle" (1967) [2], he argues that the chaotic image flow, driven by the influence of mass media, leads to the substitution of the real world with an illusory one, accessible only to passive observation: "The images detached from every aspect of life fuse in a common stream in which the unity of this life can no longer be reestablished... Reality considered partially unfolds, in its own general unity, as a pseudo-world apart, an object of mere contemplation" [2]. The philosopher uses the term "*spectacle*" to define this image-centric and visually-oriented reality. According to Debord, spectacle causes alienation, the weakening of live connections with others and between humans and their physical surroundings: "The spectacle is not a collection of images, but a social relation among people, mediated by images" [2]. This loss of ability to actively perceive the world leads to a loss of individual agency and the inability to engage in meaningful activity and make conscious decisions for oneself: "the spectacle in general, as the concrete inversion of life, is the autonomous movement of the non-living" [2]. The philosopher noted that the dominance of imagery has elevated "vision to be the privileged human sense which the sense of touch was for other epochs" [2]. In Debord's view, the very nature of virtuality conditions the passive consumption of images and the disconnection from reality, in contrast to active and conscious existence in the real world. The incomprehensible flow of images hinders the experience of reality and prevents people from engaged interactions with the surrounding space. Guy Debord's observations laid the groundwork for the problematization of "spectacle" and spectacularism in both art criticism and art and architecture studies.

The concept of "spectacle" was reinterpreted in 1981 as "simulacrum" by a renown French philosopher Jean Baudrillard in a highly impactful treatise "Simulacra and Simulation" [3]. To Baudrillard, simulacrum (a convincing image of a phenomenon that does not exist in reality; a sign without a referent; a copy that depicts a thing that either no longer has an original or had never had one) is both the product and the process of replacement of a real, authentic and true experience, which is both multisensory and unmediated, with the illusory and predominantly visual "virtual" reality. Drawing from Baudrillard, in his essay "Welcome to the Desert of the Real" [4] impactful Slovenian philosopher Slavoj Žižek notes that "in late-capitalist consumerist society, 'real social life' itself somehow acquires the features of a staged fake, with our neighbours behaving in 'real' life like stage actors and extras" [4, p. 8]. Thus, philosophers point to the negative consequences of this process: alienation from the "real" world and the replacement of a genuine, authentic existence with a false imitation of life.

The observations of Baudrillard and Debord regarding the objectification of experiences and their transformation into commodities also resonate with the ideas of a Frankfurt School psychologist Erich Fromm, presented in his fundamentel work "To Have or To Be?" [5]. Fromm argued that throughout the 20th century, the engaged and proactive interaction with the world ("being") was increasingly replaced by an alienated and objectified possession ("having"). Possession and consumption extend not only to material objects but also to emotions, memories, and experiences, including visual glimpses of memory. Moreover, images and other forms of recording serve as tools of alienation, as they allow memories to be transferred to an external medium. Fromm primarily focused on the impact of photography on human interaction with the surrounding world, but his observations are equally applicable to modern architectural visualization, which serves as a tool for the commodification of images of buildings that were never constructed. Thus, Fromm described the impact of spectacularism and a visually-oriented culture on the human psychology.

The interest in the [redacted] can be tracked to the 1990s, which saw a publication of a breakthrough collection of conference papers "Architecture between Spectacle and Use" [6] with entries and contributions from the most renown architecture scholars, such as Hal Foster, Antony Vidler or Mario Carpo. As the name suggests, the baseline for the conference was to apply Guy Debord's perspective to the critical study of the 1980s–1990s architecture trends.

The renewed interest in Debord's theory of the "spectacle" was ignited by a renowned art and architecture scholar Hal Foster, who employed the perspectives of Debord and Baudrillard to critique

the commercialized iconic architecture of the late 20th century, which was designed for visual consumption. Foster highlighted the conceptual disconnect between the exorbitant appearance of iconic buildings and their primitive construction, using the Guggenheim Museum in Bilbao (1997, Spain, architect Frank Gehry, *Fig. 1*) as an example. He described the Bilbao Museum as a "computer-driven version of a Potemkin architecture of conjured surfaces" [7, p. 38]. A similar disconnect between the exterior form and the inner construction was first exposed in the early 1960s in the seminal postmodern architecture study "Learning from Las Vegas" [8], which defined buildings with such disconnect as "decorated sheds". However, as Foster pointed out, it was the iconic architecture of the 1990s, created with computer aid for the first time in architecture history, that fully merged the trends toward visuality, spectacularism, digitalization, and virtualization in its forms.

Foster notes that the alienating effect of architecture, such as the Guggenheim Museum in Bilbao, goes beyond the mere interaction between individuals and their environment: "these museums trump this art: they use its great scale, which was first posed to challenge the modern museum, as a pretext to inflate the contemporary museum into a gigantic spectacle-space that can swallow any art, let alone any viewer, whole" [7, p. 37]. In his manifesto Against the Spectacle [9], the prominent architect and architectural theorist Peter Eisenman also uses the example of the Bilbao Museum and Debord's methodology to discuss the proliferation of architecture designed for passive and unengaged viewing. Eisenman observes that "the distracted viewing of the surface has replaced the reading of depth" and the "increasing need for the spectacular in the form of ever more precious forms of novelty" [9] arise with the support of media, which create the conditions for the transformation of reality into spectacle, and from the public's demand for "the continual production of new imagery for consumption" [9]. Following Debord's philosophical line, Eisenman emphasizes the growing passivity of the audience. According to the scholar, the intensification of spectacularism in architectural imagery is driven by the need to evoke a reaction from viewers who suffer from emotional burnout due to information overload. Similar to a person with a drug addiction, they require increasingly stronger stimuli to achieve the same level of response as before.

Following Foster's and Eisenman's highly influential publications, Debord's framework became widely applied to the problems in contemporary architecture caused by commercialization and neoliberalism: from the urban development of Buenos Aires (Guano, 2002) [10], the interconnection of urban policies and 'starchitecture' (Ruggiero, 2010) [11], to the 'Disneyfication' of the UAE space production (Thani, Heenan, 2016) [12]. However, most articles concentrate on the societal and political dimensions of the 1990s–2010s architecture and urban development: policies, council decisions, etc., while the visual component is studied only as a secondary element of the production of space. The application of the 'spectacle' concept in architecture remains is fragmented and as of 2024 the full-fledged framework has not been fully generated. The psychological aspects of spectacularism and visual orientation remain downplayed in architecture studies.

In conclusion, the multidisciplinary methodological framework to studying the phenomenon of spectacularism in architecture within the visual orientation of culture should be based on the concepts of 'spectacle' and 'simulacrum', developed by Debord and Baudrillard, but also incorporate the psychological juxtaposition of the 'having' and 'being' modus envisioned by Fromm.

Section 2. The manifestations of spectacularism in contemporary architecture

Spectacularism trend in the graphic design of architectural publications is evident in the theoretical publications authored by renowned architects and design studios that strive for a 'starchitect' status. Such books are characterized by excessive color saturation, unjustified bulkiness, and inflated volume, reaching an average of 1,000 pages. The ratio of text to graphic material approaches that of a picture album, but the publications themselves resemble oversized glossy magazines: a disconnected collection of manifestos, categorical assertions, and fragmented observations, set in enlarged type over drawings and photographs. As Hal Foster aptly observes, these books transition from being coffee-table books to becoming coffee tables themselves [7, p. 22].

Foster associates the emergence of this type of quasi-theoretical literature with the approach of a Canadian graphic designer Bruce Mau, who made up "S, M, L, XL" (1995), a highly impactful

collection of experimental projects and essays by architect Rem Koolhaas. The deliberately commercialized design of the volume served as a vivid illustration of Koolhas's critical observations on the influence of capitalism on architectural trends of the 1980s and 1990s. The design of the collection Content (2004), which featured Koolhaas's programmatic essay "Junkspace" (1999), was intentionally created to be completely indistinguishable from a cheap store catalog or a glossy magazine. If the design of Koolhas's publications was a deliberate commentary on the state of modern culture (and a visual reference to the work of one of Guy Debord's followers, the artist Constant), its numerous imitators copied only the superficial aspects of the Koolhaas's books design, ignoring both the ironic undertone of their artistic concept and the fact that the kitschy graphics existed not as an end in themselves, but as accompaniments to high quality research papers.

From the 1990s to the 2020s, most major Western architectural firms (MVRDV, BIG, NL Architects and others) published their own multi-page albums with collages of project photographs, renderings and fragmentary reflections on architecture. Such magazine-manifestos became a means to enhance the prestige and recognition of design studios, asserting their ambitions not only in applied architecture but also in claiming a role as architectural theorists and visionaries.

The popularity of the spectacular architectural book did not lead to the full decline in the tradition of reservedly designed monographs and article collections by distinguished architects, such as Peter Zumthor, Pier Vittorio Aureli, Mario Carpo or Juhani Pallasmaa. The competing approaches to the graphic design and content of architectural publications were juxtaposed in a review by an architectural critic Hugh Pearman in the Royal Institute of British Architects Journal (RIBAJ) [13]. Pearman contrasts the manifesto-album "Humanize!" (2023) by a popular British architect Thomas Heatherwick with the analytical autobiography First Quarter (2023) by an Irish modernist architect John Tuomey. Pearman methodically lists the differences between the books: Heatherwick's 500 pages of deliberately 'naïve' slogans, printed in an enlarged type with wide line spacing over black-and-white photographs of projects, versus Tuomey's 174 pages of densely packed text featuring refined and witty observations interspersed with occasional hand-drawn sketches [13]. For Pearman, the first publication is an example of a visually-oriented and overtly commercialized promotional material that merely imitates an analytical text in form without contributing anything original to architectural thought [13], making it a simulacrum of architectural research.

The Turn to Visual Culture in Architectura l Design is closely linked to the development of postmodern architecture, which encompasses buildings constructed in various stylistic approaches:

1970s–1980s Postmodernism: Characterized by an ironic reimagining of pre-modern styles, a return to decoration and ornamentation, often executed with a deliberate disregard for scale and historical accuracy (notable architects include Robert Venturi, Charles Jencks, Michael Graves, Philip Johnson, Charles Moore).

1990s 'Spectacular' Deconstructivism: Marked by fractured, distorted forms that break with traditional design conventions (notable architects include Daniel Libeskind, Peter Eisenman, Peter Cook, Coop & Himmelblau, Eric Owen Moss, Frank Gehry).

Late 1990s – Early 2000s 'Iconic' Public Architecture: Focused on creating visually striking buildings designed to amaze observers and ensure instant recognizability (notable architects include Rem Koolhaas, MVRDV, Zaha Hadid Architects, Herzog & de Meuron, later Frank Gehry's works).

Despite the stylistic differences among these movements, they are united by an emphasis on spectacle, the aim to astonish the viewer, and the creation of "iconic" instantly-recognizable structures. The construction of such landmark buildings was primarily driven by economic considerations, as spectacular architecture boosts tourism, enhances the image of a city, and contributes to what is known as the "Bilbao Effect", after the branch of the Guggenheim Museum in Bilbao in Spain (1997, architect Frank Gehry, *Fig. 1*) – the first globally recognized example of a landmark building constructed with the sole aim of increasing a location's tourist appeal.

As platforms for publishing images evolved, these landmark buildings transitioned from being attractions that people visit to see and photograph for their personal photo albums, to serving as Instagram photo backdrops. According to art critic V. Jennings [14], in this new type of spectacular architecture, exemplified in the works of architects like Bjarke Ingels (BIG) and Thomas Heatherwick (Heatherwick Studio), iconic buildings are no longer designed primarily to construct a city skyline or a city brand,

Fig. 1. Guggenheim Museum in Bilbao, 1997, Spain, architect Frank Gehry

as the Guggenheim Museum in Bilbao did. Instead, they are intended to look impressive in photographs. The format of landmark photography has shifted from showing a person standing next to a building to focusing on the person, with the landmark as a background.

Project briefs now explicitly request the creation of photogenic or "instagrammable" spaces [15]. The principle of "instagrammability" in design guidelines [15] is geared towards the making of capturing images that stand out on a screen amidst the fast scrolling of image feeds. These guidelines emphasize maintaining rich tones and striking forms without an overpowering originality or expressiveness. Even a cohesive composition is broken down into a series of eye-catching backgrounds for a photograph with a prominently positioned person. The design must "combine seemingly incompatible qualities: to look original and authentic while also referencing other, previously seen places, and to be easily reproducible" [16, p. 252]. Thus, buildings and interiors are expected to captivate and hold the attention of Instagram users through bold color schemes, unexpected combinations of simple geometric shapes, expressive patterns, wall murals, and furnishings with extravagant contours. This trend explains the development of neo-postmodernism and maximalism (as opposed to minimalism) in interior design and the simultaneous popularity of interiors with simple color schemes, filled with sculptural, non-functional, and easily recognizable furniture pieces. Those designs seamlessly combine mid-century modern, postmodern, or Memphis school elements in a single space. Prominent representatives of the sculpturalist trend include designers and architects such as Adam Nathaniel Furman, Point Supreme, Space Popular, and Harry Nuriev.

At the same time, uniform and clichéd designs eliminate the element of surprise and the desire for exploration from architectural environments. They replace the local and unpredictable with the global and predictable, reinforcing socially approved behavior patterns necessary for Instagram popularity [15]. Iconic architecture, once a primary attraction, has become merely a backdrop in the life of an Instagram blogger, a setting for 'selfies' (self-portraits taken with a mobile phone).

The difference between the earlier and the newer types of spectacular buildings is vividly illustrated by two small-scale projects by the Dutch firm MVRDV, created in the early 2000s and the mid-2010s, respectively: the two-story office building Studio Thonic (2001, Amsterdam, *Fig. 2*) and the installation (W)ego house (2017, Amsterdam, *Fig. 2*). The design approach to of these iconic, instantly recognizable objects was developed with the intention of generating high media response and widespread public attention.

Studio Thonic – a small, two-story building, shaped like a lying prism with an offset window pattern and vibrant tangerine-colored walls – was conceived by its creators as a replication of the Bilbao Effect with minimal financial investment and in minimal scale [17, pp. 565–566]. Indeed, it initiated a global trend of orange exterior finishes and irregular window patterns, including two residential houses in Minsk (Bykhauskaya st., 10, *Fig. 3*; Napoleon Orda st., 9). However, the building completely lacks "instagrammability": the window proportions are too large, and the exterior wall volume is too compact to produce a striking photo of a person against it. The studio house looks impressive in photographs when it is the compositional center, with people present only as part of the scenery. In contrast, the (W) ego house installation breaks down into a series of small interior scenes, each offering the visitor several posing scenarios for close-up photographs: stairs, ropes, and ladders to climb on, striking furniture to sit on, etc. In a frontal photograph taken from a distance of a dozen meters, the installation transforms into a two-dimensional abstract painting composed of rich color spots, creating a striking backdrop for a full-body photo of a person.

The influence of Instagram (and mobile phone photography in general) on architectural environments is particularly evident in the use of museum spaces. From the late 2000s to the mid-2010s, museum visitors primarily used mobile phones to photograph exhibits they liked, often viewing the artworks through the phone screens. This behavior aligns with Erich Fromm's description of the objectifying and alienating role of photography in "To Have or to Be?" [5]: engaging with art through a screen replaced direct, meaningful contemplation (a 'to look but not to see' scenario). Thus, the experience of encountering art became a commodity – not just an objectified memory, but a product, a component of conspicuous consumption of 'cultural goods'.

Since the mid-2010s, visitor behavior has begun to shift: people started taking photos of themselves in front of artworks to post on Instagram, often without looking at the piece itself. Now, it is not the museum space turned selfie space or the artwork turned selfie background that is the commodity, but the visitors themselves, who seek to increase their social significance by showcasing a fake cultural capital on social media. It is worth noting that the management of art museums views selfies primarily as an opportunity to popularize art and increase ticket sales. Museums host selfie days and selfie contests, sell tickets with an option of conducting photo sessions. It is unclear whether the increase in visitor numbers leads to a greater interest in the exhibitions, but the visitor's aims lose relevance when museums are turning from educational institutions into commercial entertainment.

Another striking example of the Internet's influence on the visual orientation of architectural environments is the interior design of short-term rental housing offered through the online platform Airbnb, where owners list their properties without relying on traditional intermediaries. To gain popularity on the Airbnb platform, spaces are designed using a standard set of design techniques, sometimes referred to as 'AirSpace' [18]: minimalist interiors with white or light gray walls and neutral furniture in the 'Scandinavian style'. These techniques help a listing rise higher in the site's search results (the so-

Fig. 2. A comparison of Studio Thonic (2001, Amsterdam) and the (W)ego house installation (2017, Amsterdam), architects MVRDV

called ‘search ranking’) because they align with the criteria of Airbnb’s algorithms and the preferences of its users.

While Instagram clichés combine the predictability of expressive solutions with staged spectacle and iconic ‘uniqueness’, ensuring instant recognition of a location, Airbnb’s design strategies emphasize anonymity and a disregard for the local context. The uniform characterless apartments, indistinguishable from standardized hotel chain rooms, clash with the character of the tourist locations. However, despite their differences in design approaches, expressive instagrammable spaces follow equalizing algorithms just as much as the bland AirSpace environments.

Visual Culture and Architectural Visualization. In the late 1990s, manual drafting as a tool for architectural design was overtaken by computer-based visualization. The abstraction of hand drawings seemed outdated amidst the widespread fascination with special effects that swept through the film industry, animation, and game design during the 1990s and 2000s. Following the entertainment industry, architects were drawn to hyper-realistic and unnaturally vibrant computer animations.

This shift means that the evolution of architectural visualization cannot be simply interpreted as a move toward pure photorealism, i. e., the imitation of artistic or technical photography that accurately represents reality. Commercial renderings resemble retouched images from fashion magazines, featuring glossy and shiny filters, unnaturally intense and saturated colors, and unrealistically sharp distant elements. Just as flawlessly smooth photoshopped skin differs from the natural, the perfect surfaces of walls in these renderings appear too polished, devoid of natural wear, with exaggerated reflective properties. For instance, plaster might gleam like matte glass. In comparison, the real world looks dull and desaturated: “color in the real world looks increasingly unreal, drained” [19, p. 171], while “color in virtual space is luminous, therefore irresistible” [19, p. 171]. Another subtype of promotional visualizations applies overly saturated color filters (most often purple and blue) to the entire image. Atmospheric perspective is exaggerated, and the setting is often lost in a haze, pierced by the pinkish light of a setting sun.

The difference between project visualizations and the buildings constructed from these projects is often so stark that comparing them has become a popular method of architecture criticism. Discussing the differences between the visualization of the Valley administrative-residential complex in Amsterdam (Netherlands, 2021, designed by MVRDV) and the constructed building, Dutch architectural critic Mark Minkjan points out that the facade glazing and balcony greenery in the rendering are fundamentally impossible to realize in reality: the trees would die, and the mirrors simply cannot reflect light as depicted in the image [20]. The rendering deceives the viewer, replacing reality with an illusory copy – an image of a non-existent object. According to Minkjan, glossy visualizations associate contemporary architecture with exclusivity and luxury, sidelining the issues of social responsibility in architecture and its role in addressing the societal problems [20].

By the early 2010s, photorealistic renderings had largely displaced other forms of architectural visualization, and the consumption of architectural images – whether through photographs or glossy, “photorealistic” renderings – began to substitute the direct and multisensory experiences of architecture. When architecture shifts into the virtual realm, the discussions about a project’s merits and its ability to integrate into the urban environment rely on a comparative analysis of two-dimensional images: renderings and photographs. Mass, tactile qualities, and the relationship between buildings and their surroundings lose their importance as criteria for assessing artistic expressiveness, since they cannot be effectively conveyed through photography. Peter Eisenman argues that “Seductive renderings of impossible buildings are their own graphic reality, fuelled by a voracious need for publicity” [9]. He compares these images to “the narcissistic death rattle of a discipline lost in the tidal wave of image-dependent media” [9]. The alienation from reality deepens as the boundary between the physical and virtual worlds becomes increasingly blurred. Consequentially, both photorealistic renderings and photographs effectively become simulacra in the sense described by Jean Baudrillard – copies of originals that do not exist in reality.

At the same time, the very need to create an illusion of the real world limits the expressive tools available to architects and visualizers working within mainstream architecture. As rendering technologies have advanced, the use of hand-drawn graphics has been limited not only as a means of project presentation but also as a tool for sketching, which is fundamental to an architect’s conceptual thinking [21]. The act of drawing – once a key creative and imagination-stimulating activity at the core of architecture

[21] – has been reduced to a mere method for visualizing a project, meaning visualization has become a practice entirely separate from the act of 'inventing' or designing the object itself.

This transformation of architectural drawing from a tool for conceptualization to a method of illustration has altered the very principles of architectural thinking. Hand-drawn graphics allow more room for spontaneous, intuitive, and accidental moves, leading to unexpected artistic discoveries. Thus, as visualizations have approached the ideals of photorealism, their variability has diminished. The process of inventing form has itself become deterministic, as the options for spatial solutions and the methods of achieving them are based on a system of algorithms and computer operations that are not fully controllable by humans. Architects engaged in the production of images are as alienated from them as those who consume them.

The Impact of Spectacular Architectural Visualization on the Generic Urban Development. When published on architectural websites such as Archdaily.com, Dezeen.com, and Designboom.com, visualizations of unique, iconic projects gain public exposure and serve as indirect advertisements, boosting the recognition of both the projects themselves and the architectural studios that designed them. Glossy visualizations of sunlit buildings, often draped in a romantic pink haze and featuring unnaturally gleaming facades, dazzle not only the prospective buyers but also the developers who commission these visualizations. The lesser-known architectural firms are thus incentivized to adopt the successful innovations of their competitors. However, this effect is mostly limited to specific areas, primarily influencing the architecture websites visitors and the potential clients. It can be argued that the renderings of generic residential and administrative buildings created for real estate development companies play a far more significant role in the production of space. This issue is as evident globally as it is in in Belarus.

The responsibility for constructing neighborhoods with inhumanely scaled and hostile urban planning developments lies primarily with real estate companies. However, many questionable architectural and urban planning decisions are made by architects who develop these design proposals. In their work, they often get inspired by contemporary photographs and visualizations of iconic projects without understanding their internal logic. As a result, problematic solutions are copied, and effective ad hoc approaches, developed for a particular type of climate, ways of life, and housing types, are incorrectly adapted to fundamentally different conditions. For instance, the layout of the 'Minsk-Mir' district in Minsk (2017–present, developed by 'Dana Holdings') was inspired by the high-rise residential skyscrapers of the late 2000s–2010s in major metropolises like New York and Dubai. The smooth, glass-covered towers look impressive in visualizations and photographs, but in reality, the facades of both foreign and Belarusian residential skyscrapers often appear dull and cumbersome. There is no need for such dense, high-rise development with standalone towers in Minsk; a more sensible approach would have been to opt for block development with buildings of 5–7 stories, which could create a more human-friendly environment while maintaining high density.

An example of an incorrect adaptation of design solutions that were originally developed for some specific conditions and tasks can be seen in the previously mentioned orange facade of the residential building at 10 Bykhauskaya street in Minsk (architects Bureau 35 and Aprel, 2020, *Fig. 3*), the winner of the Belarusian architectural competition 'Leonardo' in 2014. The color of the facade was inspired by the tangerine plaster of Studio Thonic (2001, Amsterdam, architects MVRDV, *Fig. 2*). The original concept design of the Minsk residential building replicated the expressive, irregular window pattern of the original. However, while Studio Thonic is a two-story building with a vibrantly-colored facade broken up by large window openings, the residential building constructed in Minsk consists of two towers, 13 and 17 stories high, with large, blank wall sections. The facades of Studio Thonic were initially intended to be temporary; they were supposed to be repainted after the building had garnered media attention. This bold decision was transferred to the facade of the Minsk building without considering the original scale, the author's intent, and the goals of the project. For this reason, the orange of the house on Bykhauskaya, 10 was replaced with a calmer terracotta during the construction process. The apartment layout in the housing complex also serves as an example of poorly thought-out copying of foreign designs. The architects used a rational 'European' layout of studio apartments, intended for temporary accommodation of a single person, as the basis for one-bedroom apartments with an area of 45–55 square meters instead of the original 20–30 meters. The mechanical increase in area without

Fig. 3. Residential house, Bykhauskaya street, 10, in Minsk, architects Bureau 35 and Aprel: the original concept (2014), the realized building (2020)

adapting the layout solutions and the room proportions resulted in the difficult to furnish spaces and inadequately lit areas located deep within the apartment.

A similar issue of scale can be observed in the facades of a new residential quarter within the borders of Sergei Yesenin, Rafieva, and Marshal Losik Streets in Minsk (2022–present, developer 'Strominvest'). The facade pattern follows the framework of 'digital architecture', one of the visually oriented stylistic trends of the late 1990s–2000s. A characteristic feature of digitalism is the use of a 'skin' – a digital pattern that wraps around the building's walls like a piece of fabric. The skin of the new quarter is a pattern of vertical stripes, excessively large and heavy, adding to the already massive exterior volume. This pattern would have been appropriate on a building of 5–7 stories, but this quarter has variable heights ranging from 12 to 23 stories.

In both Minsk developments, the imagery looks more attractive than the realized buildings. The imitation of some superficial features of some highly-publicized residential designs without any understanding of their underlying principles can be compared to the cargo cult phenomenon, though it is equally fitting to characterize it as another example of simulacra.

Conclusion. The spectacularism arising from the late 20th to the first third of the 21st century, amidst the increasing digitalization and the visual orientation of culture, is one of the key factors shaping the development of contemporary architecture. The spectacularism trend is evident in the graphic design of quasi-theoretical works published by renowned architectural studios (Thomas Heatherwick, MVRDV, BIG, NL Architects). These works often take the form of excessively colorful, multi-page albums with fragmented texts, set in oversized fonts over drawings and photographs.

In architectural computer visualization, spectacularism manifests in glossy commercial renderings with unnaturally saturated palettes, exaggerated atmospheric perspectives, and overemphasized textures. As a result, mass, tactile properties, and contextuality have ceased to be the criteria for assessing artistic expressiveness.

In architectural design from the 1990s to the 2020s, visual orientation has been realized in two forms: 1) iconic attractor-buildings from the late 1990s to early 2000s (works by Rem Koolhaas, MVRDV, Zaha Hadid Architects, Herzog & de Meuron, Frank Gehry), which create a city's brand, attract tourists, and serve as objects for photography; 2) iconic buildings that look striking on camera and serve as backdrops for portrait and selfie photographs (BIG, Thomas Heatherwick, and the later works of MVRDV).

There is a growing demand for Instagrammable spaces with bold color schemes, expressive forms and patterns, elaborate interior items, and fragmented compositions – essentially, backdrops for Instagram

photos. Stylistically, this demand aligns with movements such as neo-postmodernism (neo-Memphis), maximalism, and sculptural minimalism (Point Supreme, Space Popular, Harry Nuriev). Design dialects specific to certain web-platforms are also emerging ('AirSpace' style on Airbnb).

The design of generic urban developments is shaped by the superficial adaptation of controversial or out-of-context design solutions and the architectural strategies developed for different natural and socio-cultural conditions.

A common feature of these trends is their focus on the superficial features of design trends, the mechanical repetition of current artistic techniques, and the emphasis on the perception of architecture not directly within physical space, but through the medium of the screen, in the virtual universe of renders or photographs.

References

1. Number of internet users as of July 2024. *Statista*. Available at: https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/ (accessed 05.02.2024).

2. Debord G. Society of the spectacle. *Guy Debord Archive*, *1931–1994.* Available at: https://www.marxists.org/reference/archive/debord/society.htm (accessed 28.08.2024).

3. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1995. 164 p. https://doi.org/10.3998/mpub.9904

4. Žižek S. *Welcome to the desert of the real: five essays on 11 September and related dates.* London, Verso, 2002. 154 p.

5. Fromm E. *To have or to be?* Reprint ed. London etc., Bloomsbury, 2013. 216 p.

6. Vidler A. (ed.). *Architecture between spectacle and use.* Williamstown, Sterling and Francine Clark Art Institut; New Haven, Yale University Press, 2008. XIII, 184 p.

7. Foster H. *Design and crime: and other diatribes*. London, Verso, 2003. 176 p.

8. Venturi R., Brown D. S., Izenour S. *Learning from Las Vegas*: *the forgotten symbolism of architectural form*. Cambridge, MIT Press, 1977. 192 p.

9. Eisenman P. Manifesto # 20. *ICON Magazine: International Design, Architecture and Culture*, 2007, no. 50. Available at: http://www.iconeye.com/news/manifestos/manifesto-20-peter-eisenman-%7C-architect (accessed 28.11.2022).

10. Guano E. Spectacles of modernity: transnational imagination and local hegemonies in neoliberal Buenos Aires. *Cultural Anthropology*, 2002, vol. 17, no. 2, pp. 181–209. https://doi.org/10.1525/can.2002.17.2.181

11. Ruggiero L. Neoliberal urban policies and archistar system: landscape regeneration or production of alien scenarios? *Sustainable regional growth and development in the creative knowledge economy (ERSA 2010): 50th congress of the European Regional Science Association*, *19–23 August 2010, Jönköping, Sweden*. Louvain-la-Neuve, 2010. Available at: https://www.econstor.eu/handle/10419/119175 (accessed 12.12.2023).

12. Thani S., Heenan T. F. Sport and the "Disneyfication" of UAE. *The playing field: making sense of spaces and places in sporting culture.* Oxford, 2016, pp. 15–26.

13. Pearman H. High contrast: books from John Tuomey and Thomas Heatherwick. *The RIBA Journal.* Available at: https://www.ribaj.com/culture/review-books-thomas-heatherwick-humanise-john-tuomey-first-quarter (accessed 12.12.2023).

14. Jennings W. "Should architects design provocatively ugly architecture that does not conform to Instagram's aesthetic conventions?" *Dezeen*. Available at: https://www.dezeen.com/2019/09/05/anti-instagram-architecture-will-jennings/ (accessed 20.09.2022).

15. Fairs M. Instagram design guide shows architects how to create "a visual sense of amazement". *Dezeen*. Available at: https://www.dezeen.com/2018/06/12/instagram-design-guide-architects-design-hotel/ (accessed 20.09.2022).

16. Kolpinets E. "I like everything, although I have never been here …". *Proekt Rossiya = Project Russia*, 2020, no. 92, pp. 249–255 (in Russian).

17. Maas W., Van Rijs J. (ed.) *KM3: excursions on capacities*. Barcelona, Actar, 2005. 1415 p.

18. Mead R. The Airbnb invasion of Barcelona. *The New Yorker.* Available at: https://www.newyorker.com/magazine/2019/04/29/the-airbnb-invasion-of-barcelona (accessed 14.10.2022).

19. Koolhaas R. Junkspace. *Content: triumph of realization.* Köln, 2004, pp. 162–171.

20. Minkjan M. What this MVRDV rendering says about architecture and the media. *Failed Architecture.* Available at: https://failedarchitecture.com/what-this-mvrdv-rendering-says-about-architecture-and-media/ (accessed 17.10.2022).

21. Jacob S. Architecture enters the age of post-digital drawing. *Metropolis.* Available at: https://metropolismag.com/projects/architecture-enters-age-post-digital-drawing/ (accessed 17.05.2022).

Information about the author

Iryna I. Balunenka – Ph. D. (Art and Architecture), Associate Professor, Senior Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surhanov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: iryna.balunenka@gmail.com

Информация об авторе

Балуненко Ирина Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: iryna.balunenka@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 821.161.3.09«15»
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-131-141

Паступіў у рэдакцыю 21.06.2024
Received 21.06.2024

К. І. Мяцеліца

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

«ПАХВАЛА ГЕТМАНУ КАНСТАНЦІНУ АСТРОЖСКАМУ»: ІДЭЙНА-МАСТАЦКІЯ І ЖАНРАВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ

Аннотация. Статья посвящена «Похвале гетману Константину Острожскому» – памятнику белорусской литературы первой половины XVI в., который ранее еще не становился предметом комплексного исследования в отечественной науке. Пристальное внимание уделено литературной истории данного произведения, осуществлен его подробный текстологический анализ. В частности, обнаружены отдельные фрагменты произведения, имеющие параллели с рядом летописных повестей новгородского происхождения, а также предложена новая датировка времени создания памятника. Описаны образная система, композиционные особенности, идейное содержание и средства художественной выразительности «Похвалы». Также пересмотрена жанровая принадлежность памятника: ряд выявленных специфических черт произведения позволяет утверждать, что по своему жанру оно приближено к воинской повести. Сделаны выводы о том, что «Похвала» стала одним из первых произведений средневековой белорусской литературы, в котором были отражены патриотические взгляды отдельного человека в их общегосударственном значении, а не в узком региональном или этноконфессиональном. Кроме того, автор делает предположение, что в «Похвале» нашел свое текстовое воплощение неформальный «рыцарский» кодекс чести, сложившийся на фоне актуального для того времени социально-политического контекста.

Ключевые слова: текстология, образ, воинская повесть, Волынская краткая летопись, Похвала гетману Константину Острожскому, источники, сюжетное повествование, жанровые особенности, литература XVI века

Для цитирования: Мяцеліца, К. І. «Пахвала гетману Канстанціну Астрожскаму»: ідэйна-мастацкія і жанравыя асаблівасці / К. І. Мяцеліца // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 131–141. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-131-141

Kiryl I. Miatselitsa

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

"PRAISE TO HETMAN KONSTANTIN OSTROZHSKY": IDEOLOGICAL, ARTISTIC AND GENRE FEATURES

Abstract. The article deals with "Praise to Hetman Konstantin Ostrozhsky" – a work of Belarusian literature of the first half of the 16th century, which was not previously the subject of a comprehensive study in Belarusian science. Close attention is paid to the literary history of this work and its detailed textual analysis is provided in the paper. In particular, individual fragments of the work having parallels with a number of chronicle stories of Novgorod origin were discovered, and a new dating of creation time of the work was proposed. The article describes figurative system, compositional features, ideological content and means of artistic expressiveness of "Praise". The genre of the work has also been revised: a number of identified specific features of the work allow us to assert that in its genre it is close to a military tale. It is concluded that "Praise" is one of the first works of medieval Belarusian literature, which reflects the patriotic views of an individual in their national rather than narrow local or ethno-confessional meaning. In addition, the article defends the idea that an informal "chivalric" code of honor, formed against the backdrop of the socio-political context relevant for that time, found its textual embodiment in "Praise".

© Мяцеліца К. І., 2025

Keywords: textual criticism, image, military tale, Volynian Short Chronicle, Praise to Hetman Konstantin Ostrozhsky, sources, plot narration, genre features, literature of the 16th century

For citation: Miatselitsa K. I. "Praise to hetman Konstantin Ostrozhsky": ideological, artistic and genre features. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 2, pp. 131–141 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-131-141

Уводзіны. Сярод твораў даўняй беларускай літаратуры асаблівае месца займае «Пахвала гетману Канстанціну Астрожскаму» (далей – «Пахвала»), у якой знайшла мастацкае ўвасабленне адна з галоўных падзей маскоўска-літоўскай вайны 1512–1522 гг. – бітва пад Оршай, што адбылася 8 верасня 1514 г. Трыумф войскаў на чале з гетманам князем Канстанцінам Іванавічам Астрожскім істотна паўплываў на вынікі таго канфлікту і ператварыўся ў своеасаблівае «месца памяці» для насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (далей – ВКЛ), а таксама іншых краін Цэнтральнай Еўропы. У якасці сюжэтнай асновы для твораў літаратуры і мастацтва аршанская баталія стала адным з элементаў культурнага ўздзеяння на трансфармацыю гераіка-патрыятычных ідэалаў на беларускіх землях у першай палове XVI ст. І ў гэтым сэнсе «Пахвала» выразна адлюстравала новую для рэгіёна тэндэнцыю: фарміраванне калектыўнай свядомасці аб прыналежнасці да адной грамадска-палітычнай супольнасці.

Неабходна падкрэсліць, што «Пахвала» значна адрозніваецца ад створаных прыкладна ў той жа час лацінамоўных панегірыкаў, прысвечаных згаданай падзеі. Перанасычаныя антычнымі метафарамі і алегорыямі творы Т. Андроніка, К. Веліуса, Б. Вапоўскага, Х. Зухтэнія, А. Кшыцкага, Я. Пізо, В. Эка былі выдадзены ў Кракаве і іншых еўрапейскіх гарадах і мелі адбітак рэнесанснага духу. Адны з іх былі складзены выключна ў прапагандысцкіх мэтах, другія ж сталі шчырым эмацыянальным водгукам на вынікі бітвы. Стрыжнёвай фігурай гэтых твораў з'яўляўся кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Казіміравіч, з вобразам якога атаясамлівалася перамога і на якім замыкаліся асноўныя сюжэтныя лініі. У сваю чаргу «Пахвала», галоўным героем якой стаў Канстанцін Астрожскі, – помнік выключна праваслаўнай пісьмовай культуры, афармлены невядомым аўтарам з выкарыстаннем рытарычных і паэтычных сродкаў, уласцівых літаратурным традыцыям Slavia Orthodoxa.

Аднак, нягледзячы на ўнікальнасць «Пахвалы», яна дагэтуль не стала прадметам сур'ёзнага даследавання ў айчыннай навуцы. Збольшага беларускіх даследчыкаў цікавілі ідэйна-палітычны змест помніка, а таксама яго крыніцазнаўчы патэнцыял [1–3]. У мастацкім жа вымярэнні дадзены твор разглядаўся ў асноўным у агульным кантэксце даўняй беларускай літаратуры ці ў якасці складовай часткі Валынскага кароткага летапісу [4–7]. На сённяшні дзень найбольш грунтоўнымі даследаваннямі літаратурных і тэксталагічных асаблівасцей «Пахвалы» адзначыліся ўкраінскія вучоныя М. С. Грушэўскі [8] і А. У. Русіна [9; 10].

Асноўная частка. Адна з галоўных праблем у даследаванні «Пахвалы» заключаецца ў тым, што помнік захаваўся да нашых дзён у адзіным варыянце – у складзе Супрасльскага летапіснага зборніка, што захоўваецца ў фондах Расійскага дзяржаўнага архіва старажытных актаў у Маскве. Таму сёння досыць складана сказаць, з якім этапам развіцця тэксту мы маем справу – пратографам, рэдакцыяй ці спісам. З гэтага вынікае немагчымасць складання «генетычнага дасье» (падборкі паслядоўных варыянтаў, «выпісак» цытат, скарачэнняў, дадаткаў і наогул любой праўкі «зыходнага» тэксту [11, с. 89–90]) і, адпаведна, вызначэння паходжання сэнсавых супярэчнасцей, а таксама стылістычных і моўных хібаў «Пахвалы». Тым не менш некаторыя вехі яе літаратурнай гісторыі прасачыць усё ж можна.

Згаданы Супрасльскі зборнік быў часткай, вядомай з вопісу каштоўнасцей Супрасльскага манастыра 1557 г. кнігі «Царственник з летописц[ем]» [12, с. 54], якая патрапіла ў яго бібліятэку не пазней за 1532 г. У вопісе 1645 г. ён быў пазначаны ўжо асобна як «Кройника руска» [12, с. 204]. Першая частка зборніка ўяўляе сабой дэфектны летапіс, блізкі да Летапісу Аўрамкі, але даведзены толькі да 1382 г. (рукапіс абрываецца на паўфразе пры апісанні спусташэння Масквы ханам Тахтамышам). Другая ж складаецца з некалькіх элементаў. Па-першае, з кароткай летапіснай выбаркі, якая ўтрымлівае звесткі наўгародскага, маскоўскага і мясцовага паходжання па гісторыі Русі і ВКЛ. Завяршаецца яна паведамленнем за 1494 г. пра шлюб вялікага князя літоўска-

га Аляксандра Казіміравіча з княжной Аленай – дачкой вялікага князя маскоўскага Івана III. Па-другое, з асобнага летапіснага помніка, прысвечанага пераважна гісторыі Валыні, які заканчваецца паведамленнем пра ўзяцце войскамі вялікага князя маскоўскага Васілія III Смаленска ў 1514 г. (у летапісе гэта падзея, як і бітва пад Оршай, памылкова пазначана 1515 г.). Па-трэцяе, з «Пахвалы», якая напісана адрозным почыркам і мае спецыфічныя правапісныя і моўныя асаблівасці [13, с. 138–139]. Яна пачынаецца з новай старонкі і аддзелена ад папярэдняга тэксту яшчэ і запісам (пазней закрэсленым): «К тым тетратем четырем царством мает приложити шесть тетрятеи, как будеть вязати порожних неписаных скараксаных про запас на летописець от доски заднее» [1, с. 53]. «Пахвала» мае двухчасткавую структуру і складаецца з апісання падзей, звязаных з бітвай пад Оршай, і здравіцы Канстанціну Астрожскаму. Апошняя пазначана ў рукапісе маргіналіяй «Се похвалу гетману». Пасля «Пахвалы» размешчаны выкананы іншымі чарнілами запіс пра наведванне Супрасльскага манастыра вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Аўгустам у 1544 г.

Упершыню ўвесь Супрасльскі зборнік быў выдадзены ў 1836 г. М. А. Абаленскім, прычым другая яго частка атрымала загаловак «Киевская сокращенная летопись» [14]. Гісторыя гэтай публікацыі разгледжана В. Л. Новікавай [15]. Аднак у канцы XIX ст. Ю. І. Ціхоўскі выказаў меркаванне, што дадзены летапіс мае хутчэй смаленскае паходжанне [16, с. 365–371]. Да такой жа высновы прыйшоў і В. А. Арнаутаў, які падрабязна аргументаваў гэту гіпотэзу [17, с. 1–34]. Пазней, з прычыны таго, што апошнія арыгінальныя фрагменты летапісу датычацца галоўным чынам падзей на Валыні, М. М. Улашчык выдаў яго пад назвай «Валынскі кароткі» разам з іншымі помнікамі беларускага летапісання [18]. Гэта найменне і замацавалася за помнікам у сучаснай навуцы, хаця і з'яўляецца дыскусійным.

Што датычыцца даты стварэння «Пахвалы», то тут варта разглядаць часавы прамежак паміж 1515 (у помніку апісваецца трыумфальны ўезд аршанскага пераможцы ў Вільню ў самым канцы 1514 г.) і 1530 гг. (год смерці Канстанціна Астрожскага, якому аўтар жадае «здоровье и щастье вперед лепшее как ныне» [18, с. 127]). Словы «так ныне побил силу великую московскую, абы так побивал силную рать татарскую, проливаючи кров их бесурменьскую» [18, с. 127] сведчаць пра тое, што на момант стварэння «Пахвалы» яе аўтар, верагодна, яшчэ не ведаў пра перамогу гетмана над крымскімі татарамі ў бітве пад Альшаніцамі ў студзені 1527 г. А. А. Семянчук нават выказала здагадку, што «Пахвала» была створана напярэдадні выправы на татар [3, s. 93]. У сваю чаргу А. У. Русіна лічыць, што згаданы ўрывак не звязаны з гістарычнай канкрэтыкай і мае хутчэй пераймальны характар [10, с. 144]. Аднак наўрад ці бітва пад Альшаніцамі, якая сваімі маштабамі пераўзыходзіла Аршанскую баталію, магла б застацца без увагі стваральніка «Пахвалы».

Усё тая ж А. У. Русіна ўзнімае ніжнюю храналагічную планку часу стварэння помніка да 1522 г. У якасці доказу яна прыводзіць словы панегірыста пра тое, што за свае подзвігі Канстанцін Астрожскі дастойны валодаць «самим Божьим градом Иерусалимом», а не толькі сядзець на «здешних великих столечных городах» [18, с. 126]. На думку даследчыцы, сутнасць гэтай згадкі заключаецца ў «казусе 1522 г.», калі Астрожскі, які на той момант ужо займаў пасаду віленскага кашталяна, стаў яшчэ і ваяводам троцкім. Гэта ў сваю чаргу не задаволіла іншых магнатаў – яны спасылаліся на прывілей 1413 г., што забараняў займаць такія высокія пасады некатолікам [9, с. 162]. Адзначым, што з 1522 г. можна звязаць і ўзгаданы вышэй заклік «побивать силную рать татарскую», бо ў гэты год было падпісана пяцігадовае перамір'е паміж ВКЛ і Масквой і, магчыма, такім чынам у тэксце быў зроблены акцэнт на новых вайсковых задачах гетмана. З улікам гэтага мае сэнс звузіць меркаваны час стварэння вядомага нам варыянта «Пахвалы» да 1522–1526 гг.

Пэўную праблему складае і вызначэнне асобы аўтара «Пахвалы». Як адзначае В. А. Чамярыцкі, агульны характар усяго Супрасльскага зборніка, а таксама змест, мова і стыль яго заключных арыгінальных запісаў паказваюць на тое, што «гэта летапісная кампіляцыя ўзнікла ў асяроддзі патрыятычна настроенага беларуска-ўкраінскага духавенства» [7, с. 385]. Аднак, калі ў дачыненні да валынскай часткі зборніка гэтае меркаванне выглядае цалкам слушным, то ў выпадку з «Пахвалой» сітуацыя менш адназначная.

Можна пагадзіцца з высновай С. Л. Гараніна, што твор стаў вынікам асабістай цікавасці аўтара да асобы князя Астрожскага і тых якасцей, жывым увасабленнем якіх гетман быў для часткі тагачаснага грамадства ВКЛ [4, с. 217]. Аднак застаецца пытанне наконт катэгарыяльнага апарату ананімнага панегірыста. Быў гэта абазнаны ў хрысціянскай дагматыцы святар, у чыёй свядомасці кожная зямная падзея была толькі сімвалам, знакам, эфемерным вобразам складаных і непазнавальных для смяротнага чалавека тагасветных працэсаў? Альбо міранін, што ведаў некаторыя творы духоўнай і свецкай літаратуры, валодаў тэхнікай кампілятарства і адлюстраваў у пісьмовай форме ўласныя перажыванні наконт лёсу роднай зямлі? Спробу канкрэтызаваць аўтара «Пахвалы» здзейсніла А. У. Русіна, якая лічыць, што гэта мог быць пісар князя Канстанціна Астрожскага – Даніла Васільевіч, чыя асоба звязала паміж сабой гетмана і смаленскага епіскапа Варсафонія (ён узгадваецца ў «Пахвале» і валынскай частцы летапісу), Валынь і Супрасльскі манастыр [9, с. 162–167]. Паводле другой версіі, магчымым аўтарам помніка мог быць пісар вялікакняжацкай канцылярыі Фёдар Святоша [6, с. 234]. У любым выпадку ні адна з гэтых здагадак пакуль не мае досыць пераканаўчых доказаў, таму праблема аўтарства помніка пакуль далёкая ад канчатковага вырашэння.

У той жа час тэксталагічны аналіз твора дае магчымасць контурна акрэсліць інтэлектуальны запас невядомага аўтара. На думку У. І. Кананoвіча, на стыль панегірыста магла паўплываць тагачасная канцылярская лексіка [2, с. 737]. Акрамя таго, як паказала А. У. Русіна, у тэксце «Пахвалы» ўжываюцца асобныя вобразы, параўнанні, а часам нават і цэлыя славесныя звароты з сербскай рэдакцыі «Александрыі» – перакладнога рамана пра Аляксандра Македонскага, які атрымаў распаўсюджанне ў ВКЛ у XV ст. Аднак падчас працы над сваім творам аўтар выкарыстаў толькі некаторыя «падзейна-рыцарскія» трафарэты з рамана, пакінуўшы па-за ўвагай яго багатую сімволіку. Ды й сам па сабе адбор гэтых трафарэтаў выглядае даволі супярэчліва. Адным з самых паказальных прыкладаў не зусім асэнсаванага запазычання стваральнікам «Пахвалы» асобных фрагментаў «Александрыі» з'яўляецца апісанне фарсіравання Дняпра войскам на чале з князем Астрожскім, якое ледзь не слова ў слова скапіравана з сербскай рэдакцыі «Александрыі»:

Пахвала князю Канстанціну Астрожскаму	Сербская «Александрыя» па спісе XV ст.
«И въспомяну справу и смелость храброго Антиоха и великого гетмана царя Александра Макидоньского, како он воиску персидскому реку Арсинарскую преити повел, **пръвии сквасишася, а последнии яко по суху преидоша**, так теж и он передним людем плыти повеле, а последнии вже яко по броду преидоша» [18, с. 125–126].	«В кый час Порова воинства обедати начаша, тогда Филон, челом ударив Александру, чрес реку прескакавше, на поле **предние свалишася, а задние, яко по суху, преидоша**» [19, с. 151].

У дадзеным выпадку аўтар блытае эпізоды рамана, звязаныя з рознымі асобамі (Антыёхам і Філонам). Самога гетмана ён атаясамлівае з героямі «Александрыі» таксама непаслядоўна: то з Антыёхам, то нават з ворагам Аляксандра – індыйскім царом Порам («великого царя индийского Пора, которому ж многи цари и князи противни быти не могоша» [18, с. 126]).

У іншым месцы панегірыст, спасылаючыся на «философа Фролоса», параўноўвае гетмана з уладаром Арменіі Тыгранам Вялікім: «И тако мужества храбрость подобна Тигранису, царю арменскому, о котором же премудрый философ Фролос от Ливия пишеть: пришедши Тигранис, царь арменский, и съсеклъся сх Антиохом и измог войско его и самого из града выгнал, Антиоху бьжавшу пред ним в Перскую сторону» [18, с. 126]. Як заўважыла А. У. Русіна, пад «Фроласам» тут варта разумець рымскага гісторыка Луцыя Анея Флора, які склаў кампендыум прац Ціта Лівія («Эпітомы»). Але даследчыца лічыць, што аўтар «Пахвалы» быў не знаёмы з гэтым творам: дадзеную звестку ён узяў з «Хронікі» Іаана Малалы, часткова змяніўшы і скараціўшы яе [10, с. 141]. Акрамя таго, яшчэ чакаюць свайго даследавання магчымыя выкарыстанні панегірыстам запазычанняў са старажытнарускага перакладу «Гісторыі Іўдзейскай вайны» Іосіфа Флавія і шэрагу іншых твораў сярэднявечнага свецкага пісьменства.

Таксама аўтар «Пахвалы» актыўна выкарыстоўваў у сваёй працы Біблію і іншую рэлігійную літаратуру, але і тут часам дапускаў блытаніну. Напрыклад, ён спасылаецца на «слово пророчь-

ское», хаця цытуе адзін з апостальскіх лістоў (Як. 4:6 ці 1 Пят. 5:5): «Господь гръдым противится, а смиренным милость и помощь посылаеть» [18, с. 125]. У іншым месцы ўзгадваюцца словы прарока Ісаі: «Помянем слово пророка Исаия, сына Амосова, што пророчьствовал о последних днех, провидев духом святым, так рече: За умножение злобы людеи и многыи их неправды пролиется кров их, яко вода силна, хоробрыи и гръдыи от мечов падуть, один ратныи справедливыи погонить несправедливых 100, а от ста побегнета 1000 и плоть их будет на снедь зверем и птицам, и кости их на позор всякому животну» [18, с. 126]. Аднак у Кнізе Ісаі такі фрагмент адсутнічае, хаця ён і перагукаецца з іншымі кнігамі Святога Пісання (Друг. 32:30; Ез. 34:4-5; Ер. 7:33, 16:4, 34:20; Лев. 26:8; Нав. 23:10; Пс. 78:2-3, 90:7; 1 Цар 17:46 і інш.). Між тым вельмі падобныя ўрыўкі змешчаны ў помніках наўгародскага летапісання. Па-першае, у аповесці пра Ліпіцкую бітву 1216 г., якая ўтрымліваецца ў Сафійскім I летапісе: «Яко тобою ся намъ много зла сотвори, про твое преступление крестное речено бысть: “Приидите птица небесныя, напитаитеся крови человеческыя; звѣрие наядитеся мясъ человеческых: не 10 бо убито, ни 100, но тысуща тысущами”» [20, стб. 271]. Па-другое, у аповесці пра Ракаворскую бітву 1268 г. з Наўгародскага I летапісу: «И пакы помянемъ Исаия пророка, глаголюща, аще хощете послушати мене, благая земная снѣсте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружие вы поясть, и тако поженеть единъ 100 васъ, а от ста побѣгнет 1000 васъ» [21, с. 87]. Апошняя цытата сапраўды часткова перадае змест двух вершаў Кнігі Ісаі (Іс. 1:19-20). Магчыма, што згаданы фрагмент «Пахвалы» ўзнік у выніку перапрацоўкі нейкай нявызначанай крыніцы (летапіснай звесткі, тлумачэння на пароцкія кнігі і г. д.), якая ў сваю чаргу засноўвалася на Кнізе Ісаі. Таксама аўтар «Пахвалы» паказаў сваё знаёмства з Другой кнігай Параліпаменан: узгадваючы адзін з яе эпізодаў (2 Пар. 13:17), ён параўновае гетмана з іўдзейскім царом Авіяй: «Уподобился еси сыну Ровоавову Авию, што воевал на десять колен Израилев и въбил з них силных людеи за един день пятьсот тисячь, его же делу и ты наследник явися, москвич избиваа не в целыи день, але во дни 3 годины на осмъдесят тисяч побил» [18, с. 126].

Акрамя непасрэдна Святога Пісання аўтар «Пахвалы» карыстаўся «Словам пра ўваскрэсенне мёртвых» Яфрэма Сірына («Зде исполнилося слово святого отца Ефрема: “Силныи изнеможе, а здоровыи разболелся, а радовавыися въсплакал, а дръжаи погубил”» [18, с. 126]) і «Жыціем Ніфанта Канстанцкага». З апошняга ён узяў фразу пра «тайну цареву», якая, дарэчы, прысутнічае і ў іншым узоры панегірычнай прозы ВКЛ – «Пахвале вялікаму князю Вітаўту»:

Пахвала вялікаму князю Вітаўту	Пахвала князю Канстанціну Астрожскаму
«**Тайну цареву таити добро есть, а дела велика господаря поведати добро жь есть**. Хочю вам поведати о великом князи Александри, зовемом Витовти, литовском и руском, иных многих земель господари» [22, с. 250].	«Успомянем слово великого Нифонта, как пишетъ к верным христианам: **таину цареву годно таити, рекучи: рады госпадарское замкнутое негодно всим поведати**, але дело и мужества доброго и смелого человека годно всим объявляти, бы напотом иншии тому вчили и смелость мели как же и в нынешнее время случися нам видети того доброго а храброго воина, пореклом стратилата князя Костянтина Ивановича Острозского, навышшего гетмана литовского» [18, с. 125].

Цікава, што першакрыніцай фразы выступае Кніга Тавіта: «Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально» (Тав. 12:7). Прыкладна ў такім выглядзе яна звычайна і ўжывалася ў сярэднявечных помніках агіяграфічнай літаратуры [23, с. 293–294], у тым ліку і ў «Жыціі Ніфанта Канстанцкага» («Таиноу оубо цареву достоить хранити, а дела божьствѣная проповедати славьно» [24, с. 69]). Аднак складальнікі абодвух пахвальных твораў не толькі адступаюць ад літаральнага цытавання, але і дазваляюць сабе амаль ідэнтычныя па сэнсе рэмаркі, якія змяняюць агульны кантэкст першакрыніцы («а дела велика господаря поведати добро жь есть» і «але дело и мужества доброго и смелого человека годно всим объявляти»). Гэта ў сваю чаргу прымушае звярнуць увагу на дапушчэнне В. А. Чамярыцкага, быццам стваральнік «Пахвалы» наследаваў у гэтым месцы панегірыку Вітаўту [25, с. 86]. Хаця магчыма, што аўтары дадзеных твораў арыентаваліся на нейкі іншы літаратурны ўзор.

З улікам адзначанага вышэй наўрад ці будзе вялікім перабольшаннем сказаць, што выкарыстаныя стваральнікам «Пахвалы» запазычанні з духоўнай літаратуры маюць выключна мастацка-публіцыстычны характар.

Неабходна таксама зрабіць заўвагу наконт жанру разглядаемага помніка. Традыцыйна яго пазначаюць у адпаведнасці з маргіналіяй «Се похвалу гетману» і рытарычным пытаннем аўтара «О пречестнаа мудраа главо, како тя нареку и похвалю?», з якіх пачынаецца другая частка твора. Увогуле ў старажытнарускай літаратуры жанр пахвалы быў прадстаўлены як у выглядзе самастойных тэкстаў, так і ў якасці ўстаўных канструкцый (кароткая пахвала) унутры іншых помнікаў. Пры гэтым кароткая пахвала пераважна выконвала функцыю своеасаблівага некралога, якім завяршаўся летапісны аповед пра князя ці царкоўнага дзеяча або жыціе святога. Як адзначае Н. У. Трафімава, у праваслаўным светаразуменні пахвала звязана з грахом гордасці і менавіта таму часцей за ўсё пахвальныя словы ўжываліся ў дачыненні да памерлых [26, с. 169–170]. У сваю чаргу «Пахвала» створана яшчэ пры жыцці гетмана, што хаця і не з'яўляецца беспрэцэдэнтным выпадкам, але ўсё ж дае нагоду пераасэнсаваць яе жанравую прыналежнасць.

Разглядаемы твор мае некаторыя рысы, якія набліжаюць яго да воінскай аповесці. Галоўнымі жанраўтваральнымі прыкметамі помніка з'яўляюцца вобраз Канстанціна Астрожскага як военачальніка і апісанне бітвы пад Оршай. Звяртае на сябе ўвагу і характэрная паслядоўнасць элементаў сюжэтнай структуры тэксту: вызначэнне прычын узброенага канфлікту (пралог); збор войска; наведванне палкаводцам храма напярэдадні бітвы; апісанне бітвы; аповед пра наступствы бітвы; усхваленне пераможцы і яго воінскіх якасцей; трыумфальнае вяртанне военачальніка ў сталіцу; здравіца і пажаданне новых вайсковых перамог (эпілог). Такім чынам, сюжэт мае выразна эпічны характар і ўключае тры абавязковыя для воінскай аповесці кампазіцыйныя часткі: аповеды пра падрыхтоўку да бітвы, а таксама пра яе ход і наступствы [26, с. 13]. У той жа час кульмінацыя (непасрэдна бітва) пададзена ў сціслым выглядзе, з чаго можна зрабіць выснову, што для аўтара важней была эмацыянальная ацэнка падзей, а не іх падрабязнае апісанне. На апошняе таксама паказваюць і ўведзеныя ў структуру «Пахвалы» такія дадатковыя лірычныя элементы, як пахвальнае слова і здравіца. Пры гэтым у творы адсутнічаюць уласцівыя воінскім аповесцям апісанні знакаў, цудаў і г. д. На думку І. В. Саверчанкі, які адзначыў высокую ступень рытмізаванасці тэксту помніка, на сінтаксічным і лексічным узроўнях аўтар «Пахвалы» арыентуецца на паэтыку ўзнёсла-гераічнага, быліннага эпасу [6, с. 234]. Аб прыналежнасці твора да гераічнай традыцыі старажытнарускай славеснасці сведчаць таксама таўталагічнасць эпітэтаў, «панарамнасць» аўтарскага бачання і шматлікія гістарычныя адсылкі.

З жанрам воінскай аповесці помнік звязвае і пабудаваная на антытэзе вобразная сістэма: сціплы супрацьстаіць ганарліваму. «Пахвала» пачынаецца з паведамлення пра тое, што вялікі князь маскоўскі Васілій III, на якога ўскладаецца віна за развязванне вайны, «преступив докончание и крестное свое целование от меншаго на блъшее зло подвигнулся, имеа ненасытную утробу лихоимениа», захапіў Смаленск і іншыя гарады ВКЛ. Далей аўтар узмацняе эмацыянальнае ўздзеянне гэтага фрагмента песімістычнай сентэнцыяй: «Бо нет пущаго человеку как въжделене чюжого имениа, и кроткаго и смиренаго немилостива и некротка чинить» [18, с. 125]. У сваю чаргу кароль і вялікі князь Жыгімонт Казіміравіч у адрозненне ад маскоўскага ўладара «свою правду дръжал ему непорушно и невыступно в всем» [18, с. 125]. Таму Жыгімонт выправіўся на вайну «помянувши слово пророчьское, што Господь гръдым противится, а смиренным милость и помощь посылаеть» [18, с. 125]. Аўтар «Пахвалы» падкрэслівае, што менавіта пыха Васілія III стала ў выніку галоўнай прычынай паражэння маскоўскага войска пад Оршай. Сваю думку ён падмацаваў ужо згаданай спасылкай на прарока Ісаю: «За умножение злобы людеи и многыи их неправды пролиется кров их, яко вода силна, хоробрыи и гръдыи от мечов падуть, один ратныи справедливыи погонить несправедливых 100, а от ста побегнета 1000 и плоть их будет на снедь зверем и птицам, и кости их на позор всякому животну» [18, с. 126].

Мячом жа справядлівай боскай адплаты стаў галоўны герой твора – Канстанцін Астрожскі: «Подарил Бог князя Костянтина Ивановича, навышшего гетмана литовского, што его справою и зряжением воиска плъков и его смелого сердца и рукы сягненьем люди московского побили» [18, с. 126]. З-пад пяра панегірыста выйшаў каларытны, хаця і шмат у чым ідэалізаваны вобраз «доброго а храброго воина», «славнаго и великоумного» гетмана. Астрожскі – «справца военныи», выдатны «стратилат», чыя «мужства крепость» роўная мужнасці герояў далёкай мінуўшчыны і дзякуючы «смелого сердца и рукы сягненьем» якога была здабыта вялікая пера-

мога над моцным ворагам. Лёгка заўважыць, што пры апісанні свайго героя аўтар «Пахвалы» не быў арыгінальным і выкарыстоўваў вайсковыя лексічныя і сітуацыйныя формулы з агульнага фонду вядомай яму літаратуры. У рытарычным запале ён нават наракаў на тое, што не можа годным чынам усхваліць усе добрыя якасці гетмана: «О пречестнаа мудраа главо, како тя нареку и похвалю? Коротъкостию языка моего и художством ума моего не могу ся домыслити, кую славу и честь въздати твоего справлению делу» [18, с. 126]. Разам з тым аўтар унёс у свой тэкст своеасаблівы элемент псіхалагізму – Астрожскі паказаны жывым чалавекам, якому таксама ўласцівы няўпэўненасць і душэўныя ваганні. Так, калі яго войска падышло да Дняпра, гетман засмуціўся, што «яко бысть не борзо преходим путь водныи». У сумненнях ён «бег до церквии святои живоначалнои Троици и к святому великому чюдотворцу Христову Николе и, пад, помолися Богу». У выніку боская ласка і ўласная кемлівасць дапамаглі палкаводцу фарсіраваць раку: «Он передним людем плыти повеле, а последнии вже яко по броду преидоша» [18, с. 125–126]. Увогуле гетман паўстае ў «Пахвале» як «богобоязнивыи муж», чыя хрысціянская дабрадзейнасць праявілася таксама і ў тым, што «напръвеи церкви божьи христианьскии и многых мужеи и жон от их насилованья оборонил» [18, с. 126]. Тут варта дадаць, што ўдзячны за аршанскую перамогу Жыгімонт дазволіў Канстанціну Астрожскаму пабудаваць у Вільні мураваныя праваслаўныя цэрквы – Нікольскую і Траецкую. Гэта не толькі ўскосна адмяніла папярэднюю Казіміраву забаронную грамату, але і замацавала за гетманам нефармальны статус галоўнага абаронцы праваслаўя ў ВКЛ [27, с. 139–140].

Акрамя набожнасці князя Астрожскага ў тэксце асабліва падкрэсліваецца вернасць гетмана свайму гаспадару – Жыгімонту Казіміравічу. Вобраз правіцеля ВКЛ у «Пахвале» статычны: ён не развіваецца ў дзеянні, пазбаўлены эмоцый і выконвае выключна прадстаўнічыя функцыі – яго асоба ўвасабляе вярхоўную ўладу і дзяржаву ў цэлым, аднак істотна на ход падзей не ўплывае. На «фонавую» сутнасць манарха ў творы паказвае даволі сціплы арсенал этыкетных эпітэтаў, ужытых у адносінах да Жыгімонта – «великаго», «славнаго» ці наўпрост «великославного» ўладара. Этыкетны характар маюць і згадкі пра «науку господарскую», якая разам з «Божею помочю» стала адным з фактараў перамогі пад Оршай: у адным месцы адзначаецца, што войска на чале з Канстанцінам Астрожскім «возма Бога на помоч и въоружени бывше господаря своего Жикгимонта короля наукою, смело дръзнуша и поидоша напротивку много множства людеи великого князя московского», у іншым жа ідзе гаворка пра тое, што гетман «напръвеи божею помочю и приказанем и наукою господаря своего, великого короля Жикгимонта, слушное исправленье воиска, братское любовъное съединение ласкаве злучил и поставил» [18, с. 125]. Падобнага кшталту фармулёўкі адносяцца да стандартных канцылярызмаў той эпохі [2, с. 744–746].

Узаемаадносіны вялікага князя і гетмана ў «Пахвале» цалкам адпавядаюць іх сацыяльным ролям у рэальнай феадальнай іерархіі: уладар аб'яўляе ваенны паход, збірае войска, прызначае гетмана, адорвае трыумфатараў і прымае на сябе гонар перамогі; у сваю чаргу палкаводзец рыхтуе войска, кіруе ім падчас бітвы і ў выніку поспеху падносіць свайму ўладару трафеі. Таму нельга пагадзіцца са сцвярджэннем В. І. Ульяноўскага, нібыта ў творы вобраз гетмана «змагаецца поспехам і славай» з вобразам Жыгімонта Казіміравіча [28, с. 49]. І хаця кожны з герояў займае ў творы сваё месца, усе іх дзеянні падпарадкаваны адной мэце: абароне Айчыны – адзінай і для каталіка Жыгімонта, і для праваслаўнага князя Астрожскага. Яшчэ ў самым пачатку твора адзначаецца, што Жыгімонт пачаў збіраць войска, «хотячи боронити своее очины, Литовское земли» [18, с. 125], а не дзеля адстойвання асабістых вялікакняжацкіх амбіцый. Панегірыст, умоўна звяртаючыся да Астрожскага, піша, што яго перамога пад Оршай уславіць дзяржаву ва ўсім свеце: «Мужства твоего крепость от востока до запада слышати будет; не токмо единому собе, але и всему княжеству Литовскому тую славу и высокость мужства вчинил еси» [18, с. 126]. У сувязі з гэтым нельга не ўзгадаць меркаванне М. С. Грушэўскага пра тое, што «гістарычная арыентацыя» помніка мае выключна палітычны характар і напісаны ён з пазіцый «літоўскага дзяржаўнага патрыятызму» [8, с. 208].

Пры гэтым трэба адрозніваць «гістарычнага» Канстанціна Астрожскага ад яго вобраза ў «Пахвале». Як адзначаў Д. С. Ліхачоў, характарызуючы своеасаблівасць сярэднявечнай канцэпцыі вобраза героя, у цэнтры ўвагі аўтара заўсёды быў менавіта чалавек, але не сам па сабе,

а ў якасці прадстаўніка пэўнага асяроддзя і пэўнай прыступкі ў лесвіцы феадальных адносін [29, с. 27]. У гэтым сэнсе ў «Пахвале» створаны ідэальны вобраз ваяра і абаронцы Айчыны, які павінен служыць прыкладам для наступных пакаленняў. Прынамсі менавіта ў такім ключы дэкларуецца галоўная – патрыятычна-выхаваўчая – мэта твора: «Дело и храбрость мужества доброго и смелого человека годно всим обьявляти, абы напотом иншии тому вчили и смелость мели как же и в нынешнее время случися нам видети того доброго а храброго воина, пореклом стратилата князя Костянтина Ивановича Острозского, навышшего гетмана литовского» [18, с. 125]. З пункту гледжання аўтара «Пахвалы», узорны ваяр у асобе Канстанціна Астрожскага павінен быць дабрадзейным і богабаязным, захоўваць вернасць свайму гаспадару, праслаўляць сваімі ўчынкамі Айчыну і валодаць вайсковымі кампетэнцыямі («справа и наука»).

Апошняя набывае выключную важнасць у кантэксце эпохі. Асобныя фрагменты помніка, у якіх усхваляюцца тактычныя і стратэгічныя здольнасці гетмана («слушное исправленье воиска, братское любовъное съединение ласкаве злучил и поставил» [18, с. 125], «зряжением воиска плъков и его смелого сердца и рукы сягненьем» [18, с. 126] і г. д.), адлюстроўваюць характэрнае для таго часу пераасэнсаванне сюжэтных функцый персанажаў героіка-патрыятычных твораў: палкаводзец больш не ўдзельнічае ў якасці звычайнага воіна – цяпер, у сувязі з маштабнымі зменамі ў самім працэсе вайсковай справы, ад яго патрабуюцца, як правіла, вопыт, а таксама веды ў тактыцы і стратэгіі [30, с. 146]. У панегірыку асабліва падкрэсліваецца, што менавіта «справою и наукою» падначаленыя гетмана «уподобилися есте своим мужством храбрым макидоняном» [18, с. 126]. У цэлым жа войска ВКЛ, якое самаахвярна ідзе ў бой «нащадячи сами себе», называецца ў тэксце не інакш, як «храбрые вдатные витязи», «вдатные и храбрые вои литовские и руские», «храбрыи рыцери» і нават параўноўваецца з рыцарамі вострава Родас, што доўгі час змагаліся супраць туркаў-асманаў: «Прировнани есте великым, храбрым рыцерем славнаго града Родоса, которыи их своим мужством многии замки христианьскии от поганьских рук впокоины чинят» [18, с. 126].

Пры гэтым у творы не назіраецца ніякіх намёкаў на расчалавечванне ворага. Увогуле ў гэтым плане аўтар гранічна нешматслоўны. Свае папрокі ён адрасуе толькі маскоўскаму ўладару Васілію III, але і яго вобраз не дэманізуецца. Даволі паказальна, што панегірыст нават не стаў уключаць у свой тэкст ніякіх параўнанняў такога кшталту з выкарыстанай ім для працы над «Пахвалой» літаратуры.

Завяршаецца ж твор аптымістычным эпілогам у выглядзе здравіцы каралю і вялікаму князю Жыгімонту Казіміравічу і яго гетману. Сярод іншага ў дадзеным фрагменце прысутнічае і пажаданне новых перамог – над татарамі: «Великославному господарю королю Жикгимонту Казимировичу буди честь и слава на векы, побдившему недруга своего великого князя Василиа московского, а гетману его, вдатному князю Костянтину Ивановичу Острозскому даи боже здоровье и щастье вперед лепшее как ныне; побил силу великую московскую, абы так побивал силную рать татарскую, проливаючи кров их бесурменьскую» [18, с. 127].

Высновы. У вядомым нам выглядзе тэкст «Пахвалы» быў створаны ў першай палове 1520-х гг. аўтарам праваслаўнага веравызнання, знаёмым з тагачаснай рэлігійнай і свецкай літаратурай. З дапамогай не заўсёды ўдала ўплеценых у тканіну твора гістарычных аналогій, біблейскіх цытат і перыфразаў ананімны панегірыст намагаўся паказаць значнасць бітвы пад Оршай і ўзвялічыць галоўнага творцу перамогі – князя Канстанціна Іванавіча Астрожскага, чыя гераічная асоба павінна была стаць прыкладам для наступных пакаленняў. Гіпербалізавана апісваючы свайго героя і згаданую падзею, аўтар адлюстраваў у асобе гетмана ідэальны вобраз абаронцы роднай зямлі, якому ўласцівы вернасць (Айчыне, народу і ўладару), богабаязнасць і дасведчанасць у вайсковай справе. Фактычна ў «Пахвале» знайшоў сваё тэкставае ўвасабленне нефармальны «рыцарскі» кодэкс гонару, што склаўся на фоне актуальнага для таго часу сацыяльна-палітычнага кантэксту.

Па сутнасці, «Пахвала» стала адным з першых помнікаў даўняга беларускага пісьменства, у якім выказаны патрыятычныя погляды прыватнай асобы праваслаўнага веравызнання ў іх агульнадзяржаўным значэнні, а не ў вузкім рэгіянальным ці этнаканфесіянальным. Інакш кажучы, для складальніка «Пахвалы» дзяржаўны патрыятызм з'яўляўся інварыянтнай катэгорыяй культуры.

Неабходна канстатаваць, што «Пахвала» з'яўляецца цэласным творам як у кампазіцыйным, так і ў ідэйна-зместавым плане. Пры гэтым помнік мае выразныя рысы воінскай аповесці, хаця цалкам і не належыць да гэтага жанру. Асаблівасці сюжэтнай структуры, вобразнай сістэмы і сродкаў мастацкай выразнасці яднаюць дадзены твор з лепшымі ўзорамі старажытнарускай літаратурнай героіка-эпічнай традыцыі.

Усё адзначанае вышэй надае дадатковую актуальнасць далейшаму вывучэнню «Пахвалы» і сведчыць пра яе высокую ідэйна-мастацкую вартасць і выключную эстэтычную каштоўнасць у корпусе твораў даўняй беларускай літаратуры.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1985. – 261 с.
2. Кананович, У. І. «Пахвала князя Канстанціна Астрожскага» як крыніца для вывучэння ідэнтычнасці праваслаўнай эліты ВКЛ пачатку XVI стагоддзя / У. І. Кананович // Arche. – 2014. – № 12 (133). – С. 736–752.
3. Siemianczuk, A. Latopisy o bitwe pod Orszą / A. Siemianczuk // Mówią Wieki. – 2014. – № 9. – S. 68–73.
4. Гаранін, С. Л. Позняе Сярэднявечча / С. Л. Гаранін, В. А. Чамярыцкі // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. – Мінск, 2006. – Т. 1: Даўняя літаратура, XI – першая палова XVIII стагоддзя. – С. 149–221.
5. Ластоўскі, В. Ю. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя / В. Ю. Ластоўскі. – Коўна: Друк. Сакалоўскага і Лана, 1926. – 776 с.
6. Саверчанка, І. В. Жанравая шматстайнасць старабеларускай прозы X–XVIII стст.: праблемы атрыбуцыі і класіфікацыі / І. В. Саверчанка // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / под науч. ред. В. Ю. Боровко, О. В. Лапатинской; сост.: В. Ю. Боровко [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 233–237.
7. Чамярыцкі, В. А. Валынскі кароткі летапіс / В. А. Чамярыцкі // Вялікае Княства Літоўскае: ВКЛ: энцыклапедыя: у 3 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 1: А-К. – С. 385.
8. Грушевський, М. С. Історія української літератури: в 6 т., 9 кн. / М. С. Грушевський. – Київ: Либідь, 1993–1996. – Т. 5, кн. 1: Культурні і літературні течії на Україні в XV–XVI вв. і перше відродження (1580–1610 рр.) / упоряд. і прим. С. К. Росовецький. – 1995. – 255 с.
9. Русина, Е. В. Волынская краткая летопись: состав и проблема авторства / Е. В. Русина // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2018. – Вып. 11. – С. 154–172.
10. Русина, О. В. «Сказання про перемогу князя Костянтина Острозького під Оршею»: структура та джерела / О. В. Русина // Український історичний журнал. – 2016. – № 1. – С. 133–149.
11. Данилевский, И. Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов: Повесть временных лет / И. Н. Данилевский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. – 438 с.
12. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси: изд. при Упр. Вилен. учеб. округа. – Вильна: Печатня О. Блюмовича, 1870. – Т. 9. – X, 486 с.
13. Владимиров, П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. / П. В. Владимиров // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. – Киев, 1890. – Кн. 4. – С. 102–139.
14. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи / подгот. и изд. М. А. Оболенским. – М.: Синод. тип., 1836. – XXIV, 172, 32 с.
15. Новикова, О. Л. К истории изучения Супрасльского летописного сборника в первой трети XIX в. / О. Л. Новикова // Труды Отдела древнерусской литературы: [в 71 т.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – СПб., 1996. – Т. 50. – С. 384–386.
16. Тиховский, Ю. И. Так называемая «Краткая киевская летопись» / Ю. И. Тиховский // Киевская старина. – 1893. – Т. 42. – С. 364–374.
17. Арнаутов, В. А. «Киевская» летопись Супрасльского сборника: к вопросу о смоленском летописании / В. А. Арнаутов // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1909. – Т. 14, кн. 3. – С. 1–34.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1980. – 306 с.
19. Александрия: роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / подгот.: М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. – Л.; М.: Наука, 1965. – 269 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 6, вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – VIII, 581 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – XI, 692 с.
22. Анталогія даўняй беларускай літаратуры, XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ.; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 1015 с.
23. Сушицькій, Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II / Т. П. Сушицькій // Праці з історії письменства давньої України. – Київ, 1929. – Т. 1. – С. 137–404.

24. Выголексинский сборник: [древнерус. текст] / подгот.: В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко; под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1977. – 648 с.

25. Чамярыцкі, В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры: узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў / В. А. Чамярыцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 191 с.

26. Трофимова, Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования / Н. В. Трофимова. – М.: МПГУ, 2017. – 275 с.

27. Ярушевич, А. В. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время / А. В. Ярушевич. – Смоленск: Типолит. С. Гуревич, 1896. – 250 с.

28. Ульяновський, В. І. «Славний для всіх часів чоловік»: князь Костянтин Іванович Острозький / В. І. Ульяновський. – Острог: Остроз. акад., 2009. – 168 с. – (Серія «Видатні постаті Острогіани»; вип. 2).

29. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 186 с.

30. Мелихов, М. В. «Мечом и глаголом»: героическая традиция в русской литературе XII–XVII вв. / М. В. Мелихов. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2018. – 320 с.

References

1. Ulashchik N. N. *Introduction to the study of the Belarusian-Lithuanian chronicles*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 261 p. (in Russian).

2. Kananovich U. I. «Praise to Prince Konstantin Ostrozhsky» as a source for the study of the identity of the Orthodox elite of the Grand Duchy of Lithuania at the beginning of the 16th century. *Arche,* 2014, no. 12 (133), pp. 736–752 (in Belarusian).

3. Siemianczuk A. Latopisy o bitwe pod Orszą. *Mówią Wieki*, 2014, no. 9, pp. 68–73 (in Polish).

4. Garanin S. L., Chamyarytski V. A. Late Middle Ages. *History of the Belarusian literature of the 11th – 19th centuries. Vol. 1. Old literature: the 11th – the first part of the 18th century*. Minsk, 2006, pp. 149–221 (in Belarusian).

5. Lastouski V. Yu. *History of Belarusan (Creeve) book. An attempt of explanational description from the end of 10th to the beginning of 19th century*. Kovno, Sakalouski and Lan Publ., 1926. 776 p. (in Belarusian).

6. Saverchanka I. V. Genre diversity of Old Belarusian prose of the 10th–18th: problems of attribution and classification. *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoi literatury: sbornik nauchnykh statei* [Axiological range of fiction: a collection of scientific articles]. Vitebsk, 2017, pp. 233–237 (in Belarusian).

7. Chamyarytski V. A. Volynian short Chronicle. *Grand Duchy of Lithuania: encyclopedia. Vol. 1.* 2nd ed. Minsk, 2007, p. 385 (in Belarusian).

8. Grushevs'kii M. S. *History of Ukrainian literature. Vol. 5, part 1. Cultural and literary trends in Ukraine in the 15th–16th centuries and the first revival (1580–1610)*. Kyiv, Lybid' Publ., 1995. 255 p. (in Ukrainian).

9. Rusina E. V. The shorter Volhynian chronicle: the contents and problem of authorship. *Studia Historica Europae Orientalis.* Minsk, 2018, iss. 11, pp. 154–172 (in Russian).

10. Rusina O. V. «Tale about the victory of Prince Konstantin Ostrozhsky near Orsha»: structure and sources. *Ukraïns'kii istorichnii zhurnal = Ukrainian Historical Journal*, 2016, no. 1, pp. 133–149 (in Ukrainian).

11. Danilevskii I. N. *Hermeneutical foundations of the study of the annalistic texts. The Tale of Bygone Years*. 2nd ed. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2019. 438 p. (in Russian).

12. *The archaeographic collection of documents related to the history of North-Western Russia. Vol. 9.* Vilno, O. Blumovich Publ., 1870. X, 486 p. (in Russian).

13. Vladimirov P. V. Review of South Russian and Western Russian written works from the 11th to the 17th centuries. *Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler*. Kiev, 1890, bk. 4, pp. 102–139 (in Russian).

14. Obolenskii M. A. (prepared). *Suprasl manuscript containing Novgorod and Kiev abbreviated chronicles*. Moscow, Synodal printing house, 1836. XXIV, 172, 32 p. (in Russian).

15. Novikova O. L. On the history of studying the Suprasl chronicle collection in the first third of the 19th century. *Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 50*. St. Petersburg, 1996, pp. 384–386 (in Russian).

16. Tikhovskii Yu. I. So-called «Short Kievan Chronicle». *Kievskaya starina* [Kievan Antiquity], 1893, vol. 42, pp. 364–374 (in Russian).

17. Arnautov V. A. «Kievan» chronicle of Suprasl collection: to the question of the Smolensk chronicles. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], 1910, vol. 14, bk. 3, pp. 1–34 (in Russian).

18. *Complete collection of Russian chronicles. Vol. 35. Belarusian-Lithuanian chronicles*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 306 p. (in Russian).

19. Botvinnik M. N., Lur'e Ya. S., Tvorogov O. V. (comp.). *Alexandria: a novel about Alexander the Great based on a Russian manuscript of the 15th century*. Leningrad, Moscow, Nauka Publ., 1965. 269 p. (in Russian).

20. *Complete collection of Russian chronicles. Vol. 6, part 1. Sofia chronicle of the older recensions.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, VIII. 581 p. (in Russian).

21. *Complete collection of Russian chronicles. Vol. 3. Novgorod chronicle of senior and junior recensions.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, XI, 692 p. (in Russian).

22. Chamyarytski V. A. (ed.). *Anthology of Old Belarusian literature: 11th – first half of 18th century*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2003. 1015 p. (in Belarusian).

23. *Sushits'kii T. P.* Western Russian chronicles as works of literature. Part II. *Works on the history of writing in Old Ukraine. Vol. 1.* Kyiv, 1929, pp. 137–404 (in Ukrainian).

24. Kotkov S. I. (ed). *Vygoleksin collection*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 648 p. (in Russian).

25. Chamyarytski V. A. *Belarusian chronicles as works of literature: genesis and literary history of the first chronicles*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1969. 191 p. (in Belarusian).

26. Trofimova N. V. *Poetics of Old Russian military tales*. Moscow, Moscow Pedagogical State University, 2017. 275 p. (in Russian).

27. Yarushevich A. V. *Zealot of Orthodoxy, Prince Konstantin Ivanovich Ostrozhsky (1461–1530) and Orthodox Lithuanian Rus in his time*. Smolensk, S. Gurevich Publ., 1896. 250 p. (in Russian).

28. Ul'yanovs'kii V. I. «*Glorious man for all time»: Prince Konstantin Ivanovich Ostrozhsky*. Ostroh, Ostroh Academy, 2009. 168 p. (in Ukrainian).

29. Likhachev D. S. *Human in the literature of Old Rus'*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences USSR, 1958. 186 p. (in Russian).

30. Melikhov M. V. *«By sword and verb». Heroic tradition in Russian literature of the 12th–17th centuries*. Moscow, St. Petersburg, Center for humanitarian initiatives, 2018. 320 p. (in Russian).

Информация об авторе

Метелица Кирилл Игоревич – аспирант. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kmiatsel@gmail.com

Information about the author

Kiryl I. Miatselitsa – Postgraduate student. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: kmiatsel@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 347.77
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-142-150

Поступила в редакцию 02.08.2024
Received 02.08.2024

Н. Ф. Павлова, Н. Г. Луганская, А. Н. Гавриш

Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, Минск, Беларусь

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. В статье указаны основные направления совершенствования правового регулирования государственной научной и государственной научно-технической экспертиз. Рассмотрена необходимость закрепления на уровне законодательства механизма привлечения в рабочее время высококвалифицированных специалистов для осуществления ими полномочий членов государственных экспертных советов, а также явки по приглашению в качестве эксперта, участия в заседаниях секции или бюро экспертных советов. Приведено обоснование того, что деятельность по обеспечению проведения государственной экспертизы для всех лиц, привлекаемых к данным мероприятиям, является неотъемлемой государственной обязанностью. Рассмотрена необходимость принятия Кодекса профессиональной этики экспертов в сфере государственной научной и государственной научно-технической экспертиз, раскрыты основные принципы и правила профессионального поведения государственного эксперта, внимание эксперта акцентировано на необходимости предоставления достоверных, полных и обоснованных экспертных заключений, добросовестное исполнение своих профессиональных обязанностей, принятия всех необходимых мер для своевременного и качественного рассмотрения материалов экспертизы.

Ключевые слова: государственная научная и государственная научно-техническая экспертиза, эксперт, кодекс профессиональной этики эксперта

Для цитирования: Павлова, Н. Ф. Направления совершенствования правового регулирования государственной научной и государственной научно-технической экспертиз / Н. Ф. Павлова, Н. Г. Луганская, А. Н. Гавриш // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 142–150. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-142-150

Natallia F. Pavlova, Nadejda G. Luganskaya, Aleksandr N. Gavrish

Belarusian Institute of System Analysis and Information Support of Scientific and Technical Sphere, Minsk, Belarus

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF STATE SCIENTIFIC AND STATE SCIENTIFIC AND TECHNICAL EXPERTISE

Abstract. The article specifies the main directions for improving the legal regulation of state scientific and state scientific and technical expertise. The need to consolidate at the legislative level the mechanism for attracting highly qualified specialists during working hours to exercise their powers as members of state expert councils, as well as to appear upon invitation as an expert, participate in meetings of the section or bureau of expert councils is considered. The rationale is given for the fact that the activity to ensure the conduct of state expertise for all persons involved in these events is an integral state responsibility. The need to adopt the Code of Professional Ethics of Experts in the Sphere of State Scientific and State Scientific and Technical Expertise is considered, the basic principles and rules of professional conduct of a state expert are disclosed, the expert's attention is focused on the need to provide reliable, complete and substantiated expert opinions, conscientious fulfillment of their professional duties, taking all necessary measures for timely and high-quality consideration of the examination materials.

Keywords: state scientific and state scientific and technical expertise, expert, code of professional ethics of an expert

© Павлова Н. Ф., Луганская Н. Г., Гавриш А. Н., 2025

For citation: Pavlova N. F., Luganskaya N. G., Gavrish A. N. Directions for improving the legal regulation of state scientific and state scientific and technical expertise. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 2, pp. 142–150 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-142-150

Введение. Наблюдаемая в последние годы геополитическая нестабильность и международные ограничения, сдерживающие международный трансфер в республику технологий, оборудования, услуг, программного обеспечения, создают, с одной стороны, риски для развития экономики, а с другой – открывают новые возможности для эффективного развития и использования отечественных разработок.

Проводимые в стране научные исследования являются основой для создания новых технологий и продуктов, которые могут стать ключевыми элементами не только экономического развития страны, но и будут направлены на обеспечение технологической безопасности.

Наука является ядром технологического суверенитета, а ее эффективное использование на благо государства требует совершенствования системы государственного управления научно-техническим развитием, в том числе нормативно-правового обеспечения проведения государственной научной и государственной научно-технической экспертиз (далее – государственная экспертиза) как ключевого инструмента регулирования целевого расходования бюджетных средств, выделяемых на поддержку научных исследований.

Основная часть. Эффективность управления научно-техническим развитием, темпы экономического роста во многом определяются качеством государственной экспертизы. Государственная экспертиза позволяет сформировать конкурентоспособные на мировом рынке материалы и технологии в связи с тем, что на всех этапах проекта – от конкурсного отбора до окончания работ по проекту – экспертиза позволяет отобрать наиболее перспективные проекты, оценить объемы работ по проекту и риски его невыполнения, к которым могут относиться некомпетентность исполнителей, недостаточная материально-техническая база организации – исполнителя работ, отсутствие сырья или материалов, риски загрязнения окружающей среды или нанесения вреда здоровью человека проведением работ по проекту, недостижимость заявленных характеристик конечного продукта и др.

Ежегодно государственную экспертизу проходят более 1000 объектов экспертизы (в 2022 г. – 1196, в 2023 г. – 1158), из них около 13 % государственные экспертные советы (далее – ГЭС) в связи с отсутствием новизны и актуальности предлагаемых технических решений не рекомендуют к финансированию за счет средств республиканского бюджета. От 70 до 100 объектов экспертизы ежегодно возвращаются государственным заказчикам без рассмотрения на заседаниях ГЭС в связи с получением отрицательных заключений всех экспертов, привлекаемых к проведению государственной экспертизы.

В настоящее время законодательной основой проведения в Республике Беларусь государственной экспертизы являются Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-XII «Об основах государственной научно-технической политики» (ст. 13), Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII «О научной деятельности» (ст. 5^3), Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» (ст. 24). Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2015 г. № 431 утверждено Положение о порядке функционирования единой системы государственной научной и государственной научно-технической экспертиз (далее – Положение о государственной экспертизе).

Несмотря на наличие указанных нормативных правовых актов, многие принципиальные вопросы, связанные с организацией и проведением государственной экспертизы, до настоящего времени остаются нерешенными.

В частности, законодательством не урегулирован ряд правовых аспектов, связанных с привлечением в рабочее время высококвалифицированных специалистов для осуществления ими полномочий членов ГЭС, действующих в рамках единой системы государственной научной и госу-

дарственной научно-технической экспертиз (далее – единая система государственных экспертиз), а также явкой по приглашению в качестве эксперта, участием в заседаниях секции или бюро экспертных советов.

В Республике Беларусь государственная экспертиза осуществляется в 12 ГЭС, созданных государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь по приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности в составе 23 научных и 14 научно-технических секций.

Членами ГЭС являются высококвалифицированные специалисты из научных организаций различной ведомственной принадлежности и учреждений высшего образования. Общая численность 12 ГЭС составляет 480 человек.

Ежегодно Национальный оператор экспертиз – Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы организовывает заседания ГЭС как в очном формате, так и дистанционно. Только в 2023 г. таких заседаний было проведено 753, что на 41 заседание ГЭС больше, чем в 2022 г. В первом полугодии 2024 г. уже проведено 300 заседаний, из них 133 заседания бюро и 167 заседаний секций.

Независимо от формы проведения заседания члены ГЭС должны не только предварительно ознакомиться с материалами по проекту, но и лично высказать свою позицию по объекту экспертизы на заседании секции или бюро, которые проходят, как правило, в рабочее время.

Согласно ст. 101 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), на время выполнения государственных или общественных обязанностей, если в соответствии с законодательством эти обязанности могут осуществляться в рабочее время, работникам гарантируется сохранение места работы, должности служащего (профессии рабочего) и среднего заработка за счет соответствующих государственных или иных органов и организаций.

В части третьей ст. 101 ТК предусмотрен перечень государственных или общественных обязанностей, выполнение которых в рабочее время влечет сохранение среднего заработка. Данный перечень не является исчерпывающим. В пункте 9 части третьей указанной статьи предусмотрено, что сохранение среднего заработка за работником осуществляется при выполнении работником других государственных или общественных обязанностей в случаях, предусмотренных законодательством.

Проблема привлечения в рабочее время высококвалифицированных специалистов для осуществления ими полномочий членов ГЭС, а также явки по приглашению в качестве эксперта, участия в заседаниях секции или бюро экспертных советов весьма актуальна в свете приоритетов долгосрочного развития науки и технологий, определенных Стратегией «Наука и технологии: 2018–2040», подготовленной во исполнение поручений Главы государства и утвержденной Постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси от 26 февраля 2018 г. № 17 (далее – Стратегия).

Согласно Стратегии, «на повестке дня – вопрос определения долгосрочного концептуального видения развития страны на основе преимущественно интеллектуального фактора. Беларусь должна войти в состав мировых лидеров по перспективным направлениям научно-технологического развития, включая интеллектуальные технологии, умные материалы, машины и их системы для реального сектора и социокультурной сферы, а также разработки межотраслевого характера, основанные на применении нано-, био-, космических и IT-технологий. В Беларуси должен опережающими темпами развиваться высокотехнологичный сектор. Это позволит обеспечить конкурентные преимущества страны в глобальной экономике, устойчивый приток инвестиций и спрос на белорусские наукоемкие товары и услуги, стабильность развития народнохозяйственного комплекса и процветание общества».

Указом Президента Республики Беларусь от 27 мая 2019 г. № 197 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности» установлено, что единая система государственной научной и государственной научно-технической экспертиз представляет собой совокупность административно-управленческих мер и организационно-технических средств, форм и методов организации и проведения указанных экспертиз (в том числе ведомственной научно-технической экспертизы), необходимых для:

анализа и оценки возможных социальных, экономических и экологических последствий, потенциального экономического и (или) социального эффекта от реализации мероприятий (заданий, проектов, планов, работ, услуг) в сферах научной, научно-технической и инновационной деятельности, финансируемых полностью или частично за счет государственных средств;

принятия государственными органами решений, связанных с научной, научно-технической и инновационной деятельностью.

Нормы вышеназванных правовых актов подтверждают то, что привлекаемые к организации и проведению государственных экспертиз в рабочее время ученые и специалисты выполняют важные государственные обязанности.

Для повышения качества экспертизы предлагаем деятельность физических лиц по обеспечению проведения государственной экспертизы определить в качестве государственной обязанности и закрепить за ними соответствующие государственные гарантии, в том числе сохранение места работы, должности служащего (профессии рабочего) и среднего заработка за счет средств нанимателей.

Веским обоснованием того, что деятельность по обеспечению проведения государственной экспертизы для всех лиц, привлекаемых к данным мероприятиям, является неотъемлемой государственной обязанностью, служат следующие аргументы:

содействие государственному контролю за эффективным и рациональным использованием научными и иными организациями средств республиканского и местных бюджетов. Основными целями проведения государственной экспертизы являются анализ и оценка возможных социальных, экономических и экологических последствий, потенциального экономического и (или) социального эффекта от реализации этих проектов с подготовкой заключений о целесообразности их выполнения и финансирования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов;

охрана общественных интересов. Государственная экспертиза позволяет защитить общественные интересы, связанные с безопасностью, здоровьем, окружающей средой и другими областями, в которых проводятся научные исследования и разработки. Государство несет ответственность за поддержание высокого уровня качества и безопасности научных исследований, а также за их соответствие государственным нормам и стандартам;

защита прав и интересов граждан. Государственная экспертиза обеспечивает независимую оценку научных исследований и разработок, позволяя гражданам получать достоверную информацию и принимать информированные решения;

регулирование научных исследований. Государственная экспертиза играет важную роль в регулировании и контроле научных исследований. Она позволяет государству оценить потенциальные риски и пользу от проведения исследований в различных сферах, таких как медицина, пищевая промышленность, энергетика и других. Это помогает предотвратить возможные негативные последствия и принимать обоснованные решения на уровне государства с использованием инструмента обеспечения эффективного и целевого использования бюджетных средств – государственной экспертизы;

развитие науки, технологий и инноваций. Государственная экспертиза стимулирует развитие науки, технологий и инноваций, создавая условия для привлечения финансирования и инвестиций, а также обеспечивая репутацию и доверие к научному сообществу. Государственная экспертиза помогает обнаружить и поддержать перспективные исследования, способствуя прогрессу и достижению научных и технологических прорывов;

международное сотрудничество и стандарты. В современном мире научные исследования и разработки часто ведутся в рамках международных проектов или требуют соблюдения стандартов, признанных в других странах. Государственная экспертиза гарантирует, что научные исследования соответствуют национальным и международным требованиям.

Одним из путей решения проблемы правового регулирования выполнения государственной обязанности высококвалифицированными специалистами, привлекаемыми в рабочее время для осуществления ими полномочий членов ГЭС, а также явки по приглашению в качестве эксперта, участия в заседаниях секции или бюро экспертных советов в случаях, порядке и на условиях, предусмотренных законодательством, авторы видят в разработке и принятии проекта

Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам государственной научной и государственной научно-технической экспертиз» (далее – проект Закона).

Как было отмечено выше, пунктом 9 части третьей ст. 101 ТК предусмотрено, что сохранение среднего заработка за работником осуществляется при выполнении работником других государственных или общественных обязанностей в случаях, предусмотренных законодательством.

В этой связи предлагается в проекте Закона предусмотреть закрепление соответствующих норм в ст. 13 Закона Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики», ст. 5^3 Закона Республики Беларусь «О научной деятельности» и ст. 24 Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь».

В процессе рассмотрения данного вопроса авторами изучены акты законодательства, предоставляющие государственные гарантии работникам при выполнении других государственных или общественных обязанностей.

Так, например, согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. № 144-З «О переписи населения», для лиц, входящих в состав временного переписного персонала, деятельность по подготовке и проведению переписи населения является государственной обязанностью. Кроме того, указанным выше лицам установлены соответствующие государственные гарантии, в том числе освобождение от работы (учебы) на период участия в подготовке и проведении переписи населения с сохранением места работы (должности, места учебы) и среднего заработка (стипендии) по месту работы (месту учебы) за счет средств нанимателей (учреждений образования).

Таким образом, Законом Республики Беларусь «О переписи населения» конкретизируется субъект трудовых правоотношений, обеспечивающий гарантии сохранения заработка и места работы (наниматель). Аналогичное положение предлагается закрепить в проекте Закона в целях безусловного обеспечения гарантий работников во время выполнения ими государственных обязанностей в рамках функционирования единой системы государственных экспертиз.

Кроме того, анализ законодательства показал, что, например, ст. 7 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-XII «О воинской обязанности и воинской службе» установлены гарантии и компенсации гражданам, выполняющим обязанности по обеспечению исполнения гражданами воинской обязанности.

Гражданам, выполняющим обязанности по обеспечению исполнения гражданами воинской обязанности, за время участия в соответствующих мероприятиях по месту их работы выплачивается средний заработок, возмещаются расходы, связанные с наймом жилого помещения, оплатой проезда в другую местность и обратно, командировочные расходы, а также предоставляются гарантии и компенсации, установленные законодательством о труде и иными законодательными актами.

Таким образом, рассмотренные примеры указывают на то, что в случае заинтересованности государства на уровне законодательства тот или иной вид деятельности граждан может быть определен как государственная обязанность и им могут быть предоставлены соответствующие государственные гарантии. При этом данный вопрос решается не путем корректировки ст. 101 ТК, а через установление конкретных норм в основном законе, регламентирующем соответствующую сферу правоотношений.

В случае принятия Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам государственной научной и государственной научно-технической экспертиз» будет:

обеспечено правовое регулирование общественных отношений, связанных с привлечением в рабочее время высококвалифицированных специалистов для организации и проведения государственных экспертиз;

предотвращена кризисная ситуация, связанная с возможным прекращением функционирования единой системы государственных экспертиз в случае непринятия оперативных мер по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере;

обеспечено повышение качества и оперативности проведения государственной научной и государственной научно-технической экспертиз, предусмотренное главой 4 «Развитие нацио-

нальной инновационной системы» Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348.

Более оперативное решение, с точки зрения сроков нормотворческого процесса, правового регулирования важнейшей государственной обязанности, конечным результатом выполнения которой является в том числе значительная экономия бюджетных средств, авторы видят в корректировке Положения о государственной экспертизе.

Во-первых, потребуется корректировка определений терминов «государственный экспертный совет», «эксперт» с дополнением их в соответствии с пунктом 9 части третьей ст. 101 ТК важным элементом деятельности ученых и специалистов, выполняющих в рабочее время государственные обязанности по организации и проведению государственной экспертизы (исследований).

Во-вторых, с целью конкретизации механизма обеспечения функционирования единой системы государственных экспертиз авторы предлагают дополнить пункт 2 Положения о государственной экспертизе частями второй и третьей следующего содержания:

«ГКНТ является республиканским органом государственного управления, возглавляющим единую систему государственных экспертиз и обеспечивающим, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 27 мая 2019 г. № 197 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности», ее функционирование, организацию и проведение государственной экспертизы.

Организация и проведение государственной экспертизы обеспечиваются ГКНТ путем привлечения в рабочее время в установленном настоящим Положением порядке членов экспертных советов и экспертов к выполнению государственных обязанностей, указанных в абзацах третьем, четвертом части первой настоящего пункта».

В-третьих, название главы 5 и пункта 29 Положения о государственной экспертизе предлагается изложить в следующей редакции:

«ГЛАВА 5
ГАРАНТИИ РАБОТНИКАМ, ЯВЛЯЮЩИМСЯ ЧЛЕНАМИ ЭКСПЕРТНЫХ СОВЕТОВ И ЭКСПЕРТАМИ. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ ЭКСПЕРТНЫХ СОВЕТОВ, ЭКСПЕРТОВ И ЗАКАЗЧИКОВ

29. На время выполнения в рабочее время государственных обязанностей, указанных в абзацах третьем, четвертом части первой пункта 2 настоящего Положения, работникам, являющимся членами экспертных советов и экспертами, гарантируется сохранение места работы, должности служащего (профессии рабочего) и среднего заработка по месту работы за счет средств нанимателей.

Эксперт (член экспертного совета), наделенный в порядке, установленном ГКНТ, полномочиями на проведение экспертизы, имеет право получать вознаграждение за выполненную им работу, не входящую в круг его прямых служебных обязанностей».

Редакция части второй пункта 29 предлагается по аналогии с нормами Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (часть первая, абзац девятый части второй ст. 70 «Эксперт»), Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (пункт 6 части 3 ст. 4.7 «Эксперт»), Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (пункт 9 части 2 ст. 61 «Эксперт»), Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (пункт 8 части первой ст. 97 «Права эксперта»), принятыми в отношении экспертов.

Необходимо отметить, что непринятие оперативных мер по совершенствованию законодательства может нанести существенный ущерб государственной экспертизе, вплоть до прекращения ее функционирования, если будут отсутствовать государственные гарантии, связанные с привлечением в рабочее время ученых и специалистов к обеспечению проведения государственной экспертизы.

Как было отмечено выше, ключевая роль в реализации государственной экспертизы принадлежит экспертам, в качестве которых привлекаются специалисты из числа профессорско-преподавательского состава и научных работников учреждений высшего образования, научно-исследовательских организаций, государственных органов, а также иные лица.

В 2019 г. в Республике Беларусь была создана база экспертов, в которую включено более 3000 квалифицированных специалистов с ученой степенью кандидата/доктора наук, а также специалисты без ученой степени, которые обеспечивают проведение экспертизы проектов по всем приоритетным направлениям научно-технического и инновационного развития республики.

В ходе проведения экспертизы эксперт высказывает письменное мнение (экспертное заключение) по рассматриваемому объекту, содержащее факты, обеспечивающие точность и объективность экспертной оценки и исключающее ошибки и неправомерные выводы [1].

Выводы эксперта должны удовлетворять следующим требованиям:

быть научно обоснованными, т. е. основываться на неоспоримых фактах, соответствовать научно признанным методам и стандартам в данной области;

не являться противоречивыми, т. е. один вывод не должен противоречить другому;

быть понятными, т. е. сформулированными на понятном языке, который не вызывает двусмысленности или недопонимания у исполнителей заданий и членов ГЭС;

быть объективными, т. е. независимыми от позиции заказчика экспертизы или организации-исполнителя.

Поскольку выводы эксперта влияют на решение ГЭС, заключение эксперта должно быть корректным и обоснованным. В связи с этим очень важно, чтобы к процессу экспертизы привлекались специалисты, которые соответствуют самым высоким требованиям компетентности в определенной отрасли научного знания, обладали опытом практической деятельности в конкретной сфере, а также соответствовали требованиям профессиональной этики [2].

Назрела необходимость в разработке Кодекса профессиональной этики экспертов в сфере государственной научной и государственной научно-технической экспертиз (далее – Кодекс) как совокупности морально-этических принципов, норм и правил нравственного и профессионального поведения, обязательных к соблюдению экспертами, привлекаемыми для проведения государственной экспертизы. Кодекс должен установить требования к эксперту для формирования положительного общественного мнения о нем как о представителе профессионального сообщества экспертов, укрепить авторитет государственной экспертизы и повысить доверие научного сообщества к ее результатам.

В научных публикациях в последние годы широко обсуждаются проблемы этики судебного эксперта, экспертов в сфере государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, экспертов по оценке и сертификации квалификаций и др. Независимо от сферы деятельности в свод этических правил поведения экспертов включены такие качества, как объективность исследований, независимость выводов, принципиальность, неразглашение тайны предварительного расследования, неподкупность, вежливость и корректность поведения, инициативность, ответственное отношение к своим профессиональным обязанностям. Обсуждаются и моральные качества эксперта, такие как воля и целеустремленность, честность и добросовестность, терпеливость, коммуникабельность и вежливое отношение к коллегам [3; 4].

В предлагаемом для разработки Кодексе необходимо вышесказанные и другие морально-этические качества эксперта зафиксировать и утвердить.

Полагаем, Кодекс должен состоять из следующих глав.

Глава «Общие положения», которая включает предмет регулирования (даются определение Кодекса и цель его разработки), сферу применения (пределы распространения действия Кодекса – на всех экспертов и членов ГЭС, привлекаемых к государственной экспертизе).

Глава «Основные принципы и правила профессионального поведения государственного эксперта», которая включает следующие статьи:

1) *принцип объективности и независимости* (независимость государственного эксперта является основополагающим принципом: при принятии решения он должен быть свободным

от приверженности одной из сторон, от влияния общественного мнения, от опасений перед критикой его деятельности; эксперт дает заключение на основе проведенных исследований в соответствии со своим внутренним убеждением; эксперт должен отказаться от проведения экспертизы в случае возможности возникновения конфликта интересов; он должен избегать ситуаций, когда личные взаимоотношения с участниками процесса могут вызвать обоснованные подозрения о каких-либо предпочтениях и предвзятом отношении и т. д.);

2) *принцип недопустимости корыстных действий* (эксперт не должен преследовать в своей профессиональной деятельности личных, а тем более корыстных интересов; не может давать обещаний, которые расходились бы с обязанностями эксперта, не допускать влияния на принятие решения кого бы то ни было, в том числе своих родственников, друзей или знакомых; не допускать плагиата, фальсификации и фабрикации данных и др.);

3) *принцип профессиональной компетенции* (эксперт обязан поддерживать необходимый уровень своей профессиональной компетентности, систематически изучать передовой отечественный и зарубежный опыт; отказываться от проведения экспертизы работ, тематика которых выходит за пределы его профессиональной компетентности или не соответствует области его компетенции; эксперт должен быть вежливым, терпеливым в отношении участников экспертизы и т. д.);

4) *принцип конфиденциальности* (эксперт не должен использовать ставшую ему известной в ходе исполнения обязанностей конфиденциальную информацию и сведения заказчика экспертизы для своих интересов, интересов третьей стороны; эксперт должен исключить доступ третьей стороны к объектам, предоставленным в его распоряжение для проведения государственной экспертизы).

В главе «Ответственность государственного эксперта» внимание эксперта будет акцентировано на необходимости предоставления достоверных, полных и обоснованных экспертных заключений, добросовестном исполнении своих профессиональных обязанностей, принятии всех необходимых мер для своевременного и качественного рассмотрения материалов экспертизы, а также на том, что эксперты, нарушившие порядок проведения государственной экспертизы, не привлекаются в дальнейшем к ее проведению и несут ответственность в соответствии с актами законодательства.

В главе «Заключительные положения» будет отмечено, что Кодекс как свод морально-этических требований – един для всех экспертов и членов ГЭС, задействованных в процессе государственной экспертизы, независимо от того, в каком ведомстве и какой организации они работают. Эксперт, приглашенный для проведения государственной экспертизы, обязан ознакомиться с положениями Кодекса и соблюдать их в процессе своей деятельности.

Разработка новых отечественных технологий и товаров, содействующих формированию технологического суверенитета, повышению конкурентоспособности нашей страны на мировых рынках, может быть обеспечена только компетентной и независимой государственной экспертизой, осуществляемой на началах объективности и беспристрастности. Такая государственная экспертиза предполагает соблюдение каждым экспертом правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, что может быть обеспечено практическим использованием положений Кодекса. Такие основополагающие понятия, как «честность», «беспристрастность», «профессионализм» имеют одинаковое значение для всех и всеми должны пониматься одинаково.

Заключение. Полагаем, что решение проблем, связанных с пробелами в законодательстве в части правового регулирования механизма привлечения работников к такому виду научной деятельности, как организация и проведение государственных экспертиз, путем совершенствования нормативных правовых актов, а также принятие Кодекса профессиональной этики экспертов в сфере государственной научной и государственной научно-технической экспертиз будут способствовать эффективному функционированию единой системы государственных экспертиз с возможностью привлечения высококвалифицированных специалистов к данному виду деятельности в рабочее время.

Список использованных источников

1. Николаев, А. В. Выводы эксперта и их отражение в заключении эксперта / А. В. Николаев, А. А. Арзуманян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 12 (163). – С. 121–124.

2. Сергеев, М. В. Актуальные вопросы экспертизы в научно-технической сфере / М. В. Сергеев // Инноватика и экспертиза. – 2023. – Вып. 2 (36). – С. 36–51.

3. Микляева, О. В. Этический кодекс судебного эксперта: формальность или требование современного общества / О. В. Микляева // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 2 (34). – С. 152–155.

4. Аминев, Ф. Г. Кодекс этики судебного эксперта Российской Федерации – назревшая необходимость / Ф. Г. Аминев // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 11–14. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-11-14

References

1. Nikolaev A. V., Arzumanyan A. A. Expert's conclusions and their reflection in the expert conclusion document. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], 2023, no. 12 (163), pp. 121–124 (in Russian).

2. Sergeev M. V. Current issues of examination in the scientific and technological field. *Innovatika i ekspertiza = Innovatics and Expert Examination*, 2023, iss. 2 (36), pp. 36–51 (in Russian).

3. Miklyaeva O. V. Forensic sciences code of ethics and conduct: a mere formality or imperative of the modern society. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2014, no. 2 (34), pp. 152–155 (in Russian).

4. Aminev F. G. The code of ethics of the judicial expert of the Russian Federation is an urgent need. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2023, no. 2, pp. 11–14 (in Russian). https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-11-14

Информация об авторах

Павлова Наталья Федоровна – кандидат биологических наук, первый заместитель директора – заместитель директора по научной работе. Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы (пр. Победителей, 7, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: pavlova@belisa.org.by

Луганская Надежда Геннадьевна – заведующий отделом научно-методического обеспечения государственной экспертизы. Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы (пр. Победителей, 11, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: lyganskaya@belisa.org.by

Гавриш Александр Николаевич – заведующий отделом научно-правовых исследований. Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы (пр. Победителей, 11, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gavrish@belisa.org.by

Information about the author

Natallia F. Paulava – Ph. D., First Deputy Director – Deputy Director for Research of the State Institution "Belarusian Institute of System Analysis and Information Support for the Scientific and Technical Sphere" (7 Pobediteley Ave., Minsk 220004, Belarus). E-mail: pavlova@belisa.org.by

Nadezhda G. Luganskaya – Head of the Department of Scientific and Methodological Support of State Expertise of the State Institution "Belarusian Institute of System Analysis and Information Support of the Scientific and Technical Sphere" (11 Pobediteley Ave., Minsk 220004, Belarus). E-mail: lyganskaya@belisa.org.by

Alexander N. Gavrish – Head of the Department of Scientific and Legal research of the State Institution "Belarusian Institute of System Analysis and Information Support for the Scientific and Technical Sphere" (11 Pobediteley Ave., Minsk 220004, Belarus). E-mail: gavrish@belisa.org.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ECONOMICS

ECONOMICS

УДК 330.341:796.062
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-151-159

Поступила в редакцию 21.01.2025
Receeved 21.01.2025

О. В. Додонов

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПАРАДИГМА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье верифицирована гипотеза, согласно которой развитие сферы физической культуры и спорта характеризуется ростом результатов в спорте высших достижений и укреплением здоровья населения посредством занятий физической культурой, что на современном этапе невозможно достичь без внедрения инноваций. Обоснован конструкт инновационного развития сферы физической культуры и спорта. На основе антитетики точек зрения об инновационном развитии как процессе дано понятие «инновационное развитие сферы физической культуры и спорта». Разработан механизм государственного регулирования инновационного развития сферы физической культуры и спорта с выделением стимулирующих функций органов исполнительной власти. Даны практические рекомендации по совершенствованию трудового законодательства Республики Беларусь в направлении совершенствования системы оплаты труда в организациях с целью обеспечения инновационного развития сферы физической культуры и спорта.

Ключевые слова: государственная политика, инновации, инновационный труд, развитие, спорт, стимулирование, физическая культура

Для цитирования: Додонов, О. В. Парадигма инновационного развития сферы физической культуры и спорта Республики Беларусь / О. В. Додонов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 151–159. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-151-159

Oleg V. Dodonov

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PARADIGM OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article verifies the hypothesis that the development of the sphere of physical culture and sports is characterized by the growth of results in high-performance sports and the strengthening of public health through physical culture, which at the present stage cannot be achieved without the introduction of innovations. The construct of innovative development of the sphere of physical culture and sports is substantiated. Based on the antithesis of points of view on innovative development as a process, the concept of "innovative development of the sphere of physical culture and sports" is given. A mechanism for state regulation of innovative development in the sphere of physical culture and sports is developed, with the allocation of stimulating functions of executive authorities. Practical recommendations are given for improving the labor legislation of the Republic of Belarus in the direction of improving the system of remuneration in organizations in order to ensure innovative development of the sphere of physical culture and sports.

Keywords: public policy, innovation, innovative work, development, sports, stimulation, physical education

For citation: Dodonov O. V. Paradigm of innovative development of physical culture and sports in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 2, pp. 151–159 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-151-159

Введение. Развитие сферы физической культуры и спорта (далее – ФКиС) в Республике Беларусь является одним из важнейших государственных приоритетов.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию отметил следующее: «Спорт – это наша идеология» [1]. В Государ-

© Додонов О. В., 2025

ственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы (далее – Программа) подчеркивается, что «развитие физической культуры и спорта является одним из важнейших направлений государственной социальной политики, эффективным инструментом оздоровления нации и укрепления международного имиджа Республики Беларусь» [2].

В самой же Программе, целями которой являются «успешное выступление белорусских спортсменов на Олимпийских играх и других крупнейших спортивных соревнованиях, приобщение населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом, создание условий для развития детско-юношеского спорта» [2], особое место отводится необходимости инновационного развития сферы ФКиС. Так, «обеспечение инновационного развития сферы физической культуры и спорта» является одной из важнейших мер снижения рисков реализации самой Программы (глава 4); в Программе предусмотрено финансирование 33 мероприятий по разработке научных методов и внедрению результатов научных исследований в практику спортивной подготовки в объеме 12509447 руб., из которых средства республиканского бюджета составляют 12484197 руб., или 99,8 %, включая средства республиканского централизованного инновационного фонда в объеме 3343119 руб., или 27,7 %, и только 0,2 % составляют собственные средства организаций, внедряющих инновационные разработки [2].

Однако в Программе не предусмотрен расчет эффекта использования финансовых ресурсов, направляемых на инновационное развитие сферы ФКиС. При этом в главе 5 Программы представлена общая методика эффективности ее реализации, не учитывающая степень эффективности использования инвестиций для инновационного развития сферы ФКиС.

Таким образом, практическая проблема заключается в том, что при значимости инновационного развития сферы ФКиС на практике невозможно оценить эффект от финансирования данной сферы. Научной же проблемой является тот факт, что фундаментально вопросы инновационного развития сферы ФКиС не исследованы.

Следует отметить, что в Руководстве Осло [3], в Законе Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [4], а также в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [5] отсутствует само определение понятия «инновационное развитие».

Следовательно, целью научного исследования является формирование теоретических основ инновационного развития сферы ФКиС, для чего верифицируется следующая гипотеза: развитие сферы ФКиС характеризуется ростом результатов в спорте высших достижений и укреплением здоровья населения посредством занятий физической культурой, что на современном этапе невозможно достичь без внедрения инноваций. Генерализацией в данном случае выступает предположение о том, что в основе такого развития заложен инновационный труд, который должен быть надлежащим образом стимулирован для получения социально-экономического эффекта от внедрения инноваций в сфере ФКиС.

Основная часть. Антитетикой при верификации данной гипотезы можно считать понимание многими учеными самой категории «инновационное развитие», которое не в полной мере аутентично для такого (инновационного) развития сферы ФКиС.

Для обоснования концепта инновационного развития сферы ФКиС и устранения противоречий при верификации выдвинутой гипотезы рассмотрим общие и отличительные точки зрения на категорию «инновационное развитие».

В философском понимании само понятие «развитие» представляет собой «существенное, необходимое движение, изменение во времени» [6, с. 308]. В экономическом контексте развитие рассматривается как «процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему» [7, с. 258]. В «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией С. Ю. Солодовникова данное понятие имеет иное значение, а именно: «характеристика качественных изменений объектов, появление новых форм бытия, инноваций и нововведений, сопряженная с преобразованием их внутренних и внешних связей» [8, с. 673].

Из данных определений следует, что в самой сфере ФКиС при внедрении инноваций должны произойти изменения с переходом данной сферы в более качественное состояние, измеряе-

3. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. – 4-е изд. – М.: Орг. экон. сотрудничества и развития, 2018. – 107 с.

4. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200425 (дата обращения: 17.01.2025).

5. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 15 сент. 2021 г. № 348 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100348 (дата обращения: 15.01.2025).

6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 445 с.

7. Гавриленко, В. Г. Экономика: большой энцикл. слов.: в 3 ч. / В. Г. Гавриленко, П. Г. Никитенко, Н. И. Ядевич. – Минск: Право и экономика, 2002. – Ч. 3: П–Я. – 828 с.

8. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: Мин. ф-ка цвет. печати, 2002. – 1007 с.

9. Додонов, О. В. Сущность инновационного труда и его значение для развития спорта / О. В. Додонов // Ученые записки Белорусского государственного университета физической культуры: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры. – Минск, 2023. – Вып. 26. – С. 232–236.

10. Левин, К. Регрессия, ретрогрессия и развитие / К. Левин // Динамическая психология: избр. тр. / К. Левин; под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. – М., 2001. – С. 271–302.

11. Основы идеологии белорусского государства: курс лекций / Т. Н. Буйко, А. Г. Гататуллин, В. П. Кириченко [и др.]; под общ. ред. Т. Н. Буйко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГУФК, 2008. – 155 с.

12. Программный комплекс «Бизнес-аналитик». Бюджетная эффективность // ИНЭК-ИТ. – URL: https://inec.ru/it/automated-analysis/ba/budget-efficiency.php (дата обращения: 17.01.2025).

13. Ziemnowicz, C. Joseph A. Schumpeter and innovation / C. Ziemnowicz // Encyclopedia of creativity, invention, innovation and entrepreneurship / ed. E. G. Carayannis. – New York, 2013. – P. 1171–1176. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3858-8_476

14. Freeman, C. The ‘National System of Innovation’ in historical perspective / C. Freeman // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – Vol. 19, № 1. – P. 5–24. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a035309

15. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев // Стратегия опережающего развития – III: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам [и др.]; редкол.: А. В. Бузгалин [и др.]. – М., 2011. – Т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы. – С. 356–358.

16. Диденко, Д. Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоемкой экономики / Д. Диденко // Экономическая политика. – 2011. – № 1. – С. 158–169.

17. Кузык, Б. Н. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – 2-е изд., доп. – М.: Экономика, 2005. – 619 с.

18. Егорова, А. А. Особенности формирования инновационной экономики / А. А. Егорова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 19. – С. 21–26.

19. Михалев, Г. С. Инновационное развитие российской экономики: понятийно-категориальные инструменты / Г. С. Михалев, Л. Р. Батукова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2009. – № 3 (24). – С. 156–160.

20. Батукова, Л. Р. К вопросу о смене модели экономического развития. Часть II: кризис жизненного цикла Глобальной либеральной рыночной экономической модели / Л. Р. Батукова // Наука и современность. – 2016. – № 2 (8). – С. 8–28. https://doi.org/10.17117/ns.2016.02.008

21. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 120–130.

22. Матеров, И. Факторы развития «новой экономики» в России / И. Матеров // Экономист. – 2003. – № 2. – С. 3–11.

23. Воейков, М. И. Стратегия модернизации российской экономической системы / М. И. Воейков // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 3 (41). – С. 16–22.

24. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 56 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100056 (дата обращения: 15.01.2025).

25. Об утверждении выпусков 23 и 26 Единого квалификационного справочника должностей служащих: постановление М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 20 окт. 2020 г. № 94 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22136730p&p1=1&p5=0 (дата обращения: 17.01.2025).

References

1. Sport and healthy lifestyles. *Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus*. Available at: https://president.gov.by/en/quotes/category/sport-and-healthy-lifestyles (accessed 17.01.2025).

2. On the State Program “Physical Culture and Sports” for 2021–2025: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, March 25, 2023, no. 61. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100054 (accessed 07.01.2025) (in Russian).

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

[illegible]
[illegible]

Паступіў у рэдакцыю 13.03.2025
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-165-168 Received 13.03.2025

АЛЯКСАНДР МІКАЛАЕВІЧ БУЛЫКА
(Да 90-годдзя з дня нараджэння)

18 сакавіка 2025 г. 90-гадовы юбілей святкуе знакаміты беларускі вучоны-лінгвіст Аляксандр Мікалаевіч Булыка, доктар філалагічных навук, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, прафесар, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь, выдатнік адукацыі.

Аляксандр Мікалаевіч нарадзіўся на Навагрудчыне ў сялянскай сям'і. Дзяцінства будучага вучонага выпала на страшныя гады Вялікай Айчыннай вайны, жудасныя падзеі якой засталіся ў яго памяці да сённяшняга дня. Пачатковую адукацыю атрымаў у роднай вёсцы Селішча, потым вучыўся ў Мольніцкай сямігодцы, а затым у Навагрудскім педагагічным вучылішчы, дзе яму асабліва падабаліся ўрокі выкладчыка беларускай мовы і літаратуры М. В. Жука, пад уплывам якога ён пачаў пісаць вершы. У 1954 г. Аляксандр Мікалаевіч паступіў на філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна, пасля заканчэння якога працаваў настаўнікам у Асоўскай сярэдняй школе Воранаўскага раёна Гродзенскай вобласці (1959–1961), завучам у Воранаўскай школе-інтэрнаце (1961–1962). Але жаданне займацца вывучэннем роднай мовы не пакідала яго, і ў 1962 г. Аляксандр Мікалаевіч паступіў у аспірантуру пры Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР. Больш за ўсё маладога чалавека зацікавіла гістарычная тэматыка, асаблівы інтарэс выклікала наяўнасць у сектары гісторыі беларускай мовы калекцыі фотакопій і мікрафільмаў беларускіх рукапісаў і старадрукаў. Па прапанове загадчыка сектара А. І. Жураўскага ён заняўся вывучэннем графічнай і арфаграфічнай сістэм старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы і ў 1966 г. паспяхова абараніў дысертацыю «Арфаграфічная сістэма старажытнай беларускай пісьменнасці», падрыхтаваную пад кіраўніцтвам А. К. Антановіча.

У снежні 1965 г. Аляксандр Мікалаевіч быў залічаны на працу ў Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа, дзе займаў пасады малодшага і старшага навуковага супрацоўніка аддзела гісторыі беларускай мовы, загадчыка аддзела беларуска-рускіх моўных сувязей, аддзела гісторыі беларускай мовы, з 2008 г. з'яўляецца галоўным навуковым супрацоўнікам аддзела гісторыі беларускай мовы.

За дзесяцігоддзі навуковай дзейнасці вучоны падрыхтаваў звыш 400 мовазнаўчых прац, большасць з якіх прысвечана актуальным пытанням дыяхранічнага мовазнаўства. Аднымі з першых ён даследаваў станаўленне і эвалюцыю графікі і арфаграфіі старабеларускай мовы. У манаграфіі «Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы» (1970) на матэрыяле звыш 180 старабеларускіх рукапісаў і старадрукаў ім дэталёва прааналізаваны функцыянаванне радковых і вынасных літар, надрадковых знакаў, суадносіны напісанняў, заснаваных на этымалагічна-марфалагічным і фанетычным прынцыпах правапісу, выяўлены рысы тых фанетычных працэсаў, якія мелі месца ў жывой мове старажытнага перыяду.

Шмат увагі А. М. Булыка надаваў распрацоўцы асобных пытанняў гістарычнай марфалогіі беларускай мовы. Грунтоўныя апісанні асаблівасцей змянення ў сістэмах скланення назоўнікаў, займеннікаў і прыметнікаў у старабеларускіх тэкстах дзелавога, свецка-мастацкага і канфесійнага зместу прадстаўлены даследчыкам у адпаведных частках падрыхтаваных у аддзеле гісторыі беларускай мовы калектыўных выданняў «Гістарычная марфалогія беларускай мовы» (1979), «Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.» (1988).

Змены, што адбыліся ў слоўнікавым фондзе старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы, разгледжаны А. М. Булыкам у манаграфіях «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (1970, у суаўтарстве), «Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст.» (2016, у суаўтарстве), артыкулах «Лексический состав белорусского литературно-письменного языка времен Ф. Скорины» (1991), «Лексіка юрыдычных дакументаў Гродзеншчыны XVI–XVII стст.» (1999), «Лексіка дзелавой пісьменнасці Палесся XIV–XVII стст.» (2004) і інш. Даследчык акцэнтаваў увагу на шляхах і спосабах папаўнення беларускай лексікі з сярэдзіны XIV да XVIII ст., выявіў дынаміку семантыкі лексічных адзінак, прасачыў залежнасць словаўжывання ад жанравай прыналежнасці тэкстаў.

Асаблівае месца ў коле навуковых інтарэсаў А. М. Булыкі займае запазычаная лексіка. Ім падрыхтаваны найбольш вядомыя і актуальныя і сёння «Даўнія запазычанні беларускай мовы» (1972) і «Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.» (1980). Манаграфія «Даўнія запазычанні беларускай мовы» стала першай спробай лексікаграфічнай апрацоўкі запазычанай лексікі старабеларускай мовы. Аўтар максімальна поўна прадставіў іншамоўны лексічны матэрыял (звыш 9500 лексічных адзінак, з іх каля 4000 рэестравых): даў яго семантычную характарыстыку, прывёў лексічныя паралелі з іншых моў, паказаў храналогію, словаўтваральную здольнасць прыведзеных лексем. Сярод цяжкасцей, што звычайна ўзнікаюць пры даследаванні запазычанняў, А. М. Булыка вылучыў выяўленне запазычаных адзінак (асабліва, калі крыніцай з'яўляецца блізкая па паходжанні мова – праблема паланізмаў), моў-пасрэдніц, шляхоў пранікнення ў старабеларускую мову.

У працы «Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.» (на гэту тэму А. М. Булыкам у 1980 г. была абаронена доктарская дысертацыя) вучоны даў усебаковы агляд выяўленых лексічных запазычанняў у старабеларускай літаратурна-пісьмовай мове. У адрозненне ад папярэдняга выдання тут было пашырана кола пісьмовых помнікаў і цалкам выкарыстана картатэка «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы», запазычаная лексіка класіфікавана па адносінах да матэрыяльнай і духоўнай культуры народа (размеркавана па 14 тэматычных групах: грамадска-палітычная; юрыдычная; канцылярская; ваенная; сацыяльна-эканамічная; прафесійна-вытворчая; бытавая; лексіка, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных і інтэлектуальных адносінах; лексіка, якая характарызуе прыроду ў бытавым і навуковым асвятленні; лексіка, звязаная з лічэннем і вымярэннем; лексіка, якая характарызуе навуку, культуру і мастацтва; словы, якія ўжываліся ў сферы рэлігійнага жыцця; поліфункцыянальная лексіка; агульная лексіка), разгледжана семантыка і этымалогія запазычаных адзінак. А. М. Булыка ўстанавіў, што зафіксаваныя запазычанні паходзяць больш чым з дзясятка моў, большасць з заходніх славянскіх і неславянскіх моў, менш частотныя літоўскія і цюркскія запазычанні, асобна разгледзеў асваенне запазычанняў на беларускай глебе.

Ступень прадстаўленасці слоў іншамоўнага паходжання ў асобных старабеларускіх тэкстах асветлена даследчыкам у артыкулах «Западнославянская лексика в изданиях Франциска Скорины» (1979), «Лексіка іншамоўнага паходжання ў пастановах Галоўнага Трыбунала Вялікага Княства Літоўскага» (1997), «Лацінізмы як сродак узбагачэння слоўніка старабеларускай мовы» (2020), «Бытавая лексіка цюркскага паходжання ў старабеларускай мове» (2024) і інш.

Важкі ўклад зроблены А. М. Булыкам у вывучэнне мовы выданняў беларускага першадрукара Францыска Скарыны (гл. калектыўную манаграфію «Мова выданняў Францыска Скарыны» (1990), артыкулы «Словаўтваральныя тыпы назоўнікаў у выданнях Ф. Скарыны» (2014), «Роля Ф. Скарыны ў развіцці слоўнікавага складу старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы» (2017) і інш.). На думку А. М. Булыкі, правапісныя прыёмы пачынальніка беларускага кнігадрукавання «не засталіся ізаляваным фактам у гісторыі беларускай пісьменнасці. Яны служылі арыенцірам

для многіх аўтараў і перакладчыкаў наступных дзесяцігоддзяў, асабліва калі ім даводзілася працаваць у галіне рэлігійных жанраў»; тэматычная разнастайнасць 10516 розных па паходжанні апелятываў, у тым ліку 5058 дзеясловаў, 3329 назоўнікаў, 1169 прыметнікаў, 670 прыслоўяў, 290 лічэбнікаў, займеннікаў і службовых слоў, каля 3000 уласных назваў, сведчыць пра перакладчыцкі талент і шырокі філалагічны дыяпазон Скарыны і дазваляе лічыць плённай яго спробу «дэмакратызаваць лексіку царкоўнаславянскіх твораў».

Не засталіся па-за ўвагай вучонага і многія аспекты функцыянавання сучаснай беларускай літаратурнай мовы, аб чым сведчаць падрыхтаваныя ім раздзелы ў калектыўных працах «Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология» (1990), «Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі» (1999), «Красамоўства ў Беларусі» (у суаўтарстве, 2002), «Кароткая граматыка беларускай мовы» (2007), асобныя артыкулы.

Аляксандр Мікалаевіч Булыка – адзін з самых вядомых і аўтарытэтных лексікографаў Беларусі. Ён рэдактар і суаўтар фундаментальнага «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы», які сёння прызнаецца выключным па сваёй навуковай, практычнай і сацыяльнай вартасці лексікаграфічным даведнікам, што з максімальнай паўнатой адлюстроўвае багацце лексічнага складу беларускай мовы XIV–XVIII стст., з'яўляецца надзейнай крыніцай пазнання і асэнсавання мінулага Беларусі. Аляксандр Мікалаевіч удзельнічаў ва ўсіх этапах працы над слоўнікам: яго рукой выпісана 51000 картак-цытат для картатэкі слоўніка з такіх помнікаў, як «Троя», Статут ВКЛ 1529, Зборнікаў павучэнняў 255, 261 і інш., ім распрацавана звыш 100 аркушаў слоўнікавых артыкулаў, адрэдагаваны ўсе 37 выпускаў слоўніка. У 2013 г. пад рэдакцыяй і пры ўдзеле вучонага выйшаў з друку «Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі» (у 2 т.). – новы тып слоўніка ў айчынным дыяхранічным мовазнаўстве. У 2015 г. даследчык апублікаваў «Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы».

Аляксандр Мікалаевіч з'яўляецца аўтарам першых у лексікаграфіі Беларусі слоўнікаў іншамоўных слоў у сучаснай беларускай мове. Так, яго «Слоўнік іншамоўных слоў» (1993) уключае у свой склад прыблізна 5600 лексем, складзены з улікам моўнай практыкі вучняў і арыентаваны на выкарыстанне ў школьнай практыцы. У «Слоўнік іншамоўных слоў» (у 2 т., 1999) уключана каля 25000 агульнаўжывальных лексем і найбольш пашыраных тэрмінаў з розных галін ведаў, запазычаных з іншых моў у розны час ці ўтвораных з іншамоўных лексічных элементаў, словы маюць тлумачэнні і суправаджаюцца даведкай аб сваім паходжанні. Аляксандрам Мікалаевічам падрыхтавана таксама больш за 20 слоўнікаў па сучасных беларускай і рускай мовах: арфаграфічных, тлумачальных, перакладных, фразеалагічных («Орфографический словарь с правилами русского языка» (2008, у суаўтарстве), «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (2009), «Современный русско-белорусский политехнический словарь» (2007), «Фразеологический словарь русского языка» (2007), «Большой белорусско-русский, русско-белорусский словарь» (2018, у суаўтарстве), «Новейший белорусско-русский, русско-белорусский словарь» (2019, у суаўтарстве) і інш.).

А. М. Булыка ўваходзіў у склад аўтарскіх калектываў энцыклапедый «Францыск Скарына і яго час», «Беларуская мова», «Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», «Беларуская энцыклапедыя». Пад яго рэдакцыяй апублікавана звыш 30 манаграфій, калектыўных прац, зборнікаў.

З 1974 г. А. М. Булыка з'яўляўся членам саветаў па абароне дысертацый пры Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа, Беларускім дзяржаўным універсітэце, Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка, Гомельскім дзяржаўным універсітэце імя Францыска Скарыны. Аляксандр Мікалаевіч быў членам навуковага савета «Мова і грамадства» пры Аддзяленні літаратуры і мовы АН СССР, працаваў у Падкамітэце па дзяржаўных прэміях Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі, у экспертным савеце ВАК Рэспублікі Беларусь, уваходзіў у склад Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, Беларускага камітэта славістаў, рэдакцыйнага савета часопіса «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук» і рэдкалегіі часопіса «Беларуская лінгвістыка», быў старшынёй Рэспубліканскай тэрміналагічнай камісіі пры НАН Беларусі, членам Рэспубліканскай арфаграфічнай камісіі і інш.

А. М. Булыка з'яўляецца членам вучонага савета Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, намеснікам старшыні савета па абароне дысертацый Д 01.42.03 пры Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, членам навукова-метадычнага семінара «Тэарэтычныя праблемы беларускага мовазнаўства». За плённую навукова-арганізацыйную і педагагічную дзейнасць Аляксандр Мікалаевіч Булыка ўзнагароджаны Ганаровай граматай Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (1999, 2015), Ганаровай граматай Дзяржаўнага камітэта па навуцы і тэхналогіях (1999), Падзякай Старшыні Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (2017), Ганаровай граматай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь (2019).

На працягу многіх гадоў Аляксандр Мікалаевіч чытаў лекцыі для студэнтаў філалагічных факультэтаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, кіраваў напісаннем дыпломных і курсавых прац, узначальваў дзяржаўныя экзаменацыйныя камісіі. Пад кіраўніцтвам А. М. Булыкі падрыхтаваны і абаронены 2 доктарскія і 22 кандыдацкія дысертацыі, прысвечаныя актуальным пытанням айчыннага мовазнаўства.

І сёння Аляксандр Мікалаевіч працягвае руплівa і плённа працаваць на ніве беларускага мовазнаўства. Ён прымае ўдзел у выкананні планавай тэмы аддзела «Даследаванне сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы XIV–XVIII стст.», што ўваходзіць у Дзяржаўную праграму навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы», якая выконваецца пад кіраўніцтвам акадэміка НАН Беларусі, доктара гістарычных навук, прафесара А. А. Кавалені. Да юбілею Аляксандра Мікалаевіча пры садзейнічанні Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў выйшаў з друку падрыхтаваны вучоным першы ў айчыннай дыяхранічнай лексікаграфіі «Гістарычна-этымалагічны слоўнік іншамоўнай лексікі ў старабеларускай мове». Яго публікацыя стала чарговым пацвярджэннем высокага ўзроўню развіцця беларускай гістарычна-лінгвістычнай школы, адным з заснавальнікаў і яркім прадстаўніком якой з'яўляецца шаноўны юбіляр.

Акрамя навуковага таленту Аляксандр Мікалаевіч мае і літаратурны, аб чым сведчыць яго праца рэдактарам інстытуцкай газеты «Лінгвіст», а таксама публікацыі нізак вершаў у перыядычным друку ў 1960-я гг.:

* * *

Я родам адтуль, дзе блакітныя далі,
Імклівыя рэчкі і звонкія хвалі,
Між буйных бароў дзе сінеюць азёры,
Дзе жнівеньскім вечарам шэпчуцца зоры.

Я родам адтуль, дзе густыя дубровы,
Дзе людзі гавораць прыветныя словы,
Дзе з сосен смалістых будуюцца хаты,
Дзе хлопцы – дубы, як пралескі – дзяўчаты.

Я родам адтуль, дзе шумлівыя нівы,
Дзе песень не злічыш аб долі шчаслівай,
Дзе людзі прывыклі спраўляць наваселлі,
Дзе кожную восень – вяселлі, вяселлі…

(*Маладосць. 1962. № 6*)

Паважаны Аляксандр Мікалаевіч, Вы заўсёды шчодра дзеліцеся сваімі ведамі і навуковымі ідэямі з намі, Вашымі калегамі, вучнямі. Шчыра віншуем Вас з прыгожым юбілеем! Жадаем Вам моцнага здароўя, дабрабыту, радасці, натхнення, плённай працы на карысць беларускай філалогіі!

Н. В. Паляшчук, Э. В. Ярмоленка

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Поступила в редакцию 24.03.2025
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-169-173 Received 24.03.2025

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ МЯСНИКОВИЧ
(К 75-летию со дня рождения)

Михаил Владимирович Мясникович – ученый-экономист, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор, видный государственный и общественный деятель Республики Беларусь. Родился 6 мая 1950 г. в деревне Новый Снов Несвижского района Минской области. В 1967 г. с серебряной медалью окончил Сновскую среднюю школу, в 1972 г. – Брестский инженерно-строительный институт. В 1989 г. окончил Минскую высшую партийную школу.

В течение долгого и плодотворного жизненного пути Михаил Владимирович Мясникович занимал высшие государственные посты: в 1986–1990 гг. – Министр жилищно-коммунального хозяйства БССР; в 1990 г. – заместитель Председателя Совета Министров БССР, председатель Государственного комитета БССР по экономике и планированию; в 1991–1994 гг. – первый заместитель Председателя Совета Министров Республики Беларусь; с 22 июля 1994 г. по 10 октября 1995 г. – заместитель Премьер-министра Республики Беларусь; с 10 октября 1995 г. по 12 сентября 2001 г. – Глава Администрации Президента Республики Беларусь; с 12 сентября 2001 г. – помощник Президента Республики Беларусь по особым поручениям; 19 октября 2001 г. назначен президентом Национальной академии наук Беларуси; с октября 2004 г. – Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси; с 28 декабря 2010 г. по 27 декабря 2014 г. – Премьер-министр Республики Беларусь; 16 января 2015 г. избран председателем Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва; с 12 октября 2016 г. по 6 декабря 2019 г. – Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва; с 1 февраля 2020 г. по 31 января 2024 г. – Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии; в настоящее время – член рабочей группы по анализу деятельности НАН Беларуси.

Михаил Владимирович внес огромный вклад в становление белорусской государственности, развитие академической науки, формирование национальной инновационной системы, укрепление интеграционных процессов в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза.

Период руководства НАН Беларуси. С 19 октября 2001 г. по декабрь 2010 г. Михаил Владимирович Мясникович возглавлял Президиум Национальной академии наук Беларуси. В этот период происходило совершенствование юридической базы, уточнение задач и функций Президиума НАН Беларуси. Академия наук стала выполнять отдельные функции республиканского органа государственного управления в сфере науки наряду с Министерством образования и Государственным комитетом по науке и технологиям.

Большое внимание в этот период благодаря усилиям М. В. Мясниковича стало уделяться укреплению кадрового потенциала научных подразделений, созданию новых научно-производственных структур. В частности, были образованы два научно-практических объединения – «Химические продукты и технологии» и «Химический синтез и биотехнологии», а также 8 научно-практических центров, деятельность которых была направлена на установление более тесных взаимоотношений между наукой и производством. В их числе Научно-практический центр по материаловедению, Научно-практический центр по механизации сельского хозяйства, Научно-практический центр по животноводству, Научно-практический центр по биоресурсам, Научно-практический центр по продовольствию, Научно-практический центр по земледелию,

Научно-практический центр по картофелеводству и плодоовощеводству, Межотраслевой научно-практический центр систем идентификации и электронных деловых операций.

Значительные усилия Национальной академии наук под руководством Михаила Владимировича были направлены на сохранение и развитие научных школ, подготовку научных кадров высшей квалификации. С этой целью был создан Институт подготовки научных кадров, который сегодня получил статус ГНУ «Университет Национальной академии наук Беларуси».

Был обеспечен переход научной сферы на выполнение государственных программ прикладных исследований и затем на выполнение государственных комплексных целевых научно-технических программ с целью обеспечения полного инновационного цикла от научных исследований до внедрения научной и научно-технической продукции в производство.

О повышении престижа и значимости научной сферы свидетельствует проведение в ноябре 2007 г. Первого съезда ученых Республики Беларусь. В рамках этого масштабного научного форума обсуждались вопросы совершенствования методов управления научно-инновационной деятельностью и по итогам выработана целостная система мер, направленных на формирование в стране экономики знаний.

Национальная академия наук Беларуси стала одним из важнейших элементов национальной инновационной системы Республики Беларусь. Свое видение роли и значимости науки в современном обществе Михаил Владимирович изложил в монографии «Наука Беларуси на современном этапе: задачи и организация научной, научно-технической и инновационной деятельности» (2006), цикле статей: «Наука – прогрессу страны» (2007), «Наука на современном этапе развития страны» (2007), «Национальная академия наук Беларуси стала ключевым элементом инновационной инфраструктуры страны» (2009), «Академия наук – флагман научно-инновационной деятельности» (2009), «Национальная академия наук Беларуси как научно-производственная корпорация» (2010), «Итоги, проблемы и перспективы белорусской науки» (2010), «Наука и инновации – основа долгосрочной конкурентоспособности страны» (2010).

Период руководства Советом Республики Национального Собрания. Работа Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь на протяжении V (2012–2016 гг., под руководством М. В. Мясниковича – 2015–2016 гг.) и VI (2016–2020 гг.) созывов характеризовалась напряженной законотворческой и общественной деятельностью. В рамках работы на данном посту М. В. Мясникович значительное внимание уделял следующим вопросам.

1. *Функционирование органов местного управления и самоуправления.* В рамках этого вопроса главой Совета Республики в публичных выступлениях и заявлениях оговаривались возможные направления и перспективы проведения реформы местного управления и самоуправления. Неоднократно заявлялось о необходимости учета зарубежного и международного опыта. Ключевыми принципами, в соответствии с которыми преобразование системы местного управления и самоуправления могло способствовать росту ее эффективности, по мнению М. В. Мясниковича, выступали децентрализация, делегирование ряда полномочий центральных органов власти на местный уровень, поддержание контакта местных властей с населением и вовлечение населения регионов в процессы самоуправления. Отдельным шагом должно было стать постепенное расширение полномочий местных Советов депутатов при решении проблем локального уровня, а также вопросов развития непосредственно региона. В свою очередь реализация данных мер рассматривалась как основа для формирования сбалансированного гражданского общества. Значимую роль также должны были играть и ассоциации местных Советов депутатов. Итогом научно-теоретического осмысления опыта работы в этом направлении стала выпущенная в 2020 г. монография «Теория и практика местного управления и самоуправления: состояние, проблемы и предложения».

2. *Молодежная политика.* В период нахождения М. В. Мясниковича на посту главы верхней палаты Парламента особое развитие получил институт молодежного представительства при местных Советах депутатов. Поощряемый руководством Совета Республики процесс вовлечения молодежи в работу органов местного самоуправления увенчался созданием в июле 2020 г. Молодежного парламента при Национальном собрании Республики Беларусь.

3. *Межпарламентская дипломатия.* Значимый акцент делался как на заключении соглашений и меморандумов о сотрудничестве депутатских корпусов между Национальным Собранием

и парламентами других государств, так и на развитии сотрудничества межпарламентских объединений (в частности, МПА СНГ и Межпарламентский Союз). В период нахождения Михаила Владимировича Мясниковича на посту руководителя Совета Республики активно развивалось взаимодействие с органами законодательной власти как стран постсоветского пространства, так и государств – участников Европейского союза (Франция, Словения, Польша). Отдельно следует отметить вклад М. В. Мясниковича в развитие межпарламентских контактов с Турцией (итогом которых стало его присутствие в качестве главы белорусской делегации на инаугурации Президента Турецкой Республики Р. Т. Эрдогана) и Исламской Республикой Иран.

4. *Деятельность по сближению национальных законодательств Республики Беларусь и государств-партнеров.* Необходимо отметить инициативу главы Совета Республики по разработке модельных законов Союзного государства, которую в свою очередь поддержала и российская сторона. По итогу реализации данного инициативного предложения в праве Союзного государства появился институт модельного законотворчества, а в 2023 г. принято Положение о подготовке, рассмотрении и принятии модельных законодательных актов Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. Также Михаил Владимирович играл деятельную роль в продвижении подготовки концепции законодательств Беларуси и России. Определенный акцент в деятельности главы Совета Республики делался и на возможности двусторонней гармонизации торгово-экономического законодательства с отдельными значимыми торговыми партнерами Республики Беларусь, что, в частности, проявлялось в выдвижении подобных инициатив в рамках I Форума региона Беларуси и Узбекистана.

5. *Межрегиональное сотрудничество в рамках Союзного государства.* Благодаря активному участию М. В. Мясниковича организованы и проведены Форумы регионов Беларуси и России. В качестве основной тематики II Форума регионов (2015 г.) выступала «Промышленная политика Союзного государства»; III Форума регионов (2016 г.) – «Согласованная социально-экономическая политика»; IV Форума регионов (2017 г.) – «Векторы интеграционного развития регионов в сфере высоких технологий, инноваций и информационного общества»; V Форума регионов (2018 г.) – «Приоритетные направления развития регионального сотрудничества»; VI Форума регионов (2019 г.) – «Межрегиональные связи как основа формирования единого культурного и гуманитарного пространства»; VII Форума регионов (2020 г.) – «Историческое наследие Великой Победы как основа развития социально-экономических и духовных связей народов Беларуси и России». По итогам каждого из Форумов осуществлялось подписание соглашений о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации, регионами и Правительством Республики Беларусь.

В этот период Михаилом Владимировичем опубликованы крупные научные труды в области обеспечения сбалансированного социально-экономического развития Республики Беларусь и развития интеграционных отношений: «Эволюционные трансформации экономики Беларуси» (2016 г.), «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017 г.), «Будущее рождается сегодня. О некоторых вопросах развития» (2019 г.).

Период председательства в Коллегии Евразийской экономической комиссии. Период председательства белорусской стороны в Коллегии ЕЭК совпал с возникновением ряда макрополитических и макроэкономических угроз. Пандемия COVID-19, санкционное давление со стороны ЕС и США во многом наложили отпечаток на перечень вопросов, находившихся в поле зрения М. В. Мясниковича как главы Коллегии ЕЭК. К таким вопросам следует отнести следующие.

1. *Налаживание взаимодействия государств – участников Союза по противодействию пандемии.* В частности, значительные усилия были приложены по оказанию странами ЕАЭС взаимной помощи в материальных ресурсах медицинского назначения. Так, 19 марта 2020 г. Приказом председателя Коллегии был создан временный координационный совет по мониторингу ситуации, связанной с предотвращением распространения коронавирусной инфекции, и выработке мер оперативного реагирования. Отдельно следует отметить инициативу Михаила Владимировича по льготному кредитованию субъектов экономики, пострадавших от последствий пандемии.

2. *Определение стратегических приоритетов развития ЕАЭС.* В 2023 г. страны Союза определили долгосрочные приоритеты своего развития, приняв важнейший совместный документ –

Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. В числе приоритетных направлений сохраняются развитие кооперации в АПК и промышленности, масштабное внедрение цифровых и информационных технологий, научно-технологическое сотрудничество.

3. *Принятие мер по противодействию беспрецедентному санкционному давлению на ряд государств – членов Евразийского экономического союза.* Для оперативного реагирования и обеспечения стабильности экономической ситуации Евразийская экономическая комиссия совместно с министерствами экономик и финансов, а также национальными банками стран Союза создала рабочую группу высокого уровня и подготовила перечень первоочередных мер по повышению устойчивости экономик государств – членов ЕАЭС. С марта 2022 г. принимались оперативные антикризисные меры, что позволило несколько смягчить влияние санкций на экономику.

4. *Расширение практики взаимных расчетов стран – участниц Союза в национальных валютах.* Кроме непосредственно расчетов в национальных валютах М. В. Мясниковичем предлагался переход к практике ценообразования в национальных валютах, а также выдвигались предложения о создании единой евразийской платежной единицы и независимой платежно-расчетной системы Союза.

5. *Развитие экономического сотрудничества в области науки.* Это направление впервые получило закрепление в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. При Председателе Коллегии был учрежден Научно-технический совет, разработан долгосрочный прогноз научно-технического развития Союза, ведется подготовка его программы, которая направлена на трансформацию ЕАЭС в прогрессивное научно-техническое и инновационное пространство за счет объединения усилий государств-членов.

6. *Стимулирование промышленной кооперации в рамках ЕАЭС.* В роли таких инструментов выступили Карта евразийской индустриализации. Утвержден новый механизм финансирования кооперационных проектов. По мнению М. В. Мясниковича, «ключевым фактором развития на перспективу является инвестиционная деятельность. Технологический суверенитет предполагает решение масштабных задач по развитию электроники, станкостроения, производства лекарств, созданию химических и биологических предприятий, высоких технологий».

7. *Развитие сотрудничества с региональными организациями и третьими странами.* Именно в период председательства белорусской стороны ИРИ присоединилась к ЗСТ ЕАЭС, Куба и Узбекистан стали государствами-наблюдателями Союза, планировалось присоединение Республики Молдовы к числу акционеров ЕАБР. Определенным достижением явилось подписание Меморандума от 17 сентября 2021 г. о взаимопонимании между Коллегией ЕЭК и секретариатом ШОС. Состоялось участие в Третьем форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в Пекине (КНР).

8. *Устранение ограничительных барьеров между государствами – участниками ЕАЭС.* В качестве одного из таких инструментов было выдвинуто внесение в компетенцию Суда ЕАЭС рассмотрения исковых заявлений физических лиц. Отдельно М. В. Мясниковичем неоднократно подчеркивалась необходимость расширения взаимодействия Суда ЕАЭС с судебными органами стран – участниц Союза. Важным аспектом деятельности по устранению барьеров следует признать заключение Соглашение о применении ЕАЭС навигационных пломб для отслеживания перевозок.

9. *Сближение права стран – участниц ЕАЭС, ревизия права Союза*. В частности, к заметным инициативам М. В. Мясниковича можно отнести предложение о взаимном обмене планами законотворческой деятельности и концепциями законопроектов.

Состояние и перспективы ЕАЭС как интеграционного формата отражены в таких научных статьях М. В. Мясниковича, как «Евразийский экономический союз: сегодня и завтра» (2022), «Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития» (2022), «Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе» (2023).

В личной монографии Михаила Владимировича «Практические вопросы евразийской экономической интеграции» (2021) предлагаются пути и методы совершенствования сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза, меры и механизмы формирования сильного и самодостаточного евразийского центра силы мировой экономики.

Развитие, болевые точки и перспективное видение евразийской экономической интеграции представлены юбиляром в коллективной монографии «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции в контексте глобальных вызовов» (2022).

В качестве особого монографического издания, посвященного исследованию событий новейшей истории Республики Беларусь, Советского Союза, Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза, следует выделить книгу М. В. Мясниковича «Так было. + Личное» (2022). Автор как непосредственный участник многих из описанных процессов открыто излагает собственную точку зрения в отношении происходившего. В книге использованы архивные источники информации, благодаря которым полно и ярко раскрываются эпизоды смены старой и формирования новой общественно-экономической формации.

Уникальным изданием выступает монография М. В. Мясниковича «Дела, события, люди: собственное мнение» (2024). В книге представлены ключевые этапы деятельности Михаила Владимировича, его непосредственное участие в реализации государственной экономической политики. Внесены авторские предложения по переходу от директивной к социально ориентированной рыночной экономике.

Безусловным подтверждением научных заслуг и авторитета М. В. Мясниковича явилось присуждение ему ученой степени доктора экономических наук (1998), ученого звания профессора (2003), его избрание членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси (2009), почетным доктором Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (2008) и Вьетнамской Академии наук и технологий (2011), почетным профессором Брестского государственного технического университета (2013) и Белорусского государственного университета (2017). В 2021 г. присуждено звание академика Международной ассоциации академий наук.

Плодотворная деятельность Михаила Владимировича отмечена рядом государственных наград. Он награжден орденом «Знак Почета» (1981), орденом Отечества III степени (2000), орденом Дружбы Российской Федерации (2009), орденом Дружбы Китайской Народной Республики (2010), орденом Белорусской православной церкви Святителя Кирилла Туровского I степени (2010), юбилейными медалями, нагрудным знаком «Золотая медаль Национальной академии наук Беларуси «За большой вклад в развитие науки» (2014), медалью Д. Кантемира Национальной академии наук Молдовы, Большой золотой медалью Национальной академии наук Республики Армения, нагрудным знаком отличия имени В. М. Игнатовского Национальной академии наук Беларуси (2018), медалью «Даңк» (Слава) Кыргызской Республики (2023), нагрудным знаком МИД России «За вклад в международное сотрудничество» (2024), медалью Евразийской ассоциации университетов «За вклад в евразийское сотрудничество» (2024). За большой личный вклад в развитие интеграционного взаимодействия в Евразийском экономическом союзе М. В. Мясникович награжден Правительством Российской Федерации медалью П. А. Столыпина I степени (2024).

Редколлегия и редакционный совет журнала «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», а также коллектив сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси сердечно поздравляют Михаила Владимировича с юбилеем! Желаем Михаилу Владимировичу крепкого здоровья, благополучия, счастья, удачи, новых научных трудов в области социально-экономического развития и реализации интеграционных процессов.

Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Поступила в редакцию 13.03.2025
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-174-176 Received 13.03.2025

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ДАНИЛОВ
(К 70-летию со дня рождения)

14 мая 2025 г. исполняется 70 лет известному белорусскому социологу, доктору социологических наук, профессору, члену-корреспонденту НАН Беларуси, заведующему кафедрой социологии Белорусского государственного университета Александру Николаевичу Данилову.

Трудовой путь А. Н. Данилова является примером исключительного профессионализма, ответственности и верности избранному делу. Вся творческая научная жизнь Александра Николаевича неразрывно связана с отечественной социологией, в рамках которой он проявил себя как незаурядный ученый, талантливый педагог и блистательный организатор науки.

В социологию Александра Николаевича привел многолетний опыт комсомольской работы и максимально полного погружения в активную и непростую молодежную среду. Наблюдая актуальные установки в ориентациях юношей и девушек, он понимал, что в работе с ними необходимо искать новые пути, переходить к изучению их реальных жизненных проблем, ожиданий и запросов и на фундаментальной научной основе прогнозировать тенденции их дальнейших изменений, предлагать наиболее эффективные варианты работы с молодежью.

За долгие годы плодотворной работы А. Н. Данилов приобрел заслуженный признанный авторитет не только в профессиональном социологическом сообществе, но и среди широкой социогуманитарной общественности как в Беларуси, так и за ее пределами. Это определяет его выдающуюся роль в развитии современной науки, значительный вклад в теоретико-методологическое обоснование эффективности белорусской модели развития и эмпирико-социологическое подтверждение правильности и перспективности выбранного страной пути.

Высокие качества организатора Александр Николаевич проявил на разных должностях и в разных учреждениях, в частности, в ходе реализации своей инициативы по созданию социологической лаборатории при ЦК ЛКСМ Беларуси, а также возглавляя аналитические службы Совета Министров и Администрации Президента Республики Беларусь, являясь заместителем академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, заместителем Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. В том, что сегодня белорусские дипломы доктора и кандидата наук высоко котируются далеко за пределами Беларуси, несомненно, есть и его весомый личный вклад.

Значителен вклад ученого в обогащение методологии историко-социологического анализа, в развитие социологии управления и геополитики. Среди ученых-социологов Беларуси Александр Николаевич является бесспорным лидером: в трудные годы становления суверенитета, формирования государственности Беларуси он первым в отечественной науке провел исследования и опубликовал монографию «Переходное общество: проблемы системной трансформации» (Минск, 1997). Сегодня, перечитывая эту книгу, нельзя не отметить два момента. Во-первых, она оказалась очень своевременной для того этапа поиска собственного пути, ее мировоззренческое и теоретико-прикладное значение переоценить невозможно. Во-вторых, ряд положений и выводов целесообразно реактуализировать применительно к настоящему и особенно к перспективам будущего развития нашего общества. Эти же оценки можно в полной мере отнести и к следующей, вышедшей год спустя, монографии ученого «Власть и общество: поиск новой гармонии» (Минск, 1998).

А. Н. Данилов стал новатором в переосмыслении роли социологии молодежи в связи с переходом к рыночным отношениям; в разработке социокультурной концепции государственной молодежной политики. По инициативе Александра Николаевича и при поддержке доктора социологических наук, профессора Сергея Александровича Шавеля на базе Минского государственного дворца детей и молодежи в 1992 г. была создана лаборатория социологии молодежи, которая с течением времени выросла до уровня Центра социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи.

Кандидатская диссертация А. Н. Данилова была посвящена социологическому анализу духовных потребностей молодежи. Продолжая успешно развивать свой научный потенциал, максимально углубившись в выбранную ранее проблематику, ученый в 1993 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме «Молодежь Республики Беларусь в условиях перехода к рыночным отношениям».

Александр Николаевич – лауреат премии Национальной академии наук Беларуси за лучшую научную работу (1999); стипендии Президента Республики Беларусь деятелям науки, образования, культуры и здравоохранения (2001) за достижение высоких результатов в сфере профессиональной деятельности. Ему объявлена благодарность Президента Республики Беларусь (2005) за заслуги в формировании национальной системы аттестации, плодотворную работу в области подготовки и аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации.

С 1990 г. А. Н. Данилов работает в Белорусском государственном университете преподавателем, профессором, заведующим кафедрой социологии. За эти 35 лет кафедра, организованная в лучших классических традициях и располагающая уникальным профессорско-преподавательским составом, подготовила более тысячи дипломированных специалистов, стала ведущей кафедрой высшей школы страны в своей области. Существенной заслугой Александра Николаевича является обеспечение столь важной сейчас преемственности поколений в социологической науке – он осуществляет успешное и высокоэффективное научное руководство магистрантами и аспирантами, которые затем пополняют кадровый состав кафедр, работают в научных учреждениях, на предприятиях реального сектора экономики, в органах государственного управления. На постоянной основе ученый консультирует докторантов, впоследствии приобретающих гордое звание профессора, что является свидетельством их высокой научной квалификации, признаваемой во всем мире.

Огромное внимание А. Н. Данилов уделяет педагогической работе, воплощая в жизнь идеал университетской науки, где творчески научная деятельность неразрывно связана с деятельностью педагогической. Многие поколения студентов помнят яркие глубокие лекции Александра Николаевича, которые он читал с большой отдачей и эмоциональностью.

А. Н. Данилов всегда активно участвует в создании учебников и учебных пособий по социологии, другим гуманитарным и социальным наукам, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии для учреждений высшего и общего среднего образования.

Важнейший для отечественного социологического сообщества стратегический проект, в котором очередной раз проявился и продолжает реализовываться яркий организаторский талант Александра Николаевича, – это создание в 1997 г. флагманского для многих поколений гуманитариев издания журнала «Социология» (современное название издания – «Журнал Белорусского государственного университета. Социология») и бессменное руководство им на протяжении почти трех десятков лет. К несомненным достоинствам издания следует отнести участие в нем специалистов смежных научных дисциплин. Журнал давно признан ведущим печатным органом белорусской гуманитарной общественности, а публикация в нем оценивается как своего рода знак качества.

Много внимания А. Н. Данилов уделял и уделяет вопросам консолидации и преемственности поколений профессионального социологического сообщества, являясь председателем Белорусского общественного объединения «Социологическое общество». Всем известно трепетное отношение Александра Николаевича к сохранению памяти о всех ушедших из жизни белорусских ученых, внесших неоценимый вклад в становление и развитие отечественной социологи-

ческой науки, – А. Н. Елсукове, С. Д. Лаптенке, С. А. Шавеле, Г. Н. Соколовой, Д. Г. Ротмане, В. Л. Абушенко, Л. Г. Новиковой, В. И. Русецкой и многих других.

Уважаемый Александр Николаевич! В научном сообществе страны Вас высоко ценят как одного из лидеров белорусской социологии, выдающегося ученого, талантливого руководителя, мудрого педагога.

Во всех жизненных обстоятельствах Вы были и будете примером верности служебному и гражданскому долгу, целеустремленности, порядочности и патриотизма. Ваши многочисленные научные работы хорошо известны и востребованы отечественными и зарубежными исследователями. Ваша научно-педагогическая и общественная деятельность отмечена высочайшим уровнем компетентности и профессионализма. Ваш весомый вклад в развитие отечественной науки и высшего образования, а также деятельность на благо Беларуси вызывают глубокое уважение.

Редколлегия и редакционный совет журнала «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», а также коллектив сотрудников Института социологии НАН Беларуси поздравляют Вас с юбилеем! Пусть и впредь осуществляются Ваши творческие планы и замыслы, пусть каждый день служения на благо белорусской науки, общества и государства приносит чувство исполненного долга! Для социологов разных поколений Вы являетесь Учителем не только в прямом смысле этого слова, но и примером верности избранному пути, рыцарского отношения к науке, ее защитником и популяризатором. Невзирая на множество регалий, заслуженный авторитет и многочисленные награды, Вы по-прежнему остаетесь открытым к диалогу со своими учениками.

В этот знаменательный день желаем Вам, уважаемый Александр Николаевич, крепкого здоровья, счастья, семейного благополучия, широких жизненных горизонтов, интересных творческих планов и замыслов, а также новых научных достижений.

А. А. Коваленя, Е. М. Бабосов, П. А. Водопьянов,
Н. Л. Мысливец, Н. Н. Сухотский, О. В. Кобяк